

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Максим Михалев

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

ЮЖНАЯ СИБИРЬ
И ЕВРАЗИЙСКАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ

Москва
ИКСА РАН
2023

УДК 332.14
ББК 65.9(2Рос)
М69

*Утверждено к печати
Ученым советом Института Китая и современной Азии РАН*

Научные рецензенты:
доктор политических наук А.С. Железняков
доктор философских наук Ч.К. Ламажаа

На переплете:
Вид с территории монастыря Сунрап Гьяцолинг в с. Эрзин,
Республика Тыва. 2020 г. *Фото автора*

Михалев М.С.

Засечная черта Внутренней Азии : Южная Сибирь и евразийская интеграция / М.С. Михалев; Ин-т Китая и современной Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2023. — 295 с. — ISBN 978-5-8381-0421-2

DOI: 10.48647/ICCA.2022.46.13.015

Внутренняя Азия является особой трансграничной историко-культурной общностью с уникальной идентичностью, несущей важнейшую духовно-нравственную функцию. Частью данного макрорегиона являются республики Южной Сибири — Алтай, Тыва и Бурятия. По мере того как процессы евразийской интеграции интенсифицируются, исполнение Внутренней Азией указанной функции ставится под угрозу. С целью минимизировать негативные последствия, вызванные строительством транснациональных «поясов развития», на страницах данной книги формулируются и прорабатываются альтернативные модели пространственного развития для этих трех регионов.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, Южная Сибирь, инфраструктурное развитие, евразийская интеграция, международная безопасность.

MIKHALEV, Maxim. *Zaseka, or Fortified Line of Inner Asia: Southern Siberia and Eurasian Integration* / M.S. Mikhalev; Institute of China and Contemporary Asia, RAS. Moscow: ICCA RAS, 2023. 295 p.

Inner Asia is a transborder historical and cultural entity with its own unique identity and an important spiritual global function. The republics of Altai, Tuva and Buryatia of Russia's Southern Siberia are parts of Inner Asia and make up its protective rim. As economic integration in Eurasia intensifies, its smooth functioning is threatened. With a purpose of minimizing potential negative impact of the newly built transnational development belts on the integrity of Inner Asia, this book elaborates on the alternative development models for the above-mentioned regions of Southern Siberia.

Key words: Inner Asia, Southern Siberia, infrastructure development, integration in Eurasia, international security.

ISBN 978-5-8381-0421-2

© Михалев М.С., 2023
© ИКСА РАН, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является логическим продолжением вышедшей в свет в 2022 г. монографии «Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая». В той работе, выполненной в рамках реализации Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» под руководством акад. РАН В.А. Тишкова, нам удалось на основе сравнения российской и китайской практики использования этнического фактора при планировании и реализации стратегий развития в трансграничных регионах предложить новые принципы формирования государственной политики в данной сфере. Временные и технические ограничения не позволили тогда вывести тему в практическую область и разработать конкретные модели сохранения и использования этнического потенциала приграничных регионов Сибири и Дальнего Востока России. Наработки, однако, сохранились, как сохранилась и даже усилилась потребность в их доведении до уровня полноценных программ развития. Как известно, любые теоретические построения требуют проверки их состоятельности на практике, ибо в противном случае существует серьезный риск появления «схоластической бесплодности» или, того хуже, неверной трактовки и неадекватной интерпретации.

Именно для того, чтобы этого избежать, и была написана данная книга. На ее страницах читатель найдет три непохожие друг на друга модели социально-экономического развития, разработанные на основе сформулированных в преды-

душей монографии общих принципов. Создавались они для приграничных регионов нашей страны — Алтая, Тувы и Бурятии. Но как это часто случается, первоначальный замысел, подразумевавший только применение сформулированных ранее теоретических положений на практике, позволил выявить и предложить решение для совершенно иной фундаментальной проблемы.

В ходе анализа выяснилось, что названные регионы призваны стать частью международного «пояса безопасности», своеобразной «засечной чертой» для обширного трансграничного пространства Внутренней Азии, исполняющей важную нравственную и духовную функцию на глобальном уровне. В настоящее время само ее существование ставится под угрозу ускорением процессов евразийской интеграции и в особенности планами строительства международных коридоров развития. Последним, что интересно, была посвящена еще одна наша ранняя работа «Пояса и пути Евразии: в поисках человека» (М., 2018). Осознание данного факта привело нас к выводу о том, что у сегментов Великого восточного лимитрофа существует не только национальная, но и глобальная миссия — стать своеобразным балансиром для уравнивания возрастающего воздействия трансграничных коридоров развития. По этой причине внутренняя политика России в отношении входящих в ее состав приграничных регионов Южной Сибири должна рассматриваться властями страны и как часть внешней политики в том, что касается формирования на просторах Евразии гармоничного содружества народов и государств. Как именно этих целей можно достичь на практике, читатель узнает, ознакомившись с содержанием предлагаемой его вниманию книги.

Глава 1

ВНУТРЕННЯЯ АЗИЯ. МЕЖДУМИРЬЕ

Прошлое: «тигель Евразии»

В самом сердце Евразии, на значительном расстоянии от омывающих континент океанов, находится обширный макрорегион, который, несмотря на свою длительную историю и ту огромную роль, что он до сих пор играет в поддержании глобального геополитического баланса, не имеет ни общепризнанного названия, ни собственной идентичности. Речь идет о совокупности территорий, расположенных в срединной части Азии и не имеющих прямого выхода к морю, включая независимые государства Монголию, Афганистан и постсоветские республики Центральной Азии, а также связанные с этими странами тесными историческими, социальными и культурными контактами отдельные приграничные и трансграничные регионы России и Китая. В их числе национальные республики южной части Сибири, такие как Алтай, Тува и Бурятия, а также примыкающий к ним с востока Забайкальский край с Агинским Бурятским округом. Сюда же относятся и крупнейшие автономные районы КНР, расположенные к северу и западу от Великой Стены, такие как Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), Тибетский автономный район (ТАР) и Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ).

Всем вышеуказанным территориям — как суверенным странам, так и отдельным регионам внутри более крупных государств — присуще историко-культурное единство, и, не-

смотря на наличие между ними государственных границ, населяющие их народы всегда были и до сих пор связаны тесными культурными, социальными, экономическими и политическими узами. Однако, как уже было сказано, макрорегион в целом пока не имеет общепризнанного наименования. По этой причине он не обладает, по крайней мере официально, ни собственной историей, ни общим рынком, ни представительством в международных организациях, ни трансграничными структурами развития, ни хотя бы инициативными объединениями, ставящими своей целью появление всех этих атрибутов сопряженности в будущем.

С одной стороны, это вызвано тем, что он занимает воистину огромную территорию, будучи при этом сильно вытянутым с востока на запад, разделен на отдельные сегменты существенными преградами и при этом крайне разнообразен с точки зрения физической географии. Кроме всего прочего, этот регион еще и трансграничный с точки зрения географии политической. Отдельные его составные части в течение нескольких последних столетий входили, а некоторые и до сих пор входят в состав крупных государств, политические центры которых находятся далеко за его собственными пределами. Парадоксально, но являющиеся периферийными по отношению к сердцу континента, эти более крупные государства всегда рассматривали доставшиеся им в ходе исторического процесса срединные районы Евразии лишь в качестве своих далеких *окраин*. Окраин, недостаточно экономически развитых и по причине своей инаковости, как правило, беспокойных, — окраин, иными словами, требующих безусловной интеграции в состав контролирующих их государств, а не интеграции их между собой в единое целое.

С другой стороны, несмотря на очевидную культурную схожесть, языковую близость, интенсивные социальные контакты и общую историю, сами народы этой пока еще условно выделяемой общности в центральной части континента вплоть до настоящего времени не составляют и не ощущают какого-либо внутреннего единства. Даже обретя независимость, они предпочитают тяготеть к той части континентальной периферии, которая оказалась им политически и культурно близкой в ходе предшествующего раздела центра Евра-

зии. К примеру, после того как бывшие республики Средней Азии стали в 1991 г. суверенными государствами, ими, по крайней мере на высшем уровне, было предпринято немало усилий для того, чтобы консолидировать народы региона в единую общность. Первым президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1992 г. взамен устаревшего деления на Среднюю Азию и Казахстан для всех этих новых, постсоветских государств региона был даже предложен специальный, довольно спорный с исторической и географической точки зрения термин «Центральная Азия» [Шарко 2013].

Вплоть до настоящего времени, однако, все усилия сплотить народы хотя бы этого постсоветского сегмента срединной части Евразии оказываются по большому счету тщетными. Несмотря на быстрое распространение идей пантюркизма, а также активно продвигавшиеся теми же казахстанскими лидерами и экспертами планы интеграции на основе представлений о так называемой «степной цивилизации» [Назарбаев 1999: 80; Мажитов 2009: 71–72], перспективы политического или экономического единства здесь минимальны. С одной стороны, элиты новых независимых государств слишком тесно связаны с соседними странами, с другой — и простые граждане не ощущают потребности в каком-либо региональном единстве. Более того, многие из них относятся к своим соседям с плохо скрываемым предубеждением, что делает истинное объединение трудно реализуемым.

Интеграция в центральной части Евразии если и продвигается, то лишь по инициативе внешних игроков, конкурирующих между собой и при этом преследующих исключительно собственные интересы. В постсоветской части региона, к примеру, сильны позиции Турции, которая делает ставку на лингвистическое сходство и при этом активно продвигает этнополитические мифы, обеспечивая расширение сферы своего влияния под предлогом необходимости воссоздания гипотетического тюркского единства [Аватков 2021; Грозин 2021: 26]. Естественным оппонентом подобной политики выступает Иран, который исторически также был тесно связан с регионом и у которого здесь, в срединной части континента, имеются собственные геополитические и геоэкономические интересы.

Позиции Тегерана сильнее в Афганистане и Таджикистане, однако в том, что касается восточной части срединной части Евразии, так называемого Восточного Туркестана, а также Внутренней и Внешней Монголии, ни Тегеран, ни Анкара не имеют там никакого веса. Несмотря на то что проживающие в этом регионе народы близки населению постсоветской Центральной Азии и культурно, и лингвистически, и духовно, их интеграция еще с кем-либо без ведома официального Китая, составной частью которого являются и СУАР, и АРВМ, и ТАР, в наши дни абсолютно немыслима. Пекин же заинтересованности в этом вопросе по вполне понятным причинам не проявляет, ограничивая свою активность участием в Шанхайской организации сотрудничества и в других межгосударственных форматах, где у него есть возможность претендовать на лидерство. В связи с этим не стоит забывать и о том, что в отдельных районах центра Евразии велико также влияние России, которая не только обладает серьезными рычагами воздействия на бывшие советские республики, но и связана множеством политических, экономических и культурных уз с Монголией.

Несмотря на все сказанное выше, представляется, что в интересах более точного понимания происходящих в настоящее время на континенте процессов аналитическое выделение срединной части Евразии, а также наделение ее всеми атрибутами отдельного, хотя и в достаточной степени условного макрорегиона все-таки необходимо. Это продиктовано тем, что ученым и экспертам требуется всесторонний анализ рисков и вызовов, стоящих перед новой системой континентальной безопасности. Требуется, помимо этого, оценить и те политические, экономические и гуманитарные возможности, что таит в себе усилившаяся в последнее время интеграция. По мере того как идея Большого Евразийского партнерства, озвученная Президентом России в 2015 г., будет наполняться реальным содержанием, необходимость учета всех без исключения ключевых элементов этого пока во многом гипотетического объединения стран и народов, а также и элементов, слабо различимых невооруженным взглядом, будет лишь возрастать. Их недоучет в силах подорвать любые усилия стран Евразии по строительству «сообщества единой судьбы»

[Глазьев 2019: 6]. В то же время научное знание обо всех, в том числе и пока еще не признанных таковыми частях несущей конструкции континента, понимание их истории, особенностей устройства, механизмов воспроизводства, а также роли и места в системе глобальной безопасности сделает проектируемый ныне «евразийский дом» более устойчивым и долговечным.

Подходящим термином, способным отразить имплицитное единство народов срединной части Евразии и в то же время заложить основу для их будущей общей идентичности, является, по нашему мнению, «Внутренняя Азия». Представляется, что именно это пока еще редко встречающееся в научной литературе словосочетание точнее всего отражает и особенности физической географии региона, и мирозерцание населяющих его народов, и место и роль глубинной части Азии в общей системе международных отношений. В конце концов, большая его часть не просто не имеет выхода к морю, но и расположена либо в пределах крупнейшей бессточной области самого большого континента на Земле, либо в непригодных для судоходства верховьях его величайших рек. Не связанные по этой причине с центрами морской торговли и при этом, как правило, отгороженные от прибрежных регионов горными хребтами и другими природными преградами, они в результате формируют независимую подсистему, ориентированную исключительно *на самоё себя*.

В последние годы понятие «Внутренняя Азия» получило ограниченное распространение среди ученых на постсоветском пространстве [Абаев 2011; Чороев 2019], а в Республике Бурятия уже с 2012 г. выходит научный журнал «Гуманитарные исследования Внутренней Азии». Несмотря на эти отдельные факты, единого понимания, что же все-таки следует подразумевать под этим интригующим словосочетанием, вплоть до настоящего момента достигнуто не было, в результате чего популярность самого термина невысока, и ему еще предстоит доказать свою научную состоятельность.

Между тем следует напомнить, что существование Внутренней Азии как отдельного, обособленного региона не вызывало сомнения у значительной части географов еще столетие назад. Дискуссия разворачивалась лишь по вопросу того, ка-

кие именно территории следует включать в ее состав¹. Первенство же в популяризации представления о Внутренней Азии как о едином регионе в общественных науках можно, с определенными оговорками, отдать исследователям из США и Великобритании. Несмотря на то что еще в первой половине прошлого столетия его употреблял О. Латтимор [Atwood 2011: 63], понимание Внутренней Азии, более близкое к современному, популяризовал уже во второй его половине профессор Индианского университета Д. Синор [Sinor 1970]. «В 1967 г. он основал Научно-исследовательский институт проблем Внутренней Азии, переименованный в 2006 г. в Институт Внутренней Азии Дениса Синора. С 1963 по 1988 г. был руководителем Центра по изучению национальных ресурсов Внутренней Азии и Урала» [Яковлев 2011: 136]. Синор также выступил редактором первой из целой серии книг, посвященных истории Внутренней Азии, увидевших свет в издательстве Кембриджского университета [Sinor 1990]. Примерно в это же время, а точнее в 1986 г., там же, в Кембридже, известным социальным антропологом К. Хамфри и ее соратником Ургунге Ононом был основан Отдел по изучению Внутренней Азии и Монголии (Mongolia and Inner Asia Studies Unit). Интересно, что именно в Кембридже срединным регионам Евразии с тех пор уделяют, возможно, самое большое внимание [Soucek 2000]. При этом необходимо уточнить, что и во многих других университетах мира «признается целесообразность отдельного вычленения региона Внутренней Азии или центральной Евразии, что проявляется в названии научных центров»² [Железняков 2016: 27].

¹ В споре с немецким ученым В. Сиверсом, к примеру, русский географ и геоботаник А.Н. Краснов настаивал на следующем определении: «Внутренняя, или Средняя, Азия есть совокупность всех замкнутых областей материка Азии, не имеющих стока к открытому морю и обладающих характером Ханхая... В состав Внутренней, или Средней, Азии главным образом входят следующие три большие области: Центральная Азия Рихтофена с частью Тибета, Иран с частью Малой Азии и Туркестан с частью Арало-Каспийской области» [Сиверс, Краснов 2003].

² Inner Asian and Altaic Studies, The Graduate School of Arts and Sciences, Harvard University; The Sinor Research Institute for Inner Asian Studies, School of Global and International Studies, College of Arts and Sciences, Indiana University; Centre for Inner Asian Studies; School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India, и др. [Железняков 2016: 27].

В какой-то мере росту популярности этого удачного, с нашей точки зрения, термина в научной и экспертной среде мешает привычка исследователей рассматривать отдельные части Внутренней Азии в пределах соответствующих национальных государств, таких как Россия, Китай, Иран, Казахстан или Монголия. Неменьшую проблему представляет и давно укоренившееся деление единого макрорегиона на две отдельные части — Центральную и Среднюю Азию. Под первой, по крайней мере в российской и советской науке, обычно понимаются территории, входящие ныне или входившие ранее в состав Китая, под второй же — бывшие российские владения в центральной части континента.

Не способствует признанию за понятием «Внутренняя Азия» права на существование и наблюдаемая вплоть до настоящего времени разноголосица в определении ее точных границ и состава. Иногда для этих целей руководствуются современным политико-административным делением и, как итог, включают в состав региона целиком все автономные районы северо-востока и северо-запада Китая, а также национальные республики Южной Сибири и новые независимые государства Центральной Азии. В другом же случае под Внутренней Азией понимают скорее совокупность территорий, населенных либо преимущественно, либо исключительно кочевыми скотоводческими народами. Границы макрорегиона в этом случае совпадают с ареалами традиционных территорий их проживания и лишь приблизительно коррелируют с актуальной политико-административной картой континента.

Что же касается России, то следует констатировать, что среди отечественных ученых термин «Внутренняя Азия» пока еще не прижился. Единственным исключением из этого правила является руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН профессор А.С. Железняков [Железняков 2021]. Однако и ему по большому счету не удалось достичь каких-либо значимых результатов, и Внутренняя Азия как географическая, политологическая или антропологическая концепция российским академическим сообществом до сих пор воспринимается крайне скептически. Частично это вызвано тем, что в нашей стране, где уже давно присутствует описанное выше деление региона на две

части, Центральную и Среднюю Азию, новый термин ассоциируется исключительно с западными учеными, которым принято приписывать далекоидущие геополитические планы. Уже в самом предположении о наличии глубинного единства у внутренних регионов Азии многим видится попытка теоретического обоснования отторжения от России национальных республик Южной Сибири или вывод из сферы ее геополитического влияния постсоветских государств бывшей Средней Азии. Умозрительное же расширение этого региона с включением в него крупнейших по территории административных единиц Китая, а также Монголии в XXI в., в отличие от XIX столетия, служит не целям экспансии России в Азии, а скорее легитимации претензий КНР на расширение сферы своего геополитического влияния в западном и северном направлении. При этом, к сожалению, собственного подходящего термина для обозначения этого объективно существующего и интуитивно ощущаемого макрорегиона, расположенного в срединной части континента и обладающего очевидным географическим, культурным и историческим единством, в нашей науке до сих пор не выработано.

Во многом непризнание самого существования Внутренней Азии как отдельного, уникального региона, а также проистекающее из этого невнимание к его специфическим проблемам и недооценка его важности объясняются широким распространением в мировой науке так называемого цивилизационного подхода. Согласно его базовым положениям, мир делится на несколько легко очерчиваемых и классифицируемых, но при этом, по причине недостаточно четких критериев, иногда весьма произвольно определяемых «цивилизаций» [Данилевский 1991; Хантингтон 2003]. Исторически почти все они увязываются с наличием уникальной письменности, оседлым образом жизни, существованием особого класса чиновников и летописцев, а также с другими признаками развитой земледельческой культуры. При этом вся территория между центрами, или ядрами, таких цивилизаций представляет собой не что иное, как «аналитическую пустоту», требующую заполнения «цивилизационным содержанием». «Пустота есть ничто», как принято утверждать в этом случае, и она при первой же возможности должна быть «введена в хозяйственный оборот».

На словах — для обеспечения должного уровня развития населяющих пустоты «нецивилизованных» народов. На деле же — для того, чтобы соседнее с ними сельскохозяйственное государство приросло новой территорией и получило исключительное право распоряжаться ее ресурсами.

Удивительно, но даже активные сторонники особой роли кочевых, скотоводческих народов также по большому счету остаются в рамках подобного, чисто сельскохозяйственного взгляда на историю и географию. Они в результате никак не опровергают сохранившиеся живучие предрассудки о «пустоте» и ее нежелательности, предпочитая дополнять цивилизационную теорию предположением о том, что и кочевая культура населения срединных районов Евразии, к примеру, также является еще одной, доселе не классифицированной, но все же «цивилизацией». Не подвергая, таким образом, сомнению ключевой тезис об Ойкумене как о совокупности этих на самом деле достаточно условных и при этом иллюзорных форм организации человеческого общества, они предлагают рассматривать зыбкие кочевые политии, а вместе с ними и все внутренние регионы континента как их особый вариант. При этом мысль о том, что у этих регионов может быть своя, отличная от сельскохозяйственных «цивилизаций» функция, ими иногда допускается. Тот же профессор Железняков, к примеру, говорит о предполагаемой монгольской цивилизации как о «пульсирующем Риме» — иными словами, как об историко-культурной общности особого рода, которая приводит в движение окружающие ее «цивилизации», являясь источником их непрекращающихся трансформаций [Железняков 2018: 40].

На самом деле пустота намного важнее и ценнее того, что мы о ней обычно думаем. Она действительно неуловима, увертлива и мимолетна и потому иногда выглядит как абсолютное *не-существование*. В реальности же пустота на удивление насыщена. Скорее, ее можно назвать таким же абсолютным, но все же *все-существованием*, и то культурное и социальное разнообразие, которым, к примеру, характеризуется Внутренняя Азия, рассматриваемая многими современными «летописцами» лишь в качестве досадной рудиментарной полости в центре континента, — еще одно отличное тому подтверждение. При этом уже для древних не было секретом, что

и абстрактная пустота в целом, и отдельные пустоты как ее частные манифестации таят в себе зародыши всех возможностей и служат источником всех форм и вещей, что когда-либо были или будут созданы.

В том что касается развития человеческого общества, это ее свойство связано с характером возникновения и развития пустот. Все дело в том, что вдоль извилистых линий соприкосновения цивилизационных «плит» всегда остаются последовательности так называемых щелей, впадин или туннелей. По всей видимости, связано это с тем, что ткань, из которой сплетена любая социальная структура, по своей природе гетерогенна. Она представляет собой калейдоскоп переплетающихся лоскутков, где швы необязательно прочны и где отдельные части подходят друг к другу не настолько плотно, чтобы полностью исключить возможность образования разрывов и пустот. Когда механизмы, призванные скреплять социальный организм в единое целое, перестают функционировать, его структурная целостность оказывается под угрозой, и именно швы, суставы и сочленения становятся самыми очевидными мишенями для вторжения материи извне. В случае если структура оказывается неспособной к быстрому устранению возникших «пробоин», эти вкрапления могут расти и множиться, паразитируя на все усиливающейся слабости структуры.

На самом деле до сих пор не совсем понятно, является ли причиной их появления воздействие какой-либо внешней силы или же социальная материя по своей природе имеет места, уязвимые для таких «атак» со стороны. Скорее всего, имеет место динамика, схожая с той, что наблюдается в ходе образования горных рек, когда геологические процессы, приводящие к формированию складок рельефа, предоставляют естественные маршруты вторжения для потоков воды, которые своей последующей деятельностью лишь углубляют и расширяют долины, создавая в конечном счете русла. В случае с социальными структурами природные факторы, такие как климат или ландшафт, а также деятельность самих людей, перекраивающих географическую карту, не только создают неповторимую мозаику цивилизаций и культур, но и формируют предпосылки для появления разного рода пустот между ними. В зависимости от конфигурации сил и того направления, по

которому осуществляется воздействие, образующиеся в результате аномалии могут принимать различные формы, обобщенно подразделяемые на три типа: 1) коридоры, которые пронзают все тело структуры целиком; 2) впадины, лишь незначительно деформирующие ее поверхность и оставляющие нетронутыми внутренние районы; 3) полости, которые оказываются отрезанными и инкапсулируются в срединных районах структуры, подобно пузырькам газа, автономно существующим в массе кипящей воды.

Все вышеуказанные формы не являются сколь-нибудь фиксированными объектами социокультурного ландшафта. Они текучи и, можно сказать, эфемерны, ибо их появление, развитие и угасание тесно связаны с динамикой развития цивилизационных «плит», на поверхности которых они как бы обретают свое «пристанище». Более того, трудноуловимые пустоты в теле Ойкумены ведут себя на удивление непредсказуемо, меняя форму и интенсивность в зависимости от обстоятельств. По мере того как перекраивается политическая карта мира, строятся магистральные автодороги или меняют свое русло крупные водные артерии, многие из них исчезают с карты мира, уступая свое место напору усиливающихся социальных систем. В то же самое время другие растут и множатся там, где до недавнего времени, казалось, не оставалось никакого места для двусмысленности и амбивалентности.

Р. Казати и А. Варзи убедительно показали [Casati, Varzi 1994], что с философской точки зрения любые подобные нарушения структуры, включая полости, впадины или туннели, выглядят и воспринимаются как пустота, или *отсутствие* материи, только в том случае, если наблюдатель находится внутри самой системы. Когда же мы говорим о междивилизационных пустотах, речь по большей части идет о взгляде с «цивилизованного» внешнего периметра континента. Именно там находятся центры крупных, развитых земледельческих государств, и именно оттуда до сих пор анализируют всемирную историю и формируют актуальную политическую динамику современные «летописцы». В том же случае, если взглянуть на систему изнутри, т.е. непосредственно из ее географического центра, можно увидеть, что все эти полости и впадины пред-

ставляют собой не что иное, как *избыток* материи, внешней по отношению к этой системе. Она, как уже показывалось выше, вклинивается со стороны и при благоприятном стечении обстоятельств стремится расширить свою территорию за ее счет.

Другими словами, промежутки между цивилизациями, эти своеобразные междумирья, располагающиеся в трансграничных пространствах, на самом деле являются, как и любые другие пустоты, вкраплениями внедрившейся из-за пределов собственно Ойкумены социальной материи иного вида. Самым подходящим словом для ее обозначения было бы *гостевая*, ибо именно оно лучше всего отражает ее оппозицию *принимающей* материи самих цивилизационных «плит». Внутренняя Азия, без всякого сомнения, является крупнейшим из всех существующих в мире междумирий, представляя собой гигантскую внутреннюю полость, образовавшуюся на месте неплотного примыкания друг к другу территорий земледельческих цивилизаций Европы и Азии. Бесплодной же пустотой она представляется лишь потому, что ее содержимое коренным образом отличается от того, к чему привык наблюдатель извне, с внешнего периметра континента, пытающийся выразить свое отношение к сущности явления, обретающегося за границами его понимания.

Из всего сказанного выше с неизбежностью вытекает осознание того, что слабо структурируемая, постоянно избегающая районирования и четкого определения срединная территория в глубине Евразии выглядит подозрительно опасной и постоянно ускользающей от наблюдателя лишь потому, что обладает принципиально иным характером и не похожа на те цивилизационные общности, в системе которых оперируют современные «летописцы». Не секрет, что большинство из них упрямо пытаются заключить все доступное им культурное содержание в разработанные ими же самими жесткие схемы, которые, что естественно, довольно легко описываются и осмысливаются лишь изнутри привычной им с рождения социальной структуры. В противоположность этому неуловимые, зыбкие, подвижные культурные и социальные миры, лежащие в основе кочевых политий и кочевого же образа жизни, характерного и даже неизбежного в природных условиях центра

континента, оставляют свободное место для чистой *со-бытийности*. Избегнув ловушки жестких форм, присущих устоявшимся цивилизациям, они остаются плохо структурируемыми и потому лишь с трудом познаваемы аналитическим разумом внешнего наблюдателя. Культура народов, населяющих такие территории, где по причине постоянного притока *гостевой* материи не может быть сформировано ничего окончательного, а метаморфозы происходят повсеместно и бесконечно, благодаря переплетению привычного и непривычного постоянно трансформируется, что, в свою очередь, и делает возможным рождение сущего из не-сущего.

Именно в этой способности вечного рождения из пустоты, кажущейся таковой лишь стороннему наблюдателю, и заключена загадка и в то же время очарование и ценность Внутренней Азии. Именно она и определяет ее вклад в развитие всего остального человечества. Она и вправду представляет собой территорию без четких, раз и навсегда очерченных границ, с первого взгляда лишенную каких-либо стабильных, устойчивых, уловимых культурных форм, являясь ареной постоянных, непредсказуемых превращений. В то же время она бережно сохраняет внутри себя и при этом постоянно транслирует вовне все эти новые и новые смыслы, рождающиеся как бы из хаоса и при этом оплодотворяющие собой затвердевшие и омертвелые социальные и политические формы «цивилизованной» Азии. Это и есть тот самый «пульсирующий Рим», о котором упоминает профессор А.С. Железняков. Тот самый центр, который, будучи по своей природе совокупностью пустот, не дает благодаря постоянному притоку гостевой материи остановиться в развитии его окраинам и каждый раз приводит их в движение, оправдывая этим свое положение ничейной срединной земли. «Тридцать спиц колеса сходятся в одной ступице, а польза от колеса в том, что в ступице нет ничего», возможно, заметил бы по этому случаю великий китайский мыслитель древности Лао-цзы [2013: 182–183].

Краткий экскурс в историю народов, населявших и населяющих Внутреннюю Азию, а также анализ их синхронных и диахронных связей способны приблизить нас к пониманию исторической миссии и геополитической функции данного

региона, проистекающих из этого его характера междивилизационной пустоты. Бросается в глаза, что территория, расположенная в сердце громадного континента, на протяжении большей части своей истории являлась своеобразным «тиглем Евразии» и была настоящей «кузницей народов». Возникнув как бы из ниоткуда, они снова и снова становились решающим фактором, менявшим направление и ритм истории всего континента, при этом ярче всего проявляя себя даже не в его глубинной части, у себя на родине, а именно на внешней его периферии. Иными словами, там, где были расположены крупные культурные и политические центры развитых земледельческих цивилизаций, окруживших пульсирующее «сердце» континента. Это полукольцо, которое с определенной натяжкой можно назвать Внешней Азией, начинается у тихоокеанских берегов Китая, идет дальше через Индию, Иран и Месопотамию, берега которых омывают теплые воды Индийского океана, и заканчивается в Малой Азии и Восточной Европе, относящихся к бассейну Атлантического океана.

Так, вся история Китая насыщена сообщениями о набегах с севера и запада, т.е. как раз с территории Внутренней Азии. Именно из этих бесплодных и, с точки зрения летописца оседлого народа, непригодных для жизни районов на благодатные равнины срединного Китая постоянно обрушивались все новые и новые волны завоевателей. Они казались земледельцам дикими, варварами, однако с военной точки зрения те ничего не могли им противопоставить, полагаясь лишь на подкуп и на дальнейшую ассимиляцию победителей. Спустившись с плоскогорий глубинной Азии, они и вправду довольно быстро теряли связь с внутренними районами континента. Иногда в течение всего двух-трех поколений внушавшие когда-то трепет «варвары» утрачивали свою пассионарность, способность к развитию и боевой дух. Созданные же ими новые династии распадались и, в свою очередь, становились жертвой следующего вторжения из самого сердца континента. Схожее давление со стороны кочевого населения Внутренней Азии испытали на себе и Византия, и государства Ближнего Востока, и Индия. На начальном этапе своей истории Русь тоже с переменным успехом противостояла сменяв-

шим друг друга ордам, так же сеявшим на западной периферии континента смерть и разрушение, как и на его восточных и южных окраинах.

На самом деле было бы несправедливым и недальновидным вслед за летописцами земледельческих цивилизаций, для которых очередное нашествие действительно означало еще один «конец истории», видеть в жителях внутренних районов континента исключительно диких, необразованных варваров. Недальновидно было бы отрицать их вклад и в развитие этих цивилизаций, и в формирование единой исторической общности на просторах Евразии. В действительности они, как и полагается жителям междумирья, не просто наполняли старые, застывшие культурные формы новым демографическим содержанием, но еще и обеспечивали диалог этих культурных форм между собой. В том случае, если бы каждая из оседлых цивилизаций Внешней Азии оставалась бы предоставленной сама себе, ни о каком обмене между ее частями не могло бы быть и речи. Лишь благодаря подвижной, зыбкой массе кочевого населения из самого центра континента, которая находилась в постоянном контакте с каждой из этих частей по отдельности, и возможен был взаимовыгодный обмен товарами, идеями, знаниями и элементами культуры. Китай и Персия, Индия и Европа знали друг о друге задолго до Великих географических открытий европейцев во многом благодаря тому, что каждый из этих районов оседлой культуры сталкивался и, зачастую против своей воли, взаимодействовал с одними и теми же кочевыми народами Внутренней Азии. Именно последняя в результате и выступала не только «кузницей народов», но и ареной интенсивного цивилизационного взаимодействия.

Так продолжалось, впрочем, лишь до того момента, пока предводителю монголов Чингис-хану, а также его потомкам не удалось соединить бесстрашие и мобильность степных кочевников с организованностью и расчетливостью земледельцев. Именно они в результате смогли первыми преодолеть дихотомию пассионарного, пульсирующего и оплодотворяющего, но при этом вечно отсталого центра континента и высокоразвитой, но при этом легко теряющей волю к борьбе его же периферии [Барфилд 2009]. Монголы в результате не толь-

ко покорили земледельческий Китай, как это уже делали многочисленные кочевые народы задолго до них, но и смогли успешно им управлять в течение достаточно продолжительного периода времени. Этот двойной успех, в свою очередь, позволил им подчинить себе и объединить в рамках единого государства многие другие важные центры Внешней Азии, включая часть русских земель на востоке Европы, а также народы и страны Средней Азии, Ближнего Востока и Кавказа. На юго-востоке Евразии монголы дошли до Вьетнама и Мьянмы, а их прямые потомки спустя некоторое время создали династию Великих Моголов в Индии.

Нельзя сказать, что они были первыми представителями срединных районов континента, которым удалось взять под контроль сразу несколько высокоразвитых земледельческих цивилизаций. Уникальность монгольского феномена заключалась в том, что та кочевая по своему характеру империя [Кочевые империи... 2019], которую удалось построить Чингисхану и его потомкам, не просто связала между собой отдаленные районы Внешней Азии, такие как Китай, Русь или Персия. Вобрав в себя и усвоив их многочисленные достижения, она окончательно разрушила те барьеры, что испокон веков отделяли подвижное ядро континента от его статичных окраин. Результатом этого, как ни парадоксально, стала постепенная утрата Внутренней Азией своего статуса «тигля Евразии», а в конечном счете еще и политической и экономической субъектности.

«Заслуга» тут, конечно же, не только самих монголов, действительно широко раскрывших в мир «врата пустоты», что в конце концов и привело к ее частичному наполнению давно застывшим культурным содержанием Внешней Азии. На самом деле не столько создание в Евразии единого государства, вместившего в себя сразу центр и периферию континента, сколько шедшее параллельно этому развитие науки и техники, а также вызванный ими кризис скотоводческой модели хозяйствования сделали возможным полномасштабное проникновение земледельческих народов на территорию внутренних районов континента, бывших до того для них практически неприступными. В свою очередь, это привело к тому, что инициатива окончательно перешла к населению удаленных

от центра континента стран, вклад же внутренних районов континента в его дальнейшее развитие резко снизился.

В авангарде этого движения «извне вовнутрь», принципиально изменившего характер и темп исторических процессов в Евразии, оказались народы, населявшие переходную зону между ее центром и периферией. Речь, с одной стороны, о маньчжурах, которые проживали на территории лесистых пространств к востоку от Большого Хингана. Именно они в конечном счете сменили монголов в качестве доминирующей силы во всей восточной части Евразии, не только объединив под своей властью важнейшие регионы собственно Внутренней Азии — Синьцзян, Тибет и Монголию, но и подчинив земледельческий Китай. Западная же часть Внутренней Азии оказалась, примерно в это же время, в составе Российского государства, которому удалось объединить обширные территории Сибири, Средней Азии и Казахстана. Именно маньчжуры и русские в результате и поделили между собой срединную часть континента, которая после этого окончательно перестала представлять собой какое-либо политическое или экономическое единство, лишилась статуса межцивилизационной пустоты и перестала исполнять функцию независимого посредника между цивилизациями.

Россия же и Китай, объединив в своем составе и сердцевину, и периферию Евразии, надолго превратились в крупнейших игроков мировой политики. Связано это было с тем, что Внутренняя Азия, которую они поглотили, разделив между собой, по сути, является еще и тем самым хартлендом, или «сердцевинной землей», размышления о котором столь популярны среди теоретиков геополитики [Колосов, Мироненко 2001: 58–60]³. Многим из них, как известно, именно контроль над хартлендом видится обязательным условием, для того чтобы претендовать на звание глобального гегемона [Mackinder 2004; Бжезинский 1998]. В этом смысле русские и маньчжуры действительно значительно приблизились к такому статусу, и лишь разделение хартленда на две части не позволило какой-либо

³ В состав хартленда часто включают еще и грандиозные, но при этом практически безлюдные пространства Сибири и Крайнего Севера. Думается, что это происходит лишь по причине недостаточных знаний о природе и населении этих мест зарубежными учеными.

одной из империй добиться окончательного господства периферии над центром. В свою очередь, это дало возможность Внутренней Азии сохранить, хотя и в сильно урезанном виде, свой геополитический потенциал.

При этом оказалось, что удержание подвижного центра Евразии в сфере своего исключительного влияния является непростой задачей для любой соседней с ним цивилизации. В первой половине XX в., в период революций и потрясений, Китай, к примеру, вообще на время утратил контроль над собственными окраинными районами. Этим незамедлительно воспользовалась Россия, которая, несмотря на столь же драматические события на внутреннем фронте, все же смогла сохранить контроль над своим, западным сектором Внутренней Азии. Ее влияние в результате распространилось и на Монголию, и на Восточный Туркестан; предпринимались даже попытки расширить его на Тибет, не имеющий с Россией общих границ. Полного поглощения внутренних районов одной державой удалось, однако, избежать и на этот раз. Постепенное возрождение Китая во второй половине XX в., а также идеологическая общность, возникшая между двумя крупнейшими государствами Евразии, позволила им в конце концов достигнуть компромисса, вернуться на изначальные позиции и еще раз зафиксировать линию разлома хартленда на Среднюю и Центральную Азию.

Как оказалось, основная опасность, однако, для Внутренней Азии заключалась не в политическом доминировании над ней крупных государств. Как и во времена монголов, регион стал быстро трансформироваться, по мере того как ускоренное развитие путей сообщения, коммуникационных технологий, а также тесно связанные с этим миграционные процессы стали разрушать складывавшийся столетиями демографический и культурный ландшафт центральной части континента изнутри. По мере роста антропогенной нагрузки видоизменились даже географические характеристики этого уникального природного региона вдали от морей и океанов. Степной пояс Казахстана во второй половине XX в. был, к примеру, частично введен в сельскохозяйственный оборот. После этого в срединные районы, населенные по преимуществу скотоводами, хлынули значительные потоки земледельцев. В то же время тра-

диционные «искушения» высокоразвитых оседлых цивилизаций, которые во все времена притягивали к себе кочевников, стали для них доступными без необходимости захватывать их силой. Вполне ожидаемо, что они стали охотно менять места своего традиционного проживания во внутренних районах континента на гораздо более комфортные прибрежные регионы Евразии. В результате в центре континента полностью изменился демографический баланс.

В конце концов частично перешедшие на оседлость кочевники перестали быть агентами перемен и не могли больше обеспечивать культурный обмен между земледельческими цивилизациями Внешней Азии, которых связали между собой самые современные средства коммуникации. Кроме того, по причине своей слабости они теперь были не в силах держать, как когда-то в прошлом, эти цивилизации в состоянии постоянного напряжения или тем более определять направления их политического развития. Таким образом, к середине XX в. Внутренняя Азия полностью утратила исторически присущие ей в прошлом функции «тигля Евразии» и «кузницы народов» и оказалась не в состоянии претендовать на то, чтобы диктовать свою политическую волю. Несмотря на это, географическая отдаленность, культурная непохожесть, а также обретение независимости постсоветскими республиками Средней Азии все еще гарантируют сохранение регионом своего положения главного междумирья Евразии. Иными словами, положения той самой пустоты в центре колеса, которая обеспечивает возможность его вращения и, как итог, подлинного развития.

Настоящее: экономическая интеграция как угроза

На самом деле у всякого междумирья существует еще и мировоззренческая функция, которая, к сожалению, редко принимается во внимание. Все дело в том, что территории, насыщенные гостевой материей, предоставляют возможность прикоснуться к субстанции, заполняющей пространство, лежащее за пределами мира привычных идей и представлений.

Территории неплотного смыкания цивилизационных «плит» являются по своей сути воротами в заповедные зоны, расположенные вне крупных социальных систем и, таким образом, за рубежами нашего обыденного восприятия. Позволяя гостевой материи проникать в пределы Ойкумены, где она может быть обнаружена и описана наблюдателем, она становится незаменимым источником знаний о том большом мире, который окружает человечество, оставаясь им при этом практически не исследованной.

Наблюдаемые в последнее время политические, экономические и социальные тенденции внушают, однако, серьезную озабоченность по поводу того, что и эта последняя и, возможно, самая важная духовно-мировоззренческая функция Внутренней Азии может быть ею в самое ближайшее время утеряна. На Алтае, когда человек переставал разумно мыслить, говорили, что у него пропала «пустота головы» и не работает «пустота сердца», а потому он не в состоянии принимать правильные решения [Шодоев, Курчаков 2003: 46]. В какой-то степени к подобному, крайне тревожному состоянию приближается все современное человечество. Люди продолжают уничтожать оставшиеся на карте пустоты, отравляя их плодотворную тишину своим беспорядочным шумом и застраивая их пространство новыми дорогами и городами. Делают это они все более и более успешно, кстати — успешно до такой степени, что пустота вскоре может оказаться на грани исчезновения.

Вызвано это тем, что, отвергнув, на уровне философских обобщений, модерн с его наивным позитивизмом и верой в неизбежность и необходимость технического прогресса, а также основанный на его достижениях безудержный, ничем не ограниченный экономический рост, человечество на самом деле осталось верным его фундаментальным постулатам. Причем верным не только на уровне представлений о неизбежном торжестве материального над духовным, но также и в том, что касается конкретных целей, задач и даже языка официальных программ и постановлений. Очевидно, что акцент на необходимости постоянного пространственного и технологического развития, доходящего в своем пределе до фетишизации механических приспособлений и ритуализации цифровых мани-

пуляций, является одной из неотъемлемых черт современного социального и политического дискурса [Михалев, Якунин, Вилисов 2018: 18–19]. Проникший в самые глубины общественного сознания утилитаризм, помноженный на почти религиозный культ информационно-коммуникационных технологий и тесно связанной с этим меритократии, может быть с полным правом назван господствующей идеологией в эпоху тотального кризиса всех иных идеологий.

Неудивительно, что в подобной ситуации и лица, принимающие решения, и люди, доверяющие им принимать эти решения, сходятся в том, что мерилом успеха и синонимом правды должен считаться лишь уровень благосостояния — человека, региона или целой страны, в зависимости от того, вопрос какого уровня стоит в данный момент на рассмотрении. Само по себе это убеждение, безусловно, имеет право на существование. К сожалению, в паре с ним часто идет безосновательная уверенность в том, что необходимым условием достижения этого благосостояния является постоянный, ускоряющийся, самодовлеющий рост числовых экономических показателей. Проблема при этом заключается в том, что свою одержимость такими показателями те страны и те народы, что выбрали экономическое преуспевание единственной легитимной целью своего существования, пытаются навязать и соседним с ними государствам или народам.

В том случае, когда дело касается какой-либо суверенной страны, которую сочувствующие ей подобным образом «благожелатели» стремятся «направить на путь истинный» и привести к благоденствию в том виде, каким они его представляют сами, у жителей и руководства этой страны есть небольшой, но все-таки шанс избежать навязываемого ей тотального экономического развития. Примеров, подобных тому, что демонстрирует Бутан, до сих пор отказывающийся открыть свои двери культу бесконтрольного роста и предпочитающий говорить об индексе валового национального счастья, а не о росте ВВП, не так много, но они все же имеются [Schroeder 2017]. Более того, модели развития, предполагающие, хотя бы в теории, постановку во главу угла интересов человека, природы или общества в противовес потребностям экономики, завоевывают все большую популярность, хотя и не могут пока пре-

тендовать на что-то большее, чем очередной каприз идеологической моды.

Участь же тех регионов, которые входят в состав других, более развитых с военной и экономической точки зрения стран и которые воспринимаются теми как «недоразвитые» и при этом слишком медленно идущие по пути «прогресса», печальна. Не имея юридической возможности сохранить для себя тот ритм и тот темп экономической жизни, который был присущ их природе изначально, народы, проживающие в таких регионах, становятся в результате объектом «внутреннего» колониализма по мере того, как центральные власти реализуют программы их насильственного развития. Доминирующий общественный дискурс при этом всегда находится на стороне «развивающего». Даже если «развиваемый» и предпринимает попытки сопротивляться навязанной ему со «стороны» и в интересах этой самой «стороны» эксплуатации его собственных природных и человеческих ресурсов, его робкие усилия безжалостно высмеиваются и осуждаются.

На самом деле само это осуждение парадоксально, ведь оно противоречит так называемым целям устойчивого развития (ЦУР), провозглашенным ООН, которые с недавнего времени стали важной частью международной повестки [Бобылев, Соловьева 2016: 8]. Возможно, это вызвано тем, что сами эти цели сформулированы международными организациями, зависящими от транснациональных финансовых и промышленных элит. При этом не секрет, что те по большому счету просто делают вид, что пытаются найти выход из глубокого кризиса капиталистической модели развития и перехода человечества к «полному миру» [Weizsacker, Wijkman 2018: 9–11], но при этом в реальности больше всего боятся, что такой выход будет когда-нибудь действительно найден. Именно по этой причине ЦУР так и остаются благими пожеланиями. Как остаются ими и призывы тех ученых, религиозных и общественных деятелей, которые указывают на экзистенциальную опасность и смысловую ущербность такой парадигмы общественного развития, при которой экономический рост является довлеющим над всеми иными аспектами человеческого существования [Папа Римский Франциск 2015: 16–17; Стиглиц 2003].

В условиях столь жесткого идеологического диктата, а также при сохраняющейся и углубляющейся политической зависимости большинство регионов Внутренней Азии оказываются в крайне невыгодном положении. За исключением Монголии и Афганистана, которые также сильно зависят от других стран, но при этом давно вольны определять направление, характер и темпы своего экономического развития самостоятельно, остальные части этого макрорегиона таким преимуществом не обладают. Ситуация лишь немного изменилась к лучшему для народов Казахстана и Средней Азии, однако говорить о том, что какое-либо из постсоветских государств этой части Евразии обрело истинную независимость в том, что касается выбора стратегии своего национального развития, пока, к сожалению, преждевременно.

Как неизбежный итог описанной выше аберрации общественного сознания существование на карте мира экономических «белых пятен», подобных регионам Внутренней Азии, выглядит в глазах сторонних наблюдателей оправданным лишь в том случае, если они все же приносят выгоду, однако выгода эта несколько иного рода. Речь идет о туризме как лицемерной по своему характеру попытке продолжать извлекать материальную выгоду из тех или иных природных или культурных объектов, при этом, однако, не нарушая их целостности. Это становится возможным потому, что те предлагаются на продажу и обретают меновую стоимость исключительно благодаря тому, что сохранены для потребления в первозданном виде. Дискуссия, как можно легко заметить, и в этом случае не выходит за рамки чистого утилитаризма — расширяется лишь определение «полезности». К сожалению или к счастью, территория Внутренней Азии к объектам особой туристической значимости не относится, а наполняющая ее пустота не воспринимается поборниками универсального меркантилизма как очередной товар, хотя бы и особого сорта. С их точки зрения, в результате полезность региона стремится к нулю и с этим необходимо что-то срочно делать.

Не вызывает удивления тот факт, что подавляющая часть экспертов считает постепенную утрату Внутренней Азией своего культурного единства, политической субъектности и

функции обеспечения диалога между цивилизациями закономерным и даже желательным этапом исторического процесса. В той же самой мере, что и средневековые летописцы земледельческих цивилизаций, они полагают, что продолжение существования этой «отсталой», «неполноценной» историко-культурной общности в центре континента противоречит их собственной логике тотального экономического развития. Параллельно с этим, что характерно, они же опасаются, что внутренние регионы Евразии все еще представляют экзистенциальную опасность для развитых государств континента и потому должны быть непременно взяты под окончательный контроль последними. Конечно же, «ради их собственного процветания», однако «процветания» исключительно в таком виде, какой этим же самым экспертам представляется универсальным.

Достигнуть подобного обычно предлагается через интенсификацию политической и экономической интеграции Внутренней Азии с развитыми странами континента, лишение культурных особенностей и последующую ассимиляцию населяющих ее народов или, в том случае, если те не идут ни на какие уговоры, просто при помощи грубой силы. Настойчивые попытки, в том числе и посредством военной оккупации, навязать модернизационную повестку Афганистану, столкновение интеграционных проектов в постсоветской Средней Азии [Пути и пояса... 2019], а также жесткая политика Китая по отношению к тибетцам в ТАР и уйгурам в СУАР суть множественные проявления этой постоянно нарастающей тенденции. Не обошли стороной программы насильственной модернизации и Монголию, а также входящие в состав России регионы Южной Сибири, однако здесь, в северной части Внутренней Азии, пока удастся избежать тех эксцессов, что последнее время все чаще отмечаются в остальных частях глубинной Евразии.

В результате весь макрорегион быстрыми темпами движется к унификации и уничтожению культурного разнообразия, изначально ему присущего. Промышленно развитыми государствами и крупными транснациональными игроками, заинтересованными в их экономическом «развитии», применяются новейшие достижения науки и техники, а также ис-

пользуются обширные материальные и информационные ресурсы, имеющиеся в их распоряжении, которые усиливаются при помощи элементов политического и военного давления. Как итог, люди, проживающие в глубинных районах континента, теряют возможность избежать окончательной трансформации их традиционного образа жизни во имя так называемого «прогресса». В свою очередь, это ставит под угрозу уникальные знания, доступные тем, кто соприкасается с сохранимым гостевой материи.

Особую озабоченность в связи с этим вызывает ситуация, складывающаяся в КНР. Правительство этой страны всегда уделяло приоритетное внимание быстрому росту экономических показателей [Бергер 2009: 23]. Несмотря на то что в последнее время и в Китае все чаще говорят о социальных аспектах модернизации и акцентируют внимание на необходимости более гармоничного, всестороннего развития [Борох, Ломанов 2005], десятилетия примата материального над духовным превратили здесь экономический рост в фетиш. В жертву ему уже принесена практически вся территория центральной части страны, однако вплоть до недавнего времени обширные пространства Внутренней Азии, включая Тибет, Синьцзян и Внутреннюю Монголию, оставались, по причине своей удаленности и малонаселенности, в относительной безопасности. Подобная ситуация, в свою очередь, сильно беспокоила центральное правительство, которое просто не может позволить себе присутствие в составе страны крупных регионов, «уклоняющихся» от программ ускоренного экономического развития.

Еще одной причиной для принятия все новых шагов по интенсивному «освоению» регионов Внутренней Азии является убежденность властей Китая в том, что причиной роста популярности любых движений за культурную или духовную автономию либо за политические права в среде тех или иных малочисленных народов страны является экономическое неравенство. Согласно доминирующему в экспертных кругах страны и в обществе убеждению, неопровержимым итогом того, что государство инвестирует значительные финансовые ресурсы в беспокойные приграничные регионы и соединит их с центром страны современными транспортными магистра-

лями, обязательно должно стать исчезновение самой проблемы сепаратизма⁴.

В результате на протяжении нескольких последних десятилетий правительством КНР предпринимаются беспрецедентные меры по экономическому развитию того же СУАР. На территории этого крайне отдаленного приграничного региона ударными темпами строятся железные и автомобильные дороги, связывающие его с центральными районами страны, в городах и в сельской местности возводятся многочисленные промышленные объекты и объекты недвижимости, ускоренными темпами идет индустриализация [Баженова 2017: 463]. Вследствие этого постоянно растут темпы урбанизации, в результате чего меняется и демографический ландшафт Синьцзяна. С одной стороны, отдаленные его районы пустеют по мере того, как сельские жители переселяются в города и поселки городского типа или их принуждают это делать власти [Михалев 2019: 84–85]. С другой — в регионе наблюдается значительный приток рабочей силы из-за пределов собственно СУАР, что, в свою очередь, приводит к появлению космополитичного по своему составу населения в его крупных городских агломерациях.

Подобные перемены претерпевают и другие национальные окраины Китая. Там же, где по тем или иным причинам достичь показателей промышленного роста оказывается слишком трудно или даже невозможно, традиционный образ жизни коренного населения выставляется на продажу в интересах индустрии гостеприимства. С начала 10-х годов XXI в. именно она является одной из «опорных стратегических отраслей народного хозяйства» [Заклязьминская 2021: 43], при этом одной из составляющих такого успеха стало быстрое развитие этнокультурного туризма в местах традиционного проживания малочисленных народов страны.

Казалось бы, беспрецедентные усилия Китая по повышению уровня жизни населения национальных окраин должны были способствовать гармонизации межэтнических отношений. Однако на поверку ускоренное экономическое развитие не приводит к снижению напряженности [Ху Аньган, Ху Ляньхэ

⁴ Справедливости ради надо отметить, что некоторые крупные эксперты по национальному вопросу выражают свое несогласие с такой постановкой вопроса [Ян Шэнминь 2014: 99].

2011]. Оно в действительности лишь усугубляет финансовый и, что важнее, ценностный разрыв между ханьским большинством страны и теми народами Китая, что до сих пор населяют его автономные районы. Глубинной предпосылкой этого конфликта является то, что воинствующий утилитаризм, проповедуемый центральными властями и выражающийся в том числе и в отношении к природе и культуре коренных народов как к еще одной разновидности экономического ресурса, полностью противоречит ценностным установкам тех же самых монголов, казахов или тибетцев. Скотоводу, живущему в согласии с ритмами природы и приспособляющему под них свою жизнь, сложно встать на точку зрения земледельца, ту же самую природу творчески преобразующего и при этом считающего себя ее полноправным хозяином и распорядителем.

Сказывается и то, что для коренных народов Тибета, Монголии и Синьцзяна материальное благополучие не обладает абсолютной притягательностью и универсальной важностью. В отличие от ханьцев, для которых финансовое состояние и карьерный рост являются важнейшими критериями при оценке человеческой жизни и одновременно мерилom состоятельности государства в целом, они уделяют данному аспекту намного меньше внимания. В то же время не стоит забывать и о чисто прозаических причинах провала девелопменталистской по своей сути политики китайского правительства в отношении своих приграничных территорий. Не секрет, что бенефициарами экономического развития здесь, как правило, становятся лишь местные элиты, а также представители крупного капитала из центральных районов страны. При этом простым тибетцам или монголам, приносящим в жертву во имя иллюзорного «прогресса» свой традиционный образ жизни и окружающую их среду, достается лишь самое элементарное улучшение жизненных стандартов. Оно ни в коей мере не способно компенсировать те утраты, которые несет в процессе индустриализации приграничных регионов коренное население, в конечном счете оказывающееся на обочине того самого экономического развития, темпы которого видятся китайским руководителям самым надежным способом лишить его протестного потенциала.

С точки зрения существования Внутренней Азии как уникального геополитического буфера в центре континента усиление активности властей КНР по превращению окраинных регионов страны в новые точки ускоренного экономического роста представляется крайне тревожной тенденцией. Итогом этого беспрецедентного по своей интенсивности наступления на существовавшее веками межцивилизационное пространство может стать не только окончательная потеря центром Евразии своей функции политического и культурного амортизатора, но и превращение его в арену жесткого этнического противостояния. Переформатированная, лишенная своей специфики и глубоко интегрированная в состав Китая, восточная часть макрорегиона попросту перестанет быть «пульсирующим Римом», всегда обеспечивавшим диалог цивилизаций и их движение навстречу друг другу. В том же случае, если Китаю удастся еще и экспансия на территорию государств постсоветской Средней Азии и в Монголию, это грозит тем, что весь евразийский хартленд окажется в руках одной из цивилизаций, что окончательно подорвет баланс на континенте с самыми серьезными последствиями для всего мира. Не столь заметные на первый взгляд, последствия того, что Евразия, а вместе с ней и весь мир лишатся доступа к тем сферам, что находятся за пределами привычной социальной материи цивилизационных «плит», также нельзя не принимать во внимание. Пустота, как уже было неоднократно подчеркнуто, необходима человечеству в целом, а ее способность быть первопричиной всего сущего делает ее воистину уникальным и при этом практически невозполнимым ресурсом.

Территории, составляющие центр Евразии, столь обширны, коренное население здесь столь немногочисленно, а природные условия столь тяжелы для проживания земледельческих народов, что любые усилия по их форматированию под себя практически всегда оказывались тщетными. Срединные районы континента в течение какого-то периода времени могли входить в состав тех или иных государств Внешней Азии. Однако до той поры, пока средства коммуникации не приобрели такой мощи, как в настоящее время, а инфраструктура не была способна так радикально сжимать пространство,

серьезной опасности для сохранения специфики региона все эти завоевания и временные инкорпорации территорий не представляли.

Иное дело сейчас. Успехи науки и техники тают в себе столь масштабные вызовы, что впервые в истории на кону, как представляется, стоит само существование Внутренней Азии, а вместе с ней и сохранение в неприкосновенности территории тишины в центре континента. Сам по себе технический прогресс не значит так много, однако если он не подкреплен политической волей и соответствующими финансовыми ресурсами. Приходится констатировать, что и того и другого у нынешнего руководства КНР имеется в избытке. Начиная с 2013 г., когда лидер страны Си Цзиньпин представил в столице Казахстана новую внешнеполитическую инициативу «Один пояс — один путь», китайское государство поставило своей главной задачей в регионе обеспечение ускоренного экономического развития своих соседей, основанное на совместном с ними строительстве и использовании глобальной инфраструктуры. Другими словами, все то, что уже давно вызывало тревогу, но касалось лишь ситуации внутри Китая, было предложено, причем с самой высокой трибуны, реплицировать на территории государств постсоветской Средней Азии и в Монголии.

Интересно отметить, что китайские идеологи, кажется, оказались искренне убежденными в том, что самым значимым вкладом, который может внести их страна с многовековой историей и уникальной культурой в общую копилку человечества, является именно ее практика тотального экономического развития. Именно в том, чтобы донести до народов планеты свой рецепт построения справедливого и вместе с тем умеренно зажиточного общества, в основании которого находится рост экономики, они видят глобальную историческую миссию КНР на современном этапе [Михалев, Якунин, Вилисов 2018: 79].

Китайская сторона старательно подчеркивает миролюбивую сущность своей новой внешнеполитической инициативы. Утверждается, что подобным образом КНР предлагает изменить модель, при которой находящиеся в центре Евразии территории воспринимаются лишь как посредники в торговых

и культурных обменах между странами Запада и Востока. В случае своей успешной реализации, говорят китайские эксперты, проект «Один пояс — один путь» не только поможет преодолеть разрыв между бедными и богатыми странами Евразии и сгладить неравномерность в темпах развития ее отдельных регионов; в результате он приведет к построению более безопасного, справедливого, процветающего и гармоничного мира, в котором государства центральной части континента смогут играть роль равноправных партнеров.

В реальности, конечно же, не стоит воспринимать все эти красивые декларации за чистую монету, ведь за новой стратегической инициативой просматривается настойчивая попытка Китая расширить сферу своего влияния, предпринимаемая в виде экспорта государственной идеологии, призванной восполнить тот вакуум идей, что характерен для постсоветского пространства в целом. Взгляд именно с такой, ценностной, а не чисто экономической или политической точки зрения, которой до сих пор грешат многие современные наблюдатели, позволяет понять истинную подоплеку беспрецедентного в истории Китая выхода за пределы зоны своих традиционных интересов. Он в то же время позволяет избежать опасной недооценки тех вызовов глобальному статус-кво, которые таит в себе его проект «Один пояс — один путь».

Рассуждая о конкретных социально-экономических механизмах обеспечения экспорта идеологии экономического развития и достижения нового евразийского единства на ее фундаменте и под руководством Китая, часто вспоминают о трансграничных транспортных коридорах и о *поясах развития*, под которыми понимают совокупность путей сообщения и всей сопутствующей им инфраструктуры. Они, в свою очередь, призваны объединить крупные экономические и политические центры промышленно развитых стран Евразии в единую сеть, обеспечив свободное передвижение людей, товаров и капитала⁵. Интересно, что не только в самой КНР, но и, к при-

⁵ Как отмечает по этому поводу эксперт по Китаю И.Е. Денисов, «идея взаимосвязанности и интенсификации торгово-экономического сотрудничества реализуется в концепции экономических коридоров, под которыми понимаются крупные международные маршруты с опорными точками в ключевых городах и площадках для сотрудничества в важных торгово-экономико-производственных зонах» [Денисов 2016: 29].

меру, в России многие эксперты также высказывают убеждение, что за поясами развития и есть будущее всей евразийской интеграции [Якунин 2005; Осипов, Каропова, Некрасов 2019]. Иногда даже возникает впечатление, что создание глобальной сети инфраструктурных коридоров и порождаемых ими поясов развития является тем самым «философским камнем» Китая, рецептом получения которого он готов поделиться со всеми своими партнерами в рамках реализации инициативы «Один пояс — один путь».

Несложно заметить, однако, что, несмотря на громкие фразы о солидарном развитии во имя общего процветания, интеграционные инициативы КНР предполагают прежде всего использование Внутренней Азии в качестве транзитной зоны. Действительно, лишь подобным образом можно обеспечить тесную связь между крупными промышленными агломерациями и рынками сбыта, расположенными в отдаленных друг от друга прибрежных районах на востоке и западе континента. При этом подразумевается — иногда эксплицитно, иногда имплицитно, — что и для внутренних, континентальных районов Евразии эти пояса развития станут важными локомотивами роста. Утверждается, что лишь благодаря актуализации своего транзитного потенциала те смогут интегрироваться в мировую экономическую систему, что, в свою очередь, является залогом их поступательного развития в будущем.

Частично эти ожидания оправданны, однако в реальности скоростные транспортные коридоры, за прокладку которых столь активно ратуют промышленно развитые государства континента, расположенные на его географической периферии, вряд ли способны обеспечить гармоничное, комплексное и, самое главное, устойчивое развитие тех обширных пространств, что расположены между ними. Скорее, их строительство и эксплуатация может вызвать обратный эффект, ведь в действительности речь идет о несколько одностороннем единстве, при котором быстрый прогресс одних частей целого достигается за счет деградации других.

Любая по-настоящему крупная транспортная артерия не просто связывает между собой две или несколько точек в пространстве, обеспечивая экономичное и при этом быстрое пе-

ремещение между этими точками людей, идей, товаров и инвестиций. Она практически всегда является еще и «тройным конем»; эта артерия, пронзив пространство между точкой своего начала и точкой своего же окончания, постепенно его полностью опустошает, поглощая в ходе собственного роста и его ресурсы. Подобная, назовем ее *большой*, инфраструктура, связывая в единую сеть далекое, сегментирует, расчленяет и в конце концов подменяет собой всю инфраструктуру близкого, которую по аналогии можно будет назвать *малой*. Самим фактом своего появления она устраняет исторически сложившиеся и обусловленные особенностями физической и политической географии региона связи между локальными игроками и сообществами, навязывая жителям «покоряющегося» ей промежуточного пространства привнесенную извне и, как правило, чуждую им систему координат.

В погоне за прилагаемыми к *большой* инфраструктуре незначительными, сиюминутными выгодами жители рассекаемых скоростными коридорами пространств теряют гораздо больше того, что они же могут приобрести. Теряют свой традиционный образ жизни, теряют присущий только им и никому больше темп и ритм исторического времени, теряют достоинство и, в конечном счете, фактический контроль над собственной территорией. Благодаря возросшей транспортной доступности региона, ставшего в результате прохождения *большой* инфраструктуры транзитным, происходит подрыв его демографического и интеллектуального потенциала, после чего в серьезной опасности оказывается и его суверенный производственный потенциал, который не выдерживает конкуренции и разоряется. В конце концов инициировавшие строительство транспортных коридоров страны и народы, окончательно истощив пространство, расположенное между ними, начинают наполнять его своим собственным содержанием — человеческим, культурным, экономическим и финансовым. По мере того как политический и экономический суверенитет расположенных в границах коридора территорий становится фикцией, а их ресурсы и международные связи попадают под контроль внешних сил, проживающие здесь народы оказываются в состоянии зависимости, схожей по своей природе с колониальной.

Проблема усугубляется тем, что вслед за разрушением традиционного образа жизни, нарушением экологического и демографического баланса и девальвацией системы ценностей, которые неизбежно следуют за любым подобным перекосом развития, никакого нового экономического процветания не возникает. Несбалансированная структура собственности, небрежение и рвачество в управлении ресурсами чужого региона, вызванные непониманием локальных реалий и очень часто презрительно-снисходительным отношением к местным жителям, приводят к тому, что довольно скоро даже первоначально достигнутое, во многом все еще иллюзорное благополучие приходит в полную негодность. В том случае, когда инфраструктурно колонизирующая и инфраструктурно колонизируемая страны схожи друг с другом с позиций культуры, религии и языка, это приводит лишь к экономическим и социальным диспропорциям в их развитии. В том же случае, когда коренное население «коридора развития» резко отличается по своим этническим, конфессиональным, культурным или историческим характеристикам от инициаторов его строительства, это может приводить к межнациональным конфликтам и межкультурным трениям.

Все сказанное выше справедливо и в отношении Внутренней Азии, которая в китайском плане евразийской интеграции предстает в качестве изначально слаборазвитой территории, обладающей тем не менее важными стратегическими ресурсами, частью прибыли от эксплуатации которых инициаторы интеграционных планов «согласны» поделиться впоследствии с ее коренными жителями. Представляется, однако, что тем следует быть крайне осторожными и сдержанными по отношению к подобным инициативам со стороны. Им не стоит забывать о рассмотренной выше вероятности превращения своих стран в инфраструктурные придатки держав, располагающих по сравнению с ними существенным геополитическим и геоэкономическим преимуществом. В том случае, если по их территории будут действительно проложены удобные скоростные транспортные коридоры, это окончательно лишит глубинные районы континента политической и экономической самостоятельности, социальных перспектив и национальной идентичности. Вся Внутренняя

Азия может в таком случае превратиться в зону отчуждения, где не встречающая на своем пути никакого сопротивления глобальная транспортная ось превращается в абсолютную доминанту пространства и населяющего его социума.

Угрозы, которые таит в себе подобный сценарий, многочисленны и серьезны. С политической карты мира может исчезнуть важнейший геополитический буфер, в течение продолжительного времени гарантировавший сохранение баланса сил в Евразии. Окончательное его поглощение, причем в интересах всего лишь одного из крупных игроков, способно превратить этого игрока в фактического гегемона, вобравшего в себя весь хартленд целиком. Практически неизбежное заполнение междумирья в центре континента чуждым ему демографическим и культурным содержанием, в свою очередь, чревато появлением новой точки напряженности, а также прямым столкновением геополитических гигантов. Пока будет интенсифицироваться транспортное сообщение между Востоком и Западом, культурные и мировоззренческие различия между ними никуда не денутся и в новых условиях лишь многократно усилятся. Пространство диалога будет сведено к минимуму, гостевая материя будет полностью вытеснена из пределов Ойкумены, а территория «пульсирующего Рима» и духовного резервата Евразии будет превращена в очередную пыльную стройплощадку нашего времени.

Очевидно, что то пренебрежение, которым до сих пор характеризуется отношение к любым слабо оформленным территориям разрыва социальных структур, к которым относятся и Внутренняя Азия, должен сменить самый живой к ним интерес, продиктованный стремлением оградить их от преждевременной и насильственной модернизации. Следует по крайней мере задуматься о том, как сохранить и поставить на благо человечества их способность являться воротами в заповедные пространства, лежащие за пределами привычных социальных и культурных систем. Это может превратить досадные «пустоты» на карте в важные центры знания и одновременно с этим обогатить наше знание о большой Вселенной.

Будущее: пояса против путей

Очевидно, что взамен активно навязываемой Китаем транзитной модели развития, основные положения которой разделяют власти и многих других стран Евразии, ее срединной части требуется принципиально иной сценарий развития. Сценарий, при котором будет достигнута согласованность интересов целого, в данном случае Большой Евразии, и всех без исключения ее частей, включая государства и регионы собственно Внутренней Азии. Требуется, иными словами, модель сотрудничества, выгодная и промышленно развитым государствам с внешней периферии континента, стремящимся получить доступ к новым рынкам сбыта и к новым товарам, и жителям его внутренних, континентальных районов, которые смогут достичь экономического процветания, сохранив при этом свой суверенитет и национальную идентичность.

Было бы нереалистичным и даже наивным предполагать, что власти КНР, потребители товаров китайского производства, находящиеся в западной части Евразии, или представители политических и деловых кругов ее центральной части откажутся от планов инфраструктурного развития ради каких-либо эфемерных целей, кроме чисто экономических. Надежда лишь на то, что им все-таки придется принять в расчет сильные синофобские настроения, свойственные большинству населения стран Внутренней Азии [Грозин 2019: 48]. Перспектива оказаться один на один с мощнейшей державой современности, активно проецирующей свое влияние вовне, выглядит в целом пугающей и заставляет их подстраховываться. В результате, несмотря на постоянный рост инвестиций со стороны Китая, а также на отсутствие обременения этих инвестиций какими-либо политическими уступками, успехи инициативы «Один пояс — один путь» в странах Внутренней Азии пока скромны, несмотря на все бравурные декларации, сопровождающие этот проект [Поливач 2019: 140].

Это, в свою очередь, говорит о том, что, хотя во многом и на подсознательном уровне, в руководстве и среди деловых кругов стран региона все же присутствует понимание того, что превращение собственной территории в транзитное простран-

ство несет угрозу эрозии, а то и полной утраты ими суверенитета. С одной стороны, это понимание приводит к чрезвычайно широкому использованию ими так называемого многовекторного подхода в международных отношениях, в соответствии с которым страны Внутренней Азии стараются уравновесить свою постоянно растущую зависимость от КНР интенсификацией взаимодействия с другими государствами [Казанцев 2011: 66–68]. С другой — по мере неизбежного роста этой зависимости им все-таки приходится прибегать и к протекционистским мерам, ограничивая на законодательном уровне влияние китайского капитала на экономику и политику собственных стран [Умаров 2020].

Все это, однако, не устраняет проблему в корне, ибо ни одно из государств мира в настоящее время не может, да и не хочет составить конкуренцию КНР во Внутренней Азии. Экономические же дивиденды, которыми Пекин искушает своих соседей, выглядят слишком привлекательными для того, чтобы отказываться от них под влиянием абстрактных, высокопарных размышлений о значимости пустоты или о необходимости сохранить для человечества «доступ к вкраплениям гостевой материи в социальную ткань Ойкумены». В ситуации, когда адекватного ответа на растущую угрозу окончательной утраты Внутренней Азией своего положения уникального междумирья до сих пор не существует, требуются более весомые аргументы, которые будут готовы воспринять чиновники и представители деловых кругов в соответствующих странах и регионах. Эти аргументы должны, кроме всего прочего, обладать столь же сильной экономической привлекательностью, что и планы Китая по опутыванию континента широкой сетью поясов развития.

Одним из возможных решений проблемы транспортных коридоров, с помощью которых Китай планирует «приручить», «поработить», а затем и наполнить собственным содержанием всю территорию евразийского хартленда, может стать их принудительная «пунктиризация». Под этим неуклюжим и не совсем научным термином подразумевается превращение плавных, ровных и беспрепятственно преодолеваемых с максимально возможной скоростью прямых, связывающих точки, или, точнее рынки, А и Б на окраинах кон-

тинента, в прерывистые линии магистральных пунктиров. Речь, выражаясь конкретнее, идет о том, чтобы на пути потока товаров, капиталов и людей, движение которых и призваны обеспечивать транспортные коридоры, были возведены преграды, которые несколько затруднят движение на отдельных участках.

Иными словами, в дополнение к *поясам развития*, о которых постоянно твердят сторонники скорейшей континентальной интеграции, предлагается сформировать внутри или по периметру Внутренней Азии своего рода *пояса безопасности*, которые в чем-то будут подобны «лежачим полицейским» на городских дорогах. Их функция будет заключаться, однако, не только лишь в том, чтобы замедлить движение по транспортному коридору. Самой важной их задачей станет «расчленение» единого пути на несколько частей. Это, в свою очередь, не позволит полностью объединить расположенные на противоположных окраинах континента районы производства и рынки сбыта готовой продукции.

В подобной роли, осознанно или нет, всегда выступали народы Внутренней Азии в прошлом. Именно в ней они черпали свою силу, и именно в ней они должны заново обрести свою геополитическую субъектность в наши дни. Разница лишь в том, что в роли препятствий в древности выступали, как правило, особенности физической географии глубинных районов континента. Высочайшие горные хребты, непроходимые пески и даже сама по себе протяженность срединных территорий, в пределах которых было не так легко найти пропитание для людей и корм для животных, а также воду и укрытие в непогоду, препятствовали освоению внутриконтинентальных пространств представителями оседлого земледельческого населения. Они в результате предпочитали передавать все посреднические функции самим обитателям этих негостеприимных мест⁶.

⁶ «Надо учитывать характер функционирования Великого шелкового пути в тот период. Крайними его центрами были Китай на востоке и Римская империя на западе, а промежуточными — Кушанская империя, Согд и Парфия, игравшие посредническую функцию в торговых связях. Обеспечивали прохождение маршрутов скотоводы Синьцзяна, Тянь-Шаня и Кангюя. Они проводили 10–12 крупных караванов в год» [Мартынов 2005: 330].

Свою роль играл и страх, который вызывали жители срединных районов Евразии, частенько занимавшиеся элементарным бандитизмом и нападавшие на караваны с товарами. Не всякий торговец готов был пуститься в долгий путь, подвергая риску и сохранность своего груза, и саму свою жизнь. При этом часть преград в прошлом сооружалась и непосредственно правителями различных регионов внутренних районов Евразии. Те искусственные препятствия, с которыми сталкивались путешественники на границах их владений, также вносили свою лепту в порядок функционирования международной торговли.

Представляется, что в наше время именно подобные, сугубо административные препоны должны выйти на первый план. Это связано с тем, что благодаря развитию науки и техники природные преграды стали достаточно легко преодолимыми. В настоящее время при наличии соответствующего финансирования строительство всепогодных, скоростных автомобильных трасс возможно практически в любом уголке Земли. При этом самые значительные успехи в данной сфере принадлежат как раз китайским строителям, которые действительно ударными темпами «сжимают» свою собственную страну, прокладывая все новые и новые высокоскоростные магистрали в ее самые отдаленные и труднодоступные регионы [Новоселова 2019: 839]. Не отстает и железнодорожная отрасль. Строительство стальной магистрали до столицы Тибета Лхасы явилось, возможно, самым ярким доказательством технического и финансового могущества КНР в транспортной сфере. Однако и до многих других, до недавнего времени казавшихся практически недоступными и действительно бывших таковыми районов также были проложены новые или реконструированы старые железнодорожные ветки [Сазонов, Чэнь Сяо 2017: 426, 427].

Параллельно с этим повысился уровень международной безопасности, и не дававшая многие годы спокойно развиваться торговле проблема грабежа и пиратства остается ныне актуальной лишь в тех районах, где по какой-то причине отсутствует или резко снижен уровень государственного контроля территории. В том, что касается Внутренней Азии, своеобразным островом нестабильности до сих пор является Афгани-

стан, раздираемый внутренними противоречиями и не так давно предоставленный Соединенными Штатами Америки самому себе. Остальные же территории, в том числе вся постсоветская Средняя Азия, Южная Сибирь и Монголия, вполне безопасны для международной торговли. Приграничные районы Китая и вовсе давно находятся под самым плотным контролем со стороны властей.

Никому в здравом уме не сможет прийти в голову идея вернуться к практике ограбления торговых караванов, ибо это будет в том числе иметь негативные последствия для самих народов Внутренней Азии. Иное дело препятствия административные, которые могут появляться и исчезать по воле уполномоченных органов и которые, по сути, являются демонстрацией суверенитета государства над тем или иным участком суши. К таким препятствиям могут относиться меры пограничного и таможенного контроля в местах их пересечения с транспортными артериями, введение правил пользования или пребывания на отдельных участках пояса развития, а также запреты на пользование его услугами для тех или иных категорий частных лиц и организаций.

Вспышка коронавирусной инфекции 2020–2022 гг., приведшая к перекрытию границ не только между суверенными государствами, но и между отдельными регионами внутри стран и даже внутри этих регионов, показала, что ничего невозможного технически или табуированного социально в этом отношении в настоящее время не существует. Более того, как оказалось, современные наука и техника не только предоставили в распоряжение государств и правительств эффективные инструменты для преодоления природных преград. Они же обеспечили беспрецедентную возможность создавать эти преграды самостоятельно и при этом следить за исполнением введенных правил со всей требуемой строгостью и скрупулезностью. В прошлом горные хребты, пустыни или болота все-таки можно было преодолеть при наличии мотивации, физических сил и необходимых навыков; с угрозами же собственной безопасности путешественники справлялись при помощи дипломатии и подкупа или же обеспечив себе надежную вооруженную охрану. В отличие от этого, полностью искусственные преграды на пути людей и товаров, которые

могут создавать правительства отдельных стран или региональные власти в наши дни, оказываются практически непреодолимыми. Особенно заметно это было как раз на примере Китая. На три долгих года страна, можно сказать, вернулась во времена династии Мин, фактически изолировав себя от всего остального мира при помощи самых вычурных правил и процедур. Новая «великая стена» при этом оказалась намного надежнее и эффективнее той, что строили на границах государства императоры прошлого.

На первый взгляд кажется, что предложение возвести дополнительные преграды на пути глобальных транспортных коридоров, само существование которых рассматривается Китаем и многими другими государствами Евразии как основа процветания в ориентированном на материальное благополучие XXI веке, должно вызывать лишь недоумение. Однако это не совсем так, ведь любую такую преграду можно представить не только как тормоз на пути прогресса и процветания, но и как новую точку роста. Зависеть же отношение к ней будет лишь от того, чья именно точка зрения и чьи интересы принимаются в расчет. Все дело в том, что лишенный препятствий и затруднений, полностью «бесшовный» транзит с востока на запад континента на поверку оказывается выгодным лишь для тех, кто находится в точке отправления и точке прибытия людей, товаров и капитала, значительно сокращая время на транспортировку грузов и снижая при этом сопутствующие издержки. В то же время для тех, кто обеспечивает это движение, его бесперебойность и надежность, предоставляя для этих целей свою территорию и свои человеческие ресурсы, он приносит лишь дополнительные затраты и не дает той громадной прибыли, которая оправдывала бы прямые и косвенные издержки, связанные с его транзитным статусом.

Иное дело, если прямой путь из пункта А в пункт Б оказывается прерванным в пунктах, скажем, В и Г. В этом случае последние становятся совершенно новыми, искусственно встроенными точками старта и финиша, при этом пространство, заключенное между ними, оказывается под контролем тех, кто фактически ввел их в действие. Только подобным образом трансграничный коридор, построенный усилиями сторонних

игроков, может начать приносить пользу тем, кто контролирует его небольшой, сугубо внутренний участок.

В последнее время основные магистрали Монголии активно асфальтируются, однако на многих горных перевалах, *даваа*, строители по какой-то причине оставляют дорогу в первозданном, труднопроходимом виде. В результате сплошная нить межрегиональной автомагистрали превращается в этих местах в пунктир, и скоростное движение на всем ее протяжении оказывается невозможным. Сами монголы, как правило, объясняют этот феномен чисто техническими моментами: дескать, если скорость прохождения перевалов будет слишком высокой, это повлияет на безопасность движения. Объяснение более чем спорное, учитывая тот факт, что безопасность машин, медленно спускающихся друг за другом по каменистой, ухабистой трассе без какого-либо ограждения, вызывает не менее серьезные вопросы.

Нет также никаких оснований полагать, что китайские инженеры и строители, работающие на строительстве монгольских дорог в настоящее время, не обладают необходимыми технологиями или компетенциями для того, чтобы справиться с довольно скромными монгольскими градиентами. У себя на родине они привыкли решать намного более сложные технические задачи. Возможно, подспудной причиной того, что перевалы в Монголии долго остаются в первозданном виде, является то, что почти на каждом из них находятся *обо*, священные груды камней, возле которых водитель по традиции должен притормозить, а лучше и вовсе остановиться для того, чтобы отдать дань уважения духам местности. Низкая скорость движения, трудности подъема и опасности спуска по каменистой или грунтовой трассе как нельзя лучше способствуют возникновению священного трепета, однако и это не более чем предположение. В той же Туве, где многочисленные *обо* почитаются ничуть не меньше, а возможно, даже и больше, чем в Монголии, оставлять перевалы без дорожного покрытия, к примеру, не принято.

Безотносительно того, что является истинной причиной характерных разрывов в дорожном покрытии горных перевалов, они порождают характерный социально-экономический

феномен. Водители, движущиеся по скоростной асфальтовой трассе, при приближении к сложному участку вынуждены сбавлять скорость и очень часто, в преддверии затяжного подъема по каменистой трассе, чувствуют потребность устроить небольшой привал. Другие же решают сделать паузу в длительном путешествии уже после преодоления препятствия, в предвкушении следующего гладкого участка. Иногда причина остановки возле перевала может быть и вовсе вынужденной. Это происходит в том случае, если преодолеть участок бездорожья без потерь все-таки не удастся и машина требует осмотра, а иногда и небольшого ремонта.

В результате в подобных местах, где линия скоростной трассы прерывается пунктирами горных перевалов, образуются стихийные городки, состоящие из придорожных кафе, автосервисов, стоянок и других заведений, призванных удовлетворить потребности притормозившего автотранспорта. В том случае, если асфальтирование дороги затягивается, возле перевалов вырастают целые скопления инфраструктуры, ибо появляется потребность не только в обслуживании водителей, остановившихся на отдых, но и тех людей, что заняты в самом этом обслуживании. Постепенно такие центры деловой активности становятся локальными точками роста, которые начинают жить своей собственной жизнью, иногда даже преодолевая свою изначальную зависимость от тех перевалов, благодаря которым они, собственно, и появились на свет. В результате, когда по той или иной причине дорога все же восстанавливает свою целостность, эти своеобразные поселения возле перевалов никуда не исчезают. Водители за несколько лет уже привыкли останавливаться именно в этом месте, а инфраструктура для удовлетворения их потребностей уже налажена. В том случае, если место было выбрано удачно, возрастает численность населения, и спираль развития раскручивается дальше.

Важным во всей этой истории с перевалами в Монголии является то, что, вопреки расхожему мнению, преграда может не только не препятствовать росту, но и стать его причиной в случае принятия на вооружение грамотной стратегии по ее созданию и использованию. Именно благодаря наличию пре-

грады в той или иной точке пространства, в непосредственной близости от места ее появления возникает центр концентрации усилий по ее преодолению. Он, в свою очередь, обладает потенциалом стать новой точкой роста. На самом деле ситуация, которая наблюдается возле перевалов в Монголии, где в районах исчезновения полноценного дорожного покрытия возникают стихийные поселения, предоставляющие возможности для микроинвестирования, может быть воспроизведена и на уровне целых регионов или даже стран. Это произойдет в том случае, если те или иные участки глобальной транспортной сети будут сохранены в качестве легко преодолимой, но все-таки преграды. Власти этих территорий в такой ситуации смогут использовать это свое кажущееся лишь на первый взгляд невыгодным положение для того, чтобы превратить его в фактор экономического и социального развития.

В случае принятия на вооружение подобной стратегии во Внутренней Азии она, с одной стороны, сможет все так же гарантировать сохранение связности между удаленными друг от друга крупными производственными и демографическими центрами на крайнем юге, востоке и западе континента. В конце концов, именно этого требует логика современных глобализационных процессов, которые нельзя остановить или отменить и характер которых обусловлен превалирующими тенденциями в политике и экономике. С другой же — она могла бы стать действенным препятствием на пути продолжающейся экспансии во внутренние районы Евразии. Как уже было показано выше, это грозит нарушением геополитического баланса, поглощением римлендом хартленда и лишением человечества пустоты как условия для диалога и точки доступа в находящиеся за пределами устойчивых социальных систем пространства.

Создание преград в точках пересечения транспортных коридоров и условных границ срединного региона континента позволит не нарушить целостности коридоров *развития*, обеспечивающих взаимодействие отдельных частей системы, одновременно с этим не ставя под сомнение целостность системы *безопасности*, гарантирующей их автономное существование в ее составе. Безусловно, в этом случае понизится общая

скорость движения по транспортному коридору, однако контакт между двумя территориями, разделенными искусственной преградой, все-таки будет обеспечен, а значит, и в этом случае он все равно продолжит выполнять свою функцию.

Самое же главное будет заключаться в том, что сооруженные подобным образом шлюзы смогут стать самостоятельными точками роста, причем бенефициарами его окажутся именно те, кто проживает в районе тех самых точек В и Г, разрывающих единый коридор на сегменты. Заключенная в транспортной артерии сила, преобразующая пространство, в этом случае просто немного изменит вектор своего приложения. Вместо подчинения своей воле срединных пространств континента часть ее будет направлена на то, чтобы преодолеть искусственно созданное препятствие. С одной стороны, это приведет к снижению общего разрушительного воздействия транспортного коридора; с другой — местные сообщества, при условии сохранения своей политической автономности, смогут обратить эту силу себе во благо. Как представляется, в разговоре с представителями местных деловых и политических кругов именно этот аргумент может и должен стать решающим.

Функционирование, а стало быть, и безопасность любой сложной системы, к которой, безусловно, относится и континент Евразия, в равной степени зависят и от связности ее элементов, и от сохранения их автономности и разнообразия. В связи с тем, что разрабатываемые в настоящее время проекты глобальных транспортных коридоров усиливают исключительно фактор связности, в качестве компенсации прогресса на этом направлении требуется выработать механизм, способный гарантировать неприкосновенность и автономность более уязвимых составных частей системы для того, чтобы повысить их общую устойчивость. В свою очередь, это будет означать заботу о сохранении культурного, социального и экономического потенциала каждой из этих частей.

Таким механизмом может стать регулирование транспортных коридоров линиями разграничения, сформированными на внешних границах и внутренних рубежах Внутренней

Азии с целью их дальнейшего взаимного сопряжения через систему шлюзов. Подобная конфигурация будет способна обеспечить автономность и устойчивое развитие всех составных частей системы, не нарушая при этом ее общей целостности. В этом случае *пути* развития, которые активно стремятся проложить между собой страны Внешней Азии, уравниваются *поясами* безопасности, которые сформируют на своих собственных контурах государства и регионы Азии Внутренней. Эти *пояса* и *пути* станут в итоге естественным дополнением и необходимым противовесом друг другу, гарантируя самим фактом своего противостояния сохранение стратегического консенсуса в глобальном масштабе. Можно сказать, что в этом случае они выступают живым олицетворением извечной дихотомии *безопасности* и *развития*, постоянный конфликт и взаимная обусловленность которых и обеспечивают в конечном счете непрерывное, устойчивое функционирование любой системы при сохранении ее базовой конфигурации.

Основанием поясов безопасности способны стать уже существующие естественные преграды (пустыни, горные хребты, болота), однако дополненные и усиленные препятствиями, созданными искусственно решением соответствующих властей (к таковым относятся таможни, пункты пропуска, а также различные запреты и регламенты). При этом самыми крупными такими поясами способны стать трансграничные, в той или иной степени изолированные географически или политически регионы со своей собственной уникальной исторической и культурной спецификой. Лучше всего на данную роль подходят так называемые лимитрофы, или, другими словами, относительно узкие, протяженные участки суши, не просто разделяющие крупные историко-культурные или социополитические общности, но и обладающие собственной идентичностью и ярко выраженной субъектностью. Они являются лиминальными, слабо поддающимися классификации геополитическими мезообъектами, которые формируются в «ничейном», зыбком пространстве между двумя более крупными, стабильными макрообъектами и при этом как бы обволакивают линию их нечеткого разграничения. Последняя, стоит напомнить, никогда не бывает настолько очевидна, чтобы вдоль нее

не образовывались последовательности лакун, полостей и тоннелей, каждая из которых является отдельным «нематериальным объектом».

В случае с Внутренней Азией, основной особенностью которой является ее полостное расположение в самом центре континента, лимитрофами следует считать протяженные территории вдоль ее внутренних границ с окружающими ее цивилизациями Евразии. В своей совокупности они формируют воображаемое кольцо, опоясывающее глубинные районы континента со всех сторон. Достаточно узкие и при этом сильно вытянутые в пространстве, они действительно становятся похожими на пояса, которыми оказывается стянутой и очерченной гипотетическая пустота в центре континента и которыми ее планируют пронзить насквозь глобальные транспортные коридоры.

В последнее время термин «лимитроф», который до того ассоциировался почти исключительно с Римской империей, где им обозначали приграничные территории, обладавшие определенной долей самостоятельности, стал широко использоваться в российской политологии [Цымбурский 2000]. Позднее из политологии он перекочевал уже в популярный дискурс, где приобрел почти исключительно негативную коннотацию. В СМИ и даже в экспертной среде этим словом стали пренебрежительно называть совокупность постсоветских и восточноевропейских государств, которые составляют так называемый «санитарный кордон» между странами Западной Европы и Россией [Герасимов 2022]. Предполагалось при этом, что лимитрофы не имеют собственных внешнеполитических интересов, а лишь используются одной или обеими противостоящими сторонами в качестве своеобразной «прокладки» для того, чтобы избежать прямого и непосредственного контакта друг с другом.

Как уже было отмечено выше, однако, любые территории, обладающие чертами междумирья, а к ним, конечно же, относятся и лимитрофные зоны, на самом деле имеют самостоятельное значение и свой особый, уникальный статус. Более того, в реальности именно они и манипулируют теми крупными общностями, которые они разделяют, определяя траек-

тории их судеб в гораздо большей степени, чем тем хотелось бы или кажется. Немаловажно и то, что эти мезообъекты цивилизационной карты мира неплохо монетизируют свой статус. Речь при этом идет не только о политических дивидендах, хотя статус ничейной зоны и предполагает появление уникальных возможностей для местных элит капитализировать свою нейтральность или готовность перейти на чью-то конкретную сторону. Не менее существенной оказывается и экономическая выгода от промежуточного положения. При этом реализуется она, как правило, именно благодаря тем преградам и барьерам, преодоление которых становится возможным при содействии экономических агентов, находящихся в лимитрофной зоне.

Что особенно интересно, крупные игроки не просто легко смиряются с потерей части прибыли в пользу посредников. Гораздо чаще, чем кажется, они выказывают свою полную заинтересованность в их наличии и даже способствуют их появлению и росту. Это лишний раз подтверждает предположение о том, что существование промежуточных зон не просто не вредит общей связанности системы, но и всемерно ее укрепляет, предоставляя возможность антагонистическим и несклонным к компромиссам сторонам сохранять свою автономность, одновременно вступая друг с другом во взаимовыгодные обмены. И в этом смысле нет ничего предосудительного ни в самом статусе лимитрофа, ни в их наличии на карте мира. Эти особые, промежуточные зоны отделяют друг от друга макрообъекты большой системы, не позволяя им контактировать напрямую, одновременно с этим обеспечивая их безопасное, опосредованное общение. Немаловажно при этом, что эта крайне востребованная их функция не просто их легитимирует, но и обеспечивает средствами к существованию.

Лимитрофный пояс, протянувшийся почти по всему периметру Внутренней Азии и в течение многих столетий предохранявший и ее саму от контакта с цивилизациями, удаленными от центра континента, и, опосредованно, эти самые цивилизации от прямого общения между собой, можно, с определенными допущениями, провести и на современной карте

мира. Такими переходными зонами между хартлендом и римлендом в восточной части макрорегиона являются входящие в состав Китая Внутренняя Монголия и западная часть провинции Сычуань, а также район Гималайских гор, включающий в себя спорные участки земли между Китаем и Индией, буферные государства Бутан и Непал, а также Ладакх, Кашмир и, частично, Памир. В том же, что касается западной части этого обширного внутриконтинентального междумирья, его лимитрофный пояс включает в себя Афганистан, Туркменистан, восточный берег Каспийского моря и слабозаселенные регионы центрального Казахстана, протянувшиеся на восток вплоть до Алтайских гор.

Следует отметить, что все вышеупомянутые регионы расположены на довольно значительном удалении от российских границ, в то время как последний, сибирский отрезок этого гигантского внутреннего кольца проходит как раз по территории нашей страны. Районы, опоясывающие Внутреннюю Азию с северной стороны, также входят в состав внутреннего лимитрофа Евразии, но при этом расположены они в Российской Федерации. В свою очередь, этот факт позволяет рассматривать данный сегмент внутренней азиатской периферии уже не только в чисто теоретическом, но и в сугубо практическом плане. Особый интерес вызывает при этом вопрос о том, как можно использовать особое геополитическое положение этих регионов в интересах России и в интересах их же коренных жителей, не забывая при этом и об интересах континентальной безопасности в целом.

С политико-административной точки зрения в северную периферию Внутренней Азии входят республики Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край с включенным в него Агинским Бурятским округом. Во всех этих регионах велика доля коренного населения, по своим антропологическим и культурным характеристикам сильно отличающегося от населения центральных регионов России. Несмотря на то что в настоящее время лишь тувинцы составляют большинство населения своей республики, в то время как в Бурятии и на Алтае коренные жители находятся в меньшинстве, роль этнического фактора во всем этом южносибирском поясе невозможно пе-

реоценить. Вызвано это близостью государственной границы с Китаем, Монголией и Казахстаном, с населением которых, как уже было отмечено, входящие в него регионы России составляют тесное историко-культурное единство, благодаря чему их, собственно, и стало возможным отнести к Внутренней Азии.

На протяжении по крайней мере двух тысячелетий, вплоть до второй половины XVII — первой половины XVIII в., т.е. до прихода в регион русских, степные и лесостепные районы Алтайско-Саянской горной страны, а также Прибайкалье и Забайкалье являлись далекой северной окраиной мира кочевников глубинной Азии. В период возвышения той или иной своей империи те, как правило, включали их в свой состав, хотя эти высокогорные, труднодоступные и часто непригодные для скотоводства территории, расположенные на самой границе степи и лесов, и в этом случае сохраняли известную степень автономности. Во времена же заката степных империй или в период безвластия в центре Евразии они погружались в свои собственные «темные века» и по сути теряли связь с внешним миром.

Столетия взаимодействия с кочевой культурой более южных, срединных районов континента оставили на лице региона свой видимый след, на долгие столетия вперед определив этнический состав Южной Сибири, а также ее хозяйственный, лингвистический, духовный и культурный ландшафт. С одной стороны, народы, населяющие этот регион, говорят на языках алтайской языковой семьи — тюркских, монгольских и, частично, тунгусо-маньчжурских. Это автоматически делает их частью обширного монгольского и тюркского мира, составляющего демографическую основу Внутренней Азии. С другой — столетия взаимодействия с духовными традициями Востока и ныне определяют религиозное своеобразие Южной Сибири. Буддизм тибетского толка, широко распространенный во многих других регионах центральной Евразии, от Тибета до Монголии, является официальной религией тувинцев и бурят, а также распространен у части алтайцев. Несмотря на сохраняющуюся и даже растущую популярность шаманизма, именно буддизм вплоть до

наших дней является основным этнодифференцирующим фактором в регионе, выделяя коренное население Южной Сибири на общероссийском фоне и одновременно с этим связывая его тесными узами с сопредельными регионами Внутренней Азии.

Важно подчеркнуть и высокий уровень культурного единства коренных народов этих российских регионов с населением Монголии и Китая. Основой же этого единства, проявляющегося как в схожести базовых мировоззренческих установок и систем ценностей, так и в материальной культуре, является не только общность исторических судеб, но и схожие системы жизнеобеспечения. Последние же определяются природными условиями, которые, несмотря на локальные отличия, диктуют аналогичный образ жизни, основанный на кочевом животноводстве.

Отметив сходства, нельзя не сказать и об отличиях. Как упоминалось выше, уже в XVII в. коренное население Южной Сибири вступило в тесный контакт с русскими казаками, «на плечах» которых в регион пришло и Российское государство, частью которого местные жители постепенно и по большей части добровольно стали. Последовавший вслед за этим продолжительный период сосуществования с принципиально иной культурной и религиозной традицией, а также другим типом социального устройства глубоко трансформировал образ жизни и мировоззрение коренного населения этого региона Евразии, ставшего в результате трансконтинентальным. В ходе налаживания взаимодействия с Российским государством и благодаря контактам с русскими переселенцами буряты, алтайцы и тувинцы восприняли столь много нового, что в конечном счете их культура приобрела очень серьезные отличия от культуры исторически близких и родственных им народов Внутренней Азии.

В свою очередь, подобный промежуточный статус позволил им стать посредниками между двумя принципиально отличающимися цивилизациями — русской и китайской. В течение трех с лишним последних столетий, на протяжении которых народы Южной Сибири существовали в пределах Великого восточного лимитрофа, разграничивающего

сферы влияния Китая и России [Михалев 2022], их судьбы складывались по-разному. В отдельные исторические периоды им удавалось использовать свой трансграничный статус с выгодой и для себя, и для Российского государства, обеспечивая одновременно и взаимодействие двух этих крупных цивилизаций, и собственное выживание в узком пространстве, всегда сохранявшемся между ними. В другие — когда такое взаимодействие было невозможно по политическим причинам или когда оно оказывалось в руках лишь одной из сторон, игнорировавшей наличие лимитрофной зоны, — последствия оказывались не столь благоприятными. Причем, что важно отметить, неблагоприятными как для самих этих трансграничных народов, которые лишались своего уникального ресурса развития, так и для взаимодействующих уже без их помощи России и Китая. Последние ожидаемо, раз за разом показывали свое нежелание подстраиваться друг под друга и находить компромиссы.

Глобализация и интеграция в Большой Евразии, помноженная на активную заинтересованность друг в друге современных России и Китая, которая, однако, все так же, как и раньше, идет рука об руку с недоверием, в очередной раз актуализирует культурный, политический и экономический потенциал Южной Сибири. Регион, являющийся северной периферией Внутренней Азии, в эпоху строительства транспортных коридоров, соединяющих восток и запад континента и поглощающих в ходе данного процесса его центр, может взять на себя функцию сохранения крупнейшего евразийского междумирья. Это, в свою очередь, позволит ему самому стать новой точкой роста. Для этого лишь требуется превратить трансграничный регион в пояс *безопасности* как значимое препятствие на пути поясов *развития* и канализировать энергию транспортных коридоров, трансформирующих пространство, в интересах их собственного развития. Иными словами, сделать их пунктами В и Г на пути от А до Б.

Многие города Центральной России, такие как Тула, Белгород или Ульяновск (Симбирск), возникли в свое время как форпосты на так называемых засеках, этих уникальных «поясах безопасности» прошлого, которые растущее Российское

государство возводило на своих подвижных рубежах для того, чтобы оградить себя от набегов соседей. По мере того как само государство расширялось, смещались к югу и востоку и создаваемые им засечные черты. Даже оказавшись в глубоком тылу, многие бывшие форпосты продолжали сохранять свое значение и особый статус. В истории человечества можно найти немало других примеров, как заградительные и оборонительные по своему предназначению линии в конце концов прорастали новыми важными центрами развития.

Такие центры, что характерно, часто возникали поблизости от тех немногочисленных точек, где защитные рубежи пересекались с торговыми путями, в результате чего одновременно образовывалось два разрыва. Запретные линии нарушали целостность линий сообщения, и тогда движение вдоль последних замедлялось, а точка разрыва цепи мгновенно обрастала собственной инфраструктурой, призванной помочь передвигающимся вдоль торгового пути путешественникам преодолеть возникшую преграду. Точно таким же образом торговый коридор взламывал и нарушал целостность линии обороны, что в конечном счете приводило к необходимости ее дополнительного укрепления опять же в точке непосредственного контакта. Нетрудно догадаться, что и это способствовало появлению дополнительной инфраструктуры в местах пересечения двух противостоящих поясов. Встреча в определенной точке пространства осей развития и безопасности лишь усиливала каждый из поясов в непосредственной близости от района их соприкосновения, придавая им именно здесь особую значимость. По этой причине, кстати, они не только не стремились окончательно уничтожить друг друга, но и всеми силами подчеркивали актуальность и степень своего противостояния.

В Южной Сибири есть несколько расположенных вдоль российско-монгольской границы регионов, которые история и география выбрали в качестве ворот России в Азию и в пределах которых находятся возможные точки пересечения поясов развития и поясов безопасности. К ним, как уже было отмечено, относятся Алтай, Тува, Бурятия и Забайкалье. В совокупности они могут сформировать новую засечную

черту на границе нашей страны с Внутренней Азией, защитив центральные, самые уязвимые районы последней от истощения и превращения в придаток более сильных государств Евразии и одновременно с этим превратившись в территорию опережающего развития для России. Важным при этом является то, что это развитие будет основано на их культурной непохожести, проявляющей себя в форме этнического фактора, а стало быть, оно не только не повредит их уникальности, но и, наоборот, будет способствовать ее новой актуализации.

При этом нужно понимать, что, несмотря на общую историю и схожую географию всех вышеуказанных территорий, а также культурную близость населяющих их народов, каждый из сегментов северной периферии Внутренней Азии обладает своей спецификой, и универсальный подход здесь вряд ли возможен или вообще применим. Вместо этого в процессе разработки и реализации конкретных планов пространственного развития необходимо учитывать и исторический контекст, и особенности современного положения каждого из регионов. Три принципиально отличающиеся друг от друга модели встраивания сибирских республик в общий контекст процессов, происходящих во Внутренней Азии, составленные и предлагаемые для Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Бурятия в рамках стратегии создания «новой засечной черты» на северной периферии Внутренней Азии, и составляют содержание данной книги.

Список литературы

- Абляев Н.В. Внутренняя Азия — колыбель евразийской цивилизации // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 163–171.
- Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 162–176.
- Баженова Е.С. Социально-экономическое развитие Синыцзяна — форпоста западных районов КНР // Общество и государство в Китае. 2017. № 1. С. 457–470.

- Барфилд Т.Дж. Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова. СПб.: Нестор-история, 2009. 488 с.
- Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009. 557 с.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. 254 с.
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Цели устойчивого развития: системный взгляд в будущее // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Цели устойчивого развития и ООН / Ред. С.Н. Бобылев и Л.М. Григорьев. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. С. 7–25.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. 2005. № 3. С. 20–39.
- Герасимов Г.И. Психология лимитрофа [Электронный ресурс] // История.рф — Главный исторический портал страны. 2022. 21 января. URL: <https://histrf.ru/read/articles/psihologiya-limitrofa>
- Глазьев С.Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 6–17.
- Грозин А.В. Синофобия в Центральной Азии: от мифологии к инструменту информационной борьбы // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Т. 9. Ч. 7 / Ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 47–56.
- Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 25–48.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 573 с.
- Денисов И.Е. Поднебесная смотрит на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 6. С. 20–40.
- Железняков А.С. Монгольская цивилизация. История и современность: теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 286 с.
- Железняков А.С. Монголия в цивилизационных схемах мировой истории // Историческая психология и социология истории. 2018. № 1. С. 39–62.
- Железняков А.С. Человеческий потенциал монгольского мира в евразийском и мировом пространстве // Межцивилизационные взаимодействия и перспективы развития человеческого потенциала России и Монголии: К 100-летию дипломатических отношений / Ред. А.С. Железняков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 7–17.
- Захлязьминская Е.О. Туристическая отрасль в стратегии развития Китая. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 234 с.
- Казанцев А.А. Многовекторность внешней политики и геополитическая неопределенность республик Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. № 10. М.: ИНИОН, 2011. С. 65–81.

- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 477 с.
- Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука — Вост. лит., 2019. 503 с.
- Лао-Цзы. Дао-Дэ Цзин: книга о Пути жизни / Пер. В. Малявина. М.: Феория, 2013. 703 с.
- Мажитов С.Ф. Великая степь и кочевой мир: цивилизация, геополитика, идеология // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 71–81.
- Мартынов А.И. Археология: Учебник для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2005. 447 с.
- Михалев М.С. Таджики Синодзьяна: мягкие, жесткие и неординарные меры интеграции // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 г.). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 79–87.
- Михалев М.С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая. М.: ИДВ РАН — Вост.лит., 2022. 295 с.
- Михалев М.С., Якунин В.И., Вилисов М.В. Пояса и пути Евразии: в поисках человека. М.: Наука, 2018. 192 с.
- Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. 292 с.
- Новоселова Л.В. Автомобильная сеть как важный фактор модернизации экономики КНР // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 2 / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 839–842.
- Осинов Г.В., Карпова С.Г., Некрасов С.В. Инфраструктурные транспортные проекты: российский и международный опыт // Modern Science. 2019. № 9–1. С. 240–246.
- Папа Римский Франциск. Энциклика о заботе об общем доме Laudato Si. М.: Изд-во Францисканцев, 2015. 192 с.
- Поливач А.П. Торговля стран Центральной Азии с Россией и Китаем // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 4(45). С. 136–147.
- Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Ред. А.В. Лукин, В.И. Якунин. М.: Весь мир, 2019. 414 с.
- Сазонов С.Л., Чэнь Сюэ. Транспортный комплекс КНР превратился в инструмент ускорения социально-экономического развития Китая // Общество и государство в Китае. 2017. № 1. С. 425–449.
- Сиверс В., Краснов А.Н. Развитие взглядов на понятия «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Горная Азия» и «Внутренняя Азия» в классической немецкой и русской географии [Электронный ресурс] // География. 2003. № 30. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200303007>
- Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 302 с.

- ## Глава 1

- Sinor D.* The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 532 p.
- Soucek S.* A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 384 p.
- Weizsacker E.U., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York: Springer, 2018. 220 p.

Глава 2

РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ. ОСОБО ОХРАНЯЕМАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Прошлое: цивилизационный амортизатор

В самом центре обширного Евразийского континента, на практически равном расстоянии от четырех океанов, омывающих его берега, расположена уникальная горная страна, Алтай. Важной географической особенностью Алтая является то, что в его пределах соприкасаются сразу несколько природных зон. В то время как северная часть региона представляет собой горную окраину обширного царства тайги, полноводных рек и болот водосборного бассейна Северного Ледовитого океана, южная его половина являет собой ярко выраженный степной высокогорный ландшафт, сибирский форпост засушливых пустынь и плоскогорий Внутренней Азии. По этой причине на Алтае можно повстречать и степи, и леса, и высокогорные плато, и прозрачные озера, и грандиозные вершины, включающие высочайшую гору Сибири Белуху (4506 м) и высшую точку Монголии пик Найрамдал (ныне Куйтэн-Уул — 4374 м).

Немаловажно, что Алтай — это не просто перекресток природных зон, но еще и перекресток культур, языков и религий [Екеева 2013: 130]. В его пределах оказываются тесно переплетенными славянский, тюркский и монгольский элементы, буддизм здесь соседствует с православием, а ислам с шаманизмом. При этом настоящим духовным центром всего обширного трансграничного региона Большого Алтая, в кото-

рый входят дальние окраины сразу четырех крупных государств Евразии — России, Казахстана, Монголии и Китая, — является именно Республика Алтай Российской Федерации. Расположенная в южной части Сибирского федерального округа, она занимает территорию 92 903 кв. км, при этом ее население недотягивает до отметки 220 тыс. человек. Несмотря на столь скромные количественные показатели, она занимает куда более важное место в культурном ландшафте Евразии в целом и в духовном ландшафте России в частности. Это имя без преувеличения известно в нашей стране практически каждому, при этом оно обычно вызывает ассоциации с духовным центром мирового масштаба¹. Истоки этого распространенного убеждения кроются как в природных красотах региона, производящих на его гостей неизгладимое впечатление, так и в той ауре мистицизма, которой тот окутан благодаря сочинениям и общественной деятельности всемирно известного художника и оригинального мыслителя Н.К. Рериха [Рерих 1974], а также посвященных его жизни и творчеству работам современных сибирских ученых [Шишин, Иванов, Фотиева 2019]. Большую роль в пропаганде представлений об Алтае как о духовном перекрестке Евразии играет и завидная активность современных последователей созданного Н.К. Рерихом учения [Мазаева-Каненга 2018].

Неменьшее значение имеет и то, что коренным жителям этого небольшого горного региона на юге Западной Сибири удалось создать и сохранить свою собственную, во многом уникальную культурную традицию, которая, заимствовав многое из традиций окружающих народов, остается равноудаленной от каждой из них. Во многом это стало возможным благодаря тому, что Алтай большую часть своей истории оставался далеким пограничьем для сменявших друг друга держав, контролировавших окраинные регионы Внутренней Азии. Когда те были в силе и сохраняли внутреннее единство, им удавалось распространить сюда свое влияние; однако как только они приходили в упадок или распадались, отдаленный горный район вновь ожидало забвение. По крайней мере нам

¹ Интересно, что в последнее время подобное представление об Алтае стало важным элементом и внутриалтайского дискурса [Любимова, Самушкина 2013: 77].

практически ничего не известно о том, что на самом деле происходило на Алтае в «темные» периоды древней истории, не нашедшие своего отражения в хрониках и летописях соседних цивилизаций, и мы способны лишь строить догадки на основании археологических данных [Кубарев 1997; Население Горного Алтая... 2003; и др.].

Доподлинно можно утверждать лишь то, что первыми из тех, кому удалось пересечь обширные пространства центральной и северной Монголии и подчинить своей власти до той поры никому не подконтрольные лесостепные пространства Южной Сибири, включая Алтай, стали хунну. На южной окраине Гоби они сформировали мощную конфедерацию кочевых племен, которая была в состоянии бросить вызов даже могуществу земледельческого Китая. Хунну на просторах Внутренней Азии сменили сяньби, а затем жужани, которые скорее являлись объединением кочевых племен, чем государством в современном понимании этого слова. Важно отметить, что и для тех, и для других Алтай всегда оставался далекой окраиной, до которой едва дотягивалась их власть.

В отличие от них, древние тюрки, родиной которых, согласно общепринятой алтайской гипотезе, является Горный Алтай, не только достигли успехов на поле брани, но и создали собственную самобытную культуру, включавшую в себя оригинальный алфавит, сведенное в четкую систему мировоззрение и эффективное управление. Их культура оказалась настолько крепкой, что смогла пережить саму тюркскую державу и даже в наши дни остается важным фактором формирования национального самосознания для многих народов, считающих себя их прямыми потомками. К таковым, кстати, относят себя и все группы современных алтайцев, ведь именно во времена Тюркского каганата началась постепенная ассимиляция скотоводческими племенами степного юга жителей лесного севера, а стало быть, была заложена основа современной общеалтайской идентичности. Процесс этот лишь усилился во времена правления кочевых уйгуров, чье недолговечное государство распространяло свою власть над значительными территориями Внутренней Азии, включавшими и Алтай.

В отличие от тюрков и уйгуров, для которых эта земля, с большой долей вероятности, могла являться их прародиной,

монголы, которым суждено было их потеснить, пришли с восточного края Великой Степи. За очень короткий срок им удалось создать величайшую континентальную империю в мировой истории, в которой на правах северной периферии оказался и Алтай. Начиная с XIII в. он был плотно вовлечен в орбиту монгольского мира, однако, несмотря на это, его жителям удалось сохранить свою тюркскую идентичность, в том числе язык и народную культуру. После ослабления власти монголов бесконечные битвы за обладание Внутренней Азией приводили к тому, что ее северные рубежи, на которых и расположен Алтай, постоянно переходили из рук в руки. Ханы и каганы сменяли друг друга, вели кровопролитные войны с оседлыми цивилизациями и между собой, при этом жизнь на северной периферии Великой Степи оставалась точно такой же, какой была и за тысячи лет до них.

Настоящие перемены начались здесь лишь в XVIII в., когда на алтайских перевалах столкнулись интересы двух новых геополитических гигантов Евразии, и именно их взаимоотношения стали определять судьбы этого края. Гигантами этими являлись царская Россия, стремительно распространявшая свое влияние на восток, и Китай, настойчиво расширявший свои северные и западные пределы. В результате успешных действий с обеих сторон два государства надолго стали соседями, и именно их противоборство не только окончательно изменило баланс сил в регионе, который с этого времени превратился в важную геополитическую точку на карте мира, но и дало импульс появлению новых народов в современном понимании этого слова.

Случилось так, что события тех лет, а именно истребление джунгар маньчжурами, заставили входивших в их состав государства и кочевавших в его пределах предков современных алтайцев спастись от тотального уничтожения в укреплённых долинах нынешнего Горного Алтая и просить протекции у Белого царя. Протекция эта была в конце концов предоставлена в 1756 г., после чего Алтай на какое-то время стал важным буфером в центре континента, где позиции и роли основных игроков несколько раз менялись. Только во второй половине XIX в., когда теленгиты, проживавшие на территории современных Кош-Агачского и Улаганского районов Рес-

публики Алтай, сделали свой выбор в пользу российского подданства, Чугучакским договором 1864 г. между Россией и Китаем границы двух сверхдержав были наконец согласованы, а любая двусмысленность окончательно устранена [Моисеев 2003]. Несмотря на это, и для Пекина, и для Петербурга срединная часть Алтая еще долго оставалась далекой окраиной, неконтролируемым, опасным и интригующим краем, где беглецы, ссыльные и сектанты обретали убежище, а власть центрального правительства в лучшем случае была непрочна.

В начале XX в. российский Алтай испытал сильные социальные потрясения, связанные с коллапсом единого государства и последовавшей за этим Гражданской войной. В то же время не менее драматичные политические перемены происходили и в соседней Монголии, и в Китае. В этих непростых условиях в 1918 г. алтайцы провозгласили создание квазинезависимого Каракорум-Алтайского округа, попытавшись легитимировать изначально присущий территории их проживания буферный статус. Независимость эта оказалась, однако, мимолетной, и уже в 1922 г. на его месте была создана Ойротская автономная область в составе Алтайского края РСФСР.

Наследие наступившего вслед за этим советского периода оказалось противоречивым. На Алтае, как и в других национальных регионах страны, бурными темпами шло экономическое, культурное и социальное строительство, создавалась местная промышленность, модернизировалось сельское хозяйство, улучшалась транспортная инфраструктура, рос уровень жизни простых людей. В это же время национальная культура получала серьезную поддержку со стороны государства, а в школах велось преподавание в том числе и на алтайском языке. Основными целями национальной политики того периода стало поднятие уровня жизни жителей национальных окраин до среднего его показателя по всей стране при одновременной интеграции их в русскую культурную среду. Можно сказать, что к началу «перестройки» обе эти цели были близки к своему достижению. Однако именно этот факт и вносит противоречивость в восприятие результатов всего советского периода. Все дело в том, что, по мере того как алтайцы действительно становились похожими на остальных граждан большой страны, они утрачивали свою национальную специфику,

свою традиционную веру, свою культуру и свою пограничную идентичность, а сам регион терял свой буферный статус.

К середине 80-х годов прошлого века казалось уже, что грядущее исчезновение самобытной местной культуры является неизбежным и история алтайцев как уникального этноса близка к своему окончанию. Однако в это время случилось то, что мало кто ожидал: к своему окончанию подошла история самого Советского Союза. Процессы дезинтеграции государства привели к тому, что этничность и национализм, которые в течение продолжительного времени находились там под запретом, вновь вышли на поверхность. После того как на развалинах СССР образовалось пятнадцать независимых государств, в том числе и Казахстан, советский Алтай оказался поделенным между двумя странами. Казахи, которые всегда составляли небольшой процент населения его российской части, сначала отправились искать счастья в запустивший программу возвращения соотечественников Казахстан, но вскоре, довольно быстро разочаровавшись в своей новой родине, вернулись в Россию [Святогорье... 2000: 74]. Хозяйственные связи единого в прошлом региона при этом были серьезно нарушены, посреди дорог возникли таможи, при этом даже они к настоящему времени прекратили свое существование. Тем временем Горно-Алтайская автономная область в 1991 г. вышла из состава Алтайского края и была преобразована в Горно-Алтайскую республику, в 1992 г. переименованную в Республику Алтай, которая стала самостоятельным субъектом Российской Федерации.

Расположенный в непосредственной близости от международной границы и переживающий национальный подъем, вновь образованный регион мог превратиться в горячую точку на беспокойной карте постсоветской России, но здравый смысл все-таки возобладал. В результате Алтай сугубо мирным путем вернул себе исконно присущий ему статус буферного междцивилизационного пространства, оставшись в составе единого государства, но при этом четко обозначив свою историческую, этническую и культурную автономность, которая, как было показано, была свойственна ему на протяжении многих столетий. Автономность оказалась важна не только для самих алтайцев, но и для окружающих их народов. Благодаря приущему им сочетанию резистентности к внешним влияниям

и внутренней креативности они всегда обеспечивали, а теперь вновь получили возможность обеспечивать бесперебойное функционирование важнейшего культурного и религиозного буфера в самом центре Евразии, предотвращая чреватое конфликтами и противоречиями столкновение крупных историко-культурных общностей на ее географических окраинах.

Сохранение этого буфера в неприкосновенности вплоть до наших дней остается возможным не только благодаря физической географии региона, но и в меньшей степени особенностям географии политической, ведь его с полным правом можно назвать трансграничным. При этом важным является и то, что для каждой из стран, границы которых в настоящее время соприкасаются на Алтае, сам он, как и в далеком прошлом, является далекой периферией, обладающей определенным уровнем культурной, а иногда и политической автономии. При этом состояние дел на этой периферии заботит центральные власти лишь в том случае, если там по каким-то причинам обостряются межнациональные или межконфессиональные отношения. Для огромной России Алтай остается горной окраиной, населенной скотоводческими народами. Большинство населения страны и федеральными властями он, как правило, рассматривается лишь как популярный туристический регион. В соседней же Монголии широко распространена точка зрения, согласно которой Алтай представляет собой «Дикий Запад», населенный неуправляемыми казахами, отличающимися от собственно монголов и лингвистически, и конфессионально. В то же время в самом Казахстане Алтай зачастую воспринимается лишь как беспокойный приграничный регион, где время от времени набирают силы сепаратистские тенденции [Гужвенко 2007]. Наконец, для Китая Алтайские горы представляют собой затерянный «медвежий угол», расположенный на крайнем севере и без того далекого от столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Подобная удаленность от всех без исключения центров принятия политических решений оказывается в наши дни невыгодной с точки зрения перспектив экономического развития, однако именно она позволяет алтайцам создавать и восстанавливать свою уникальную традиционную культуру. В свою очередь, ее сохранность служит залогом и их собственного

выживания как народа, и геополитической устойчивости континента в целом. В основе этой культуры, важно отметить, лежит поклонение силам и объектам природы [Клешев 2011] и тесно связанное с ним, но при этом слабо структурируемое и не поддающееся четкому описанию «чувство далекого», которое является предпосылкой формирования присущей коренным алтайцам «сопричастности ритмам Вселенной». С одной стороны, можно сказать, что подобная, истинно космическая вовлеченность является следствием их отстраненности от тех социальных и экономических процессов, что протекают в столицах и во внутренних регионах Китая, Казахстана, Монголии и России. С другой — нельзя отрицать и того, что она вообще имманентна алтайцам и при этом препятствует возникновению у них даже малейшего желания покончить с этой мирской отстраненностью раз и навсегда.

Особенно сильно это стремление к обособленности и отрешенности от сиюминутного, которую можно пусть и с натяжкой назвать «встроенностью в вечное», проявляется в их отношении к планам хозяйственного освоения территории республики. С экономической точки зрения Алтай давно является одним из самых неблагополучных регионов страны [Россия регионов... 2005: 217–223]. Отсутствие железных дорог, а также недостаток пригодных для эксплуатации ископаемых ресурсов в какой-то мере могут объяснить традиционно низкие темпы экономического роста на Алтае, однако более существенным фактором являются именно те особенности мировоззрения коренного населения республики, о которых было уже сказано выше. Все дело в том, что подобная «отсталость» нисколько не смущает местных жителей, которые превыше видимых преимуществ экономического роста до сих пор ценят свое неразрывное единство с природой и не столь заметные, но оттого не менее важные преимущества роста духовного. Именно по этой причине большинство проектов экономического развития республики, способных нарушить статус-кво, коренные ее жители неизменно принимают в штыки, безотносительно того, насколько прибыльными они могут казаться для них с финансовой точки зрения.

Одним из ярких примеров неприятия алтайцами планов хозяйственного освоения региона в том случае, если те идут

вразрез с их экологическими императивами и потребностью в сохранении собственной культурной обособленности, стала ситуация, сложившаяся в конце прошлого столетия вокруг строительства Катунской ГЭС. Несмотря на то что сам этот проект был, безусловно, выгоден региону и его жителям как с чисто экономической точки зрения, так и с точки зрения повышения энергообеспеченности, его реализация натолкнулась здесь на резкое сопротивление. Причем не только со стороны пользовавшихся в то время популярностью экологических активистов из центральных регионов страны, но и со стороны мобилизованных национальной интеллигенцией коренных алтайцев [Филиппов, Филиппова 1993; 2018]. Интересно, что в конечном счете именно подобная активная включенность местных жителей в борьбу за сохранение родной земли стала катализатором национальной консолидации и в итоге способствовала отделению Горного Алтая от Алтайского края [Казанцев 2005].

Не стоит недооценивать тот факт, что решающую роль в успехе этого протестного экологического движения сыграли особенности традиционного мировоззрения алтайцев. Не секрет, что множество подобных природоохранных кампаний, разворачивавшихся в то же самое время и в других уголках страны, не привели к принятию решений об окончательной приостановке проектов. Во многом это происходило по причине того, что цели экологов так и остались чужды местному населению. На Алтае же они оказались полностью созвучными мировоззренческим установкам коренных жителей. Интересно, что среди алтайцев даже в наше время не принято сожалеть по поводу заморозки строительства Катунской ГЭС, что резко контрастирует с настроениями, царящими во многих других регионах страны в подобных случаях. Там, после того как экологическое движение пошло на спад, а насущные экономические проблемы потеснили на второй план заботу об окружающей среде, местные жители часто выражают сожаление по поводу того, что они в конечном счете оказались в стороне от магистральных проектов промышленного и инфраструктурного развития страны.

Несмотря на то что к началу XXI в. в России модернизационная повестка давно вытеснила из общественного сознания

романтический тренд перестроечных времен, коренные алтайцы остались верны своим убеждениям. К удивлению представителей власти, экспертов и руководства крупных добывающих компаний, вынашивавших планы строительства магистрального газопровода в западные регионы Китая через заповедное плато Укок, этот проект также вызвал серьезное сопротивление среди населения Республики Алтай. Инициированное интеллигенцией за пределами региона, сопротивление это вновь, как и в конце 80-х годов XX в., нашло самый горячий отклик в сердцах простых алтайцев. Всеми доступными им средствами они стали протестовать против планов инфраструктурного освоения практически необитаемого высокогорного района, который многие из них, также не без влияния извне, стали с тех пор почитать как сакральный Алтарь Евразии².

И пусть аргументы их были замешаны на предрассудках и вызывало скептическую улыбку утверждение, что раскопанная археологами в 1993 г. «Алтайская принцесса» «стояла на страже врат подземного мира, не допуская проникновения Зла из низших миров» [Доронин 2016: 78]. Намного важнее то, что газопровод, который предполагалось провести по территории заповедных районов республики, что должно было существенно повысить доходную часть ее бюджета, а также сделать удобнее жизнь простых граждан, вызвал у них самих лишь искреннее отторжение. Причем вызвал лишь потому, что они увидели в планах его строительства угрозу сохранению экологического, социального и геополитического баланса³, таким образом еще раз подтвердив свой статус «хранителей тишины». В конечном счете ни посулы дешевого газа, ни другие обещания, ни прямые угрозы, ни широкое использование административного ресурса не дали властям возможности привлечь на свою сторону местное население. В ситуации

² «Сакральность всей территории и отдельных памятников Укока не является исключительно достоянием прошлого, а переживается коренным населением как актуальная и значимая реальность, влияющая на судьбы и отдельных людей, и всего алтайского этноса» [Иванов, Фотиева 2015: 137].

³ «...ни в коем случае нельзя допустить прокладку газопровода через плато Укок, поскольку сопутствующая дорога приведет к неконтролируемой китайской миграции в Западную Сибирь. В Горном Алтае много сторонников такой точки зрения» [Макарьев 2008: 201].

фактического саботажа любых планов промышленного освоения, усиленного поддержкой со стороны ЮНЕСКО и представителей экспертного сообщества из-за пределов региона [Савинов 2009], власти были вынуждены временно отступить. Безусловно, сыграла роль и низкая заинтересованность в проекте китайской стороны, и иные факторы внутренней и внешней политики, которые напрямую не зависели от действий и настроений населения региона. Однако позиция простых граждан, отвергших выгодный им лично план хозяйственного освоения региона по экологическим соображениям и по соображениям национальной безопасности, в любом случае характерна и при этом действительно достойна уважения. Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что, как и в случае с Катунской ГЭС, солидарная оппозиция инициированному извне проекту экономического развития региона способствовала внутренней консолидации алтайского народа и резкой политизации его культурных и духовных потребностей.

На самом деле модернизация и экономическое развитие Алтая жизненно необходимы. Та скромная промышленность, что функционировала в регионе в советский период, уже в 90-е годы прошлого века пришла в упадок, и в настоящее время в республике функционирует только золотодобывающее предприятие в Чойском районе. Кроме него можно упомянуть лишь несколько небольших предприятий лесной промышленности и производство строительных материалов для местного пользования [Россия регионов... 2005: 219]. В результате Алтай до сих пор полагается на традиционное сельское хозяйство (72% населения республики проживают в сельской местности), доходы от которого, конечно же, не в силах сформировать его бюджет полностью. Как итог республика зависит от субсидий из центра, доля которых достигает 60% его доходной части [там же]. Около трети населения республики при этом занято в сфере культуры, здравоохранения, образования и в администрации, функционирование которых также связано с федеральным финансированием.

Проблема не в том, что коренные алтайцы не заинтересованы в собственном экономическом развитии, и уж тем более не в том, что оно им не требуется. Особенностью ситуации на Алтае является то, что коренные жители региона искренне

убеждены, что любое подобное развитие не должно ставить под угрозу уникальность этого заповедного уголка России и одновременно буферного региона Евразии. Они полагают, что рост их собственного материального благосостояния не так критичен, как сохранность местных природных комплексов, имеющих, с их точки зрения, не только эстетическое или экологическое, но еще и духовное значение. Именно эта позиция и выделяет их на фоне жителей многих других регионов нашей страны.

Настоящее: туристический бум

Представляется совершенно логичным, что в этих условиях центральные и региональные власти, вынужденные искать и находить компромиссные решения, в конце концов обратили внимание на такую экологически сравнительно нейтральную отрасль, как туризм. В ситуации, когда им требуется добиться роста экономических показателей, не поставив при этом под угрозу экологию региона и не нарушив тесную связь коренных алтайцев с окружающей их средой, развитие индустрии гостеприимства видится лучшим из возможных вариантов. Это тем более актуально, принимая во внимание широкую известность и заслуженную популярность Алтая как места отдыха. Действительно, еще с советских времен он стал своеобразной иконой массового туризма и здесь было построено значительное количество туристических баз и домов отдыха. При этом регион импонировал одновременно и самостоятельным путешественникам, которых привлекала нетронутая природа, возможность совершать горные и байдарочные походы различных категорий сложности, и туристам, ориентированным на комфортабельный семейный отдых на лоне природы. Последние, что интересно, ценили на Алтае прямо противоположное первым, а именно относительную, по сравнению с другими регионами Сибири и Дальнего Востока, развитость местной инфраструктуры гостеприимства и хорошую благодаря наличию Чуйского тракта транспортную доступность самых популярных мест отдыха.

В постсоветский период Алтай нисколько не растерял своей туристической привлекательности. Несмотря на то что отделение Республики Алтай от Алтайского края, долгий простой аэропорта в Горно-Алтайске, общая деградация туристической инфраструктуры, а также появление у граждан России множества вариантов отдыха вне страны сыграли свою негативную роль, как независимые путешественники, так и их более организованные «коллеги» продолжали с удовольствием посещать достопримечательности региона. К началу десятых годов нынешнего века туристический поток на Алтай практически восстановился, и на дорогах, ведущих в республику, стали даже наблюдаться автомобильные пробки.

Уже тогда стало понятным, что неконтролируемый рост туристических посещений региона, помноженный на возросшую благодаря развитию коммуникационных и информационных технологий информированность туристов, получивших возможность организовывать свои посещения самостоятельно и без серьезных затрат, способен привести к нежелательным последствиям. В частности, вызывало тревогу то, что хрупкая алтайская природа может не справиться с возросшей антропогенной нагрузкой, а интенсификация межнациональных контактов в условиях недостаточной культурной чувствительности гостей способна привести к возникновению межэтнической напряженности. Однако, до тех пор пока цифры посещений не достигали критической отметки, а правительство и народ Алтая сохраняли по крайней мере иллюзию контроля над стремительно развивающейся ситуацией, туризм все еще виделся многим из них благом. Его развитие давало надежду на скорое решение экономических проблем региона, при этом считалось, что достигнуть прогресса можно будет без серьезных побочных эффектов — как чисто экономических по своей природе, так и более глубоких политических, социальных и культурных. Стоит отметить, что на этом этапе развития этнический фактор вообще редко принимался в расчет.

Ситуация осложнилась в 2020 г., после того как ВОЗ заявила о начале пандемии новой коронавирусной инфекции. В связи с тем, что многие страны, в том числе и популярные у российских туристов, временно закрыли свои границы для ино-

странных граждан, туристические потоки были перенаправлены внутрь России. Это с неизбежностью привело к лавинообразному росту посещений самых популярных у туристов регионов. Осознав выгоду от ситуации, при которой денежные средства российских путешественников остаются внутри страны и, таким образом, реинвестируются в развитие ее отдаленных районов, правительство взяло курс на форсированное развитие внутреннего туризма [Мишустин сообщил... 2020].

Достаточно ожидаемо одним из самых популярных направлений в этой ситуации стал именно Алтай. Кроме уже упомянутых природных красот, ауры мистицизма, относительной развитости туристической инфраструктуры и хорошей транспортной доступности еще одним фактором, повлиявшим на решение центральных властей уделить Алтаю особое внимание, стало проживание на его территории коренного населения, существенно отличающегося от населения центральных регионов страны по своим историческим, культурным и антропологическим особенностям. Власти и бизнес осознавали, что эта непохожесть является ценным ресурсом с точки зрения перспектив так называемого этнотуризма, на необходимость ускоренного развития которого указывал даже глава государства В.В. Путин во время своего выступления на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, состоявшемся 30 марта 2021 г. [Стенограмма выступления Путина... 2021].

Здесь необходимо напомнить, что посещение мест компактного проживания коренных народов и ознакомление с особенностями их традиционного образа жизни и национальной культуры, что подразумевается под термином «этнотуризм», в последнее время стали очень популярными во многих регионах мира, где часто пропагандируются как современная и «прогрессивная» форма проведения досуга. Стоит, однако, сказать и том, что, хотя большинство планов по развитию этнотуризма имеют пространные отсылки о необходимости бережного отношения к традиционной культуре и образу жизни населяющих тот или иной регион коренных народов, в действительности это является трудно реализуемой целью. Проблема заключается в том, что материальным базисом и идеологической основой этнотуризма являются объектива-

ция и последующая «коммодификация» тех или иных элементов культуры автохтонных народов, что с неизбежностью означает превращение их в коммерческий актив [Золотарева, Курьянова, Рындина 2013: 49]. Связано это с тем, что в основе создания так называемого туристического продукта всегда находятся отдельные особенности традиционного образа жизни, обычаи, обряды, мифы, верования, предметы материальной или нематериальной культуры коренных народов, которые посредством вычленения их из культурного контекста и надделения их свойствами товара превращаются в объект купли-продажи.

Говорить о настоящем сохранении традиционной культуры в ситуации, когда на самом деле планируется лишь ее потребление, довольно затруднительно, тем более что в последнее время в России вообще и на Алтае в частности получил развитие феномен так называемого брендинга [Информация о развитии... 2022]. В ходе этого процесса тот или иной аспект традиционной культуры не просто отделяется от других, но и абсолютизируется в качестве экзотики, для того чтобы привлечь внимание пресыщенного туриста, мечтающего о чем-то необычном, уникальном или специфическом. Разработчиков туристического продукта в этом случае практически не интересуют место и роль данного конкретного аспекта в системе традиционной культуры в целом или, к примеру, его обусловленность средой проживания и социально-исторической спецификой. Критичным является лишь способность созданного подобным образом «бренда» обеспечивать постоянный приток клиентов и в конечном счете гарантировать рост прибыли тем лицам и организациям, что инвестируют свои средства в его формирование и продвижение. При этом практически не скрывается, что организация рекреационной деятельности такого рода является в первую очередь привлекательной именно экономически [Золотарева, Курьянова, Рындина 2013: 50]. Она на самом деле оказывается выгодной как для частных инвесторов, рассчитывающих на получение существенной прибыли при минимальных первоначальных вложениях, так и для региональных властей, стремящихся к развитию транспортной инфраструктуры, росту показателей занятости и увеличению налогооблагаемой базы.

Стоит особо отметить, что процесс эксплуатации традиционной культуры в форме этнокультурного туризма практически всегда и везде осуществляется в интересах бенефициаров, напрямую не связанных с той этнической общностью, которая является ее носителем и/или создателем. В том же случае, когда тот или иной ее аспект приобретает широкую известность, а его воспроизводство в коммерческих целях начинает привлекать по-настоящему массового потребителя, подобная ситуация вообще становится нормой. В результате представители коренного народа иногда финансовыми, иногда административными, а иногда и чисто силовыми методами вытесняются из приносящей значительную прибыль деятельности по эксплуатации их же собственной культуры. Не будет преувеличением утверждать, что в ситуации туристического бума, когда рост нормы прибыли при эксплуатации культурного наследия привлекает в регион все большее и большее число крупных и мелких инвесторов из-за его пределов, полным ходом идет апроприация ими традиционной культуры местных народов.

Парадоксально, но причиной вытеснения коренных жителей региона из туристического бизнеса являются не только большие финансовые и административные возможности внешних игроков или их лучшее знакомство с агрессивными формами ведения бизнеса и точное знание потребностей клиента. Неменьшую роль играет нежелание самих туристов вступать во взаимодействие с коренными жителями, которые зачастую представляются им как агрессивные или невежественные. В результате приезжим удобнее и в какой-то степени привычнее «потреблять» экзотику, оставаясь при этом вдалеке от самой этой экзотики. В чем-то это напоминает просмотр фильма ужасов, когда зритель погружается в потенциально опасную или непредсказуемую ситуацию, но при этом отдает себе отчет в том, что ситуация эта никак не скажется на его личной безопасности или здоровье, ибо является не чем иным, как фикцией.

Подобное развитие событий неизбежно приводит к отчуждению традиционной культуры от ее создателей и носителей, а также к лишению последних важнейших маркеров собственной идентичности, что в большинстве случаев означает еще

и их неизбежную маргинализацию. В том же случае, когда малочисленный народ оказывается крепко связанным со своей традиционной культурой и искренно предан ей, а также в состоянии осознать опасность ее утраты вследствие превращения в объект эксплуатации со стороны внешних сил, возникает опасность роста межнациональной напряженности и перевода конфликта в социально-политическую сферу. В отдельных случаях эскалация напряженности, вызванная апроприацией традиционной культуры коренных народов, может быть использована деструктивными силами и способствует появлению и росту сепаратистских и ирредентистских настроений в их среде.

В этом смысле не вызывает удивления то, что параллельно увеличению количества туристических посещений Алтай в среде коренного населения республики наблюдается резкий рост популярности протестных, а иногда и напрямую националистических идей [Борьба за Алтай... 2021]. С одной стороны, резкое неприятие коренными жителями региона новой стратегии его развития во многом объясняется особенностями их системы ценностей. Как уже отмечалось, в традиционной культуре алтайцев чувство единения с природой, которая служит им объектом фактически религиозного поклонения, является фактором намного более важным, чем получение сиюминутной материальной выгоды. Во многом именно по этой причине те проекты, в которых во главу угла ставился лишь материальный аспект и достижение *количественных*, экономических и финансовых показателей, а *качественное*, духовное и культурное измерение проблемы полностью игнорировалось, жители республики воспринимали с плохо скрываемым раздражением. С другой стороны, можно предположить, что, хотя и во многом неосознанно, коренные алтайцы все же понимают, что превращение в объект купли-продажи их традиционной культуры означает утрату ими в будущем собственной идентичности, а стало быть, ставит под угрозу сам факт их существования как народа. В этих условиях включается внутренний защитный механизм, который уже неоднократно спасал их от порабощений и ассимиляции в прошлом и может быть снова актуализирован в ситуации новой экзистенциальной угрозы.

Принимая во внимание особую важность бесперебойного функционирования уникальной алтайской культуры в каче-

стве основного элемента геополитического буфера в центральной части Евразии, опасность, нависшая над ней в связи с ускоренным туристическим освоением региона, должна беспокоить не только самих алтайцев, но и государство, выступающее в настоящее время главным инициатором и спонсором этого освоения. Однако по причине того, что в российском обществе, в экспертной среде и среди лиц, принимающих решения, до сих пор отсутствует понимание опасности бесконтрольного развития этнокультурного туризма, этим настораживающим тенденциям в настоящее время уделяется недостаточно внимания. Существенная недооценка рисков, связанных с его форсированным развитием, объясняется еще и тем, что подобного рода туризм в нашей стране до сих пор находится, по сути, в зачаточном состоянии. В этом смысле опыт соседнего государства, Китайской Народной Республики, в том, что касается развития этнокультурного туризма в городском округе Алтай, расположенном на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района в непосредственной близости от границы с Республикой Алтай Российской Федерации, требует самого тщательного изучения.

С одной стороны, для многих сторонников развития этнокультурного туризма в нашей стране он представляется «модельным», а стало быть, требующим воспроизводства и в российских условиях. С другой стороны, именно там, где массовый этнокультурный туризм достиг воистину промышленных масштабов, особенно четко проявились все те негативные и в целом опасные последствия трансформации культурного наследия в объект купли-продажи, о которых в России знают лишь в теории. Анализ успехов и неудач центральных и местных властей и крупного бизнеса в их попытках превратить национальную культуру проживающих на китайском Алтае тувинцев в товар, а также последствий этих шагов для национальной безопасности приграничных регионов способен выявить те опасности и ловушки, которые подстерегают народы Республики Алтай на пути окончательной коммерциализации их культурного наследия.

История превращения одного из самых удаленных и труднодоступных уголков Северо-Западного Китая, горного озера Канас на границе с Монголией, Россией и Казахстаном, в обще-

национальную туристическую достопримечательность берет свое начало в 1980 г., когда здесь, в местах традиционного проживания небольшой этнолокальной группы тувинцев был основан природный заповедник. Целью создания новой территории ограниченного природопользования декларировалась защита от антропогенного воздействия уникальных для Синьцзян-Уйгурского автономного района горно-таежных ландшафтов. Однако вскоре после создания заповедника здесь был отмечен незначительный рост числа ежегодных посещений, хотя и приводивший к увеличению такого воздействия. Эта тенденция только усилилась после того, как в 1986 г. заповедник получил статус общенационального. Несмотря на это, вплоть до начала 1990-х годов уровень посещаемости Канаса все-таки не превышал семи-восьми тысяч человек в год [Михалев 2019: 27].

В 1996 г. между дирекцией национального парка, проявлявшей искреннюю заботу о сохранении биологического разнообразия, и местными властями, заинтересованными лишь в дальнейшем притоке туристов и росте связанных с этим доходов, возник серьезный конфликт. По его итогу была достигнута договоренность о координации усилий и создании совместного органа, в функции которого входил бы контроль и упорядочивание туристической деятельности в регионе. Следующие четыре года характеризуются тем, что на Канас приходит крупный бизнес из центральных регионов страны, туристический поток действительно ставится под их контроль, при этом сама заповедная территория приобретает общенациональную известность [Нанькуай Модэгэ 2009: 215–219]. В это же время акцент в стратегии продвижения смещается с красот природы, которые было решено действительно *охранять*, на культурное наследие жителей региона, которое было решено *эксплуатировать* в интересах крупных игроков из-за пределов региона.

Вскоре после этого коренные жители стали ощущать себя в некогда принадлежавшем им родном доме музейными экспонатами. В результате они превратились в культурно неполноценный народ, при этом сама эта их «неполноценность» стала источником прибыли для приезжих коммерсантов. Сёла Хом и Ханас, места традиционного проживания тувинцев, трансформировались в огороженный рядами колючей проволоки этнический «зоопарк», территорию которого его обита-

тели стремились покинуть при малейшей возможности [Нон Уухин 2014]. В результате сложилась парадоксальная ситуация, при которой изначально тувинские села постепенно становились казахскими или дунганскими, при этом продолжая продавать гостям именно свою «тувинскость». Это происходило по мере того, как подорожавшую по причине бурного развития туризма недвижимость скупали приезжие бизнесмены, превращающие дома коренных жителей в гостиницы и рестораны с тувинским «колоритом». В таких условиях говорить о сохранении и тем более о развитии культурного наследия коренных народов Канаса стало попросту затруднительным.

К сожалению, так же как и в КНР, в большинстве программ развития туризма, разрабатываемых и реализуемых в Республике Алтай в наши дни, упускается из виду то, что любая эксплуатация культурного потенциала его коренных жителей должна не только обеспечивать рост *количественных* показателей, но и способствовать повышению *качества* их жизни. В этом смысле местные власти и крупные коммерческие структуры, делающие ставку на форсированное развитие массового туризма, не только игнорируют печальные последствия развития этнотуризма на Канасе, но и не учитывают неудачный опыт возведения Катунской ГЭС и строительства газопровода через плато Укок. Опыт же этот говорит о том, что в ситуации выбора между экономической выгодой и сохранением экологического баланса и культурной автономности коренные алтайцы выбирают последнее. Без их же согласия и одобрения любые планы хозяйственного освоения региона (а развитие массового туризма можно с полным основанием считать таковым) оказываются обреченными на провал.

Ситуацию, при которой происходит навязывание региону той или иной модели социально-экономического развития, а перемены реализуются с использованием методов и на основе принципов, коренным жителям незнакомых, а зачастую и вовсе чуждых, нельзя считать нормальной в принципе. Проблема же на Алтае усугубляется тем, что собственниками и бенефициарами предприятий сферы туризма чаще всего оказываются крупные промышленно-финансовые структуры из-за пределов региона. Масштабная скупка ими местных земель происходит в результате при отсутствии внимания новых соб-

ственников к особенностям традиционного мировоззрения, ценностным установкам и верованиям коренных алтайцев, для которых, как уже было отмечено, природа вообще и родовые земли в частности имеют по-настоящему сакральное значение. В ситуации, когда существенная часть прибыли от эксплуатации природного, культурного и духовного потенциала Алтая остается за его пределами, коренные жители не получают от этого даже минимальной личной выгоды, а их опасения и тревоги полностью игнорируются, резко возрастает уровень социального напряжения. В условиях приграничного региона это является еще и вызовом для внутривнутриполитической стабильности и внешнеполитической устойчивости государства.

Проблему усугубляет также традиционная разобщенность коренных алтайцев, которая в настоящее время возрастает, институализируется и при этом активно используется силами из-за пределов региона, заинтересованными в дальнейшей эксплуатации его природных и культурных ресурсов. По большому счету само существование алтайцев как единой социально-политической общности, включающей в себя все населяющие Алтай тюркоговорящие народности, является относительно современной и при этом во многом умозрительной концепцией, не пустившей пока в самой республике глубоких корней. В свое время влияние русской культуры и христианизация, а также новое территориальное деление, установленное царским правительством на Алтае, вынудили алтайцев искать пути и механизмы объединения в единый народ. Для того чтобы выжить, им и требовались новые идеи и новые символы. Необходима была сила, способная заставить их преодолеть традиционную раздробленность и заложить основы формирования единого народа. Такой силой оказалась новая религия, бурханизм, появившаяся на Алтае в 1904 г. и уже через несколько лет завоевавшая сердца многих его коренных жителей [Данилин 1993]. Именно возникновение и быстрый рост популярности бурханизма, по мнению современных исследователей, и означали символическое рождение новой нации, известной ныне как *алтай-кижи* [Шерстова 2010].

Несмотря на то что национально ориентированная интеллигенция и региональные власти постоянно заостряют внимание на необходимости укрепления единства алтайского народа

[Предстоящая перепись... 2009], многие представители периферийных алтайских групп до сих пор относятся к этой идее довольно скептически. Как только это стало возможным, они обратились с просьбой к федеральным властям предоставить им особый статус. В результате в 2000 г. из состава алтайцев выделились челканцы, тубалары и теленгиты, а кумандинцы ныне и вовсе считаются отдельным народом. Все эти этнические группы и подгруппы трепетно относятся к своей вновь обретенной идентичности, тем самым подрывая усилия интеллектуальной элиты алтай-кижи, направленные, как было отмечено, на сплочение всех коренных народов Алтая в единый этнос.

Интересно, что даже русские, составляющие в настоящее время 56% населения Республики Алтай, также не гомогенны. Среди них можно выделить две резко различающиеся по своему мировоззрению, традиционной культуре и происхождению группы. К первой группе относят тех, кто попал на Алтай уже в советское время, а также потомков переселившихся сюда в начале XX в. крестьян из центральных регионов страны. И те и другие избрали Алтай своим домом по чисто прагматическим соображениям и, возможно, по этой причине не испытывают в отношении этой земли никаких сантиментов. Принципиально отличную от них группу составляют старообрядцы, которые начали осваивать укромные долины Алтая даже до того, как тот был включен в состав Российской империи. Эти люди шли сюда в поисках Беловодья, мифической земли обетованной, и их потомки вплоть до настоящего времени компактно проживают в Усть-Коксинском районе республики, поддерживая минимальный уровень коммуникации с внешним миром [Кучуганова 2014]. В отличие от новоприбывших, для старообрядцев Алтай является раем на земле, они связаны с ним крепкими духовными узами, и это идеологически делает их ближе к коренным алтайцам, несмотря на то что отношения между двумя этими группами населения республики также сложно назвать по-настоящему дружественными.

Самой же большой угрозой единству алтайского народа, за которое на словах ратуют многие видные его представители, является глубоко укоренившееся в сознании жителей региона деление на *сеоки* (родовые структуры), принадлежность к которым всегда определяла на Алтае идентичность человека.

Их роль и значение не смогли подорвать или уменьшить ни присоединение региона к Российской империи и включение его в российское правовое поле, ни миллениаристское по своей сути бурханистское движение национального объединения, зародившееся в среде самих алтайцев, ни жесткие идеологические рамки советской системы. Как и столетия назад, место современного алтайца в социуме во многом определяется его родовой принадлежностью, и лишь иногда, в основном при общении с русским населением или с жителями других регионов, на первый план выходит общеалтайская идентичность [Тютененева 2015: 80]. При этом те социальные сети, что строятся на основе сеоков, характеризуются большей устойчивостью, более широким охватом и более высоким уровнем обязательств по отношению к своей группе, чем какие-либо иные формы групповой идентичности.

Не секрет, что проистекающий из этого высокий мобилизационный потенциал родственных связей довольно часто рекрутируется в чьих-либо личных социальных или экономических интересах, однако особенностью текущей ситуации в Республике Алтай стало то, что подобная, довольно архаичная модель солидарности оказалась хорошо совместимой с современными политическими реалиями и технологиями. В условиях недостаточной развитости местных институтов власти и постоянных междоусобиц представительства некоторых общероссийских политических партий оказались на поверку традиционными родовыми группами, лишь замаскированными под легальные политические структуры. Данная ситуация несколько напоминает политический ландшафт в Киргизии, где именно клановость, выступающая под маской демократической конкуренции, уже в течение многих лет является первопричиной и постоянно подпитывающим нестабильность фактором политической и общественной жизни [Болпонова 2015: 69–70].

Начало политизации сеоков на Алтае было положено на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия, когда на волне национального подъема умами коренных жителей региона, включая и отдельных представителей национальной интеллигенции, овладела идея возрождения традиционного института *зайсанов*. Как отмечают многие современные исследователи, в тот момент «произошла актуализация традиционных соци-

альных институтов, которые стали рассматриваться как гарантия и условие самосохранения и развития алтайского народа» [Октябрьская, Самушкина 2016: 74]. На самом деле в те времена, когда алтайцы еще входили в состав Джунгарского государства, зайсаны ассоциировались скорее с угнетателями, чем с покровителями [Кыдыева 2006: 115], однако в условиях терминологической анархии и мировоззренческой регрессии, характерной для позднесоветской и постсоветской действительности, этим словом стали называть наиболее уважаемых или предприимчивых представителей крупных алтайских сеоков. При этом нередко происходило так, что через подобное выражение коллективной воли ближних и дальних родственников некоторые бывшие партийные работники или индивидуальные предприниматели просто пытались обеспечить себе доступ к тем или иным управленческим и экономическим ресурсам [Ябыштаев 2013: 115].

На дальней дистанции попытка эта ни к чему хорошему не привела, чему виной оказались не столько прозорливость или эффективное противодействие появлению альтернативных органов управления со стороны официальных властей, сколько нежелание и неспособность новоявленных зайсанов договариваться между собой. Несмотря на многочисленные попытки объединения, общему делу каждый раз мешали амбиции отдельных лидеров, и достичь единства лидерам сеоков так и не удалось [Ябыштаев 2012]. Не разделили устремлений новых самопровозглашенных лидеров алтайского возрождения и многие их соотечественники, а также русские, проживающие в республике [Тадина 2009: 80]. В результате зайсаны превратились в не всегда чистоплотных этнических «антрепренеров», которые при этом все-таки обладали определенным влиянием среди членов своего сеока.

С одной стороны, в результате подобного хода событий Государственное собрание республики Эл Курултай стало единственной легальной платформой, где можно было продолжать отстаивать политические и экономические интересы той или иной родственной группы официально. С другой — неожиданным компромиссом оказалась возможность реализовывать политические запросы родовых структур, замаскировав их под региональные представительства крупных политических пар-

тий. Сделка получилась выгодной для каждой из сторон. У скомпрометировавших себя внутриусобной борьбой зайсанов крупных сеоков, а также более мелких родовых лидеров благодаря подобному симбиозу традиции и современности появился доступ к реальным рычагам власти. Они смогли выгодно обменять собственную лояльность и лояльность своей группы флагу той или иной партии на фактическое представительство в органах власти и возможность принимать участие в законотворческой и исполнительной деятельности [«Великий» алтайский курултай... 2015]. Самим же партиям это давало возможность без каких-либо дополнительных финансовых и организационных усилий, лишь склонив на свою сторону лидера крупного родового объединения, обеспечить себе необходимые показатели в избирательных бюллетенях.

Ситуация, при которой голоса избирателей, а с ними и важнейшие решения в области земельных прав и собственности оказались в руках узкой группы самопровозглашенных лидеров с сомнительной легитимностью, не была бы столь критичной, если бы высшее руководство республики выступало гарантом соблюдения интересов всех без исключения этнических и родовых групп. К сожалению, этого в настоящее время также не происходит, ибо исполнительная власть, представленная зачастую выходцами из-за пределов республики, не пользуется ни популярностью, ни авторитетом ни у самих местных элит, ни у простых граждан. В конечном счете это приводит к тому, что рычаги принятия решений оказываются в руках сил, обладающих достаточными ресурсами для того, чтобы обеспечить себе лояльность неформальных лидеров, которые взамен получают от них официальное «прикрытие».

В условиях резко возросшего интереса крупных финансово-промышленных групп из-за пределов региона к рекреационному потенциалу Алтая, о котором уже шла речь выше, это означает, что их амбициям по скупке земель под развитие туристической инфраструктуры нечего противопоставить ни официальным властям республики, ни скомпрометировавшим себя неформальным представителям его коренного населения. Первые слишком слабы и некомпетентны и при этом воспринимаются многими скорее как ставленники тех же самых крупных финансово-промышленных групп; вторые

активно монетизируют свой былой авторитет среди земляков, а потому вынуждены «отрабатывать» интересы заказчиков.

В результате коренные алтайцы, сакральные символы, родовые земли и традиционная культура которых объективируются, отчуждаются и выставляются на торги в соответствии с логикой форсированного развития массового туризма, оказываются, по сути, один на один с серьезной угрозой самому факту своего существования как отдельного народа. В этой ситуации их взоры обращаются к общественно-политическим движениям, объединениям и отдельным несистемным политикам, не запятнавшим себя сотрудничеством с властями и крупным бизнесом из-за пределов региона, но при этом зачастую отличающимся ясной и понятной, а оттого и радикальной идеологией. Одной из таких сил, оседлавших протестные настроения на волне одновременного кризиса доверия к государственным институтам и родовым лидерам, стала так называемая Каракольская инициативная группа. Несмотря на то что Министерством юстиции Российской Федерации она еще в 2019 г. была признана запрещенной организацией [Минюст расширил... 2019], в глазах многих алтайцев именно ее представители превратились в единственных защитников родной земли от чужаков. Вызывает тревогу то, что, как нам уже известно из истории Алтая, подобный статус может в самом скором будущем принести им самые неожиданные дивиденды.

С точки зрения интересов национальной безопасности такую ситуацию следует признать опасной и требующей принятия незамедлительных мер. Во-первых, организации, подобные Каракольской инициативной группе, с готовностью пользуются поддержкой сил, финансируемых из-за рубежа, приоритетом которых является поддержка именно такой несистемной и идеологизированной оппозиции. Во-вторых, в условиях внутренней раздробленности и скомпрометированности репутаций большинства представителей местных родовых элит недовольство коренных алтайцев масштабным освоением их родной земли и тревога по поводу судьбы традиционной культуры могут быть использованы различными силами за пределами страны и напрямую. В результате они смогут получить возможность влиять на ситуацию в этом приграничном регионе России, который издавна служил

буфером на ее южных и восточных рубежах и который, как уже было отмечено, в целом являлся гарантом стабильности в центральной части чувствительного региона Внутренней Азии.

Так, апеллируя к тюркскому единству и используя наличие на юге республики, в Кош-Агачском районе, крупной обособленной общины этнических казахов, такая возможность предоставляется Казахстану, за которым всегда незримо присутствует тень Турции, заинтересованной в усилении своего влияния в приграничных регионах Южной Сибири. Акцент при этом может делаться не только на лингвистическом единстве тюркских народов и на иррациональных, но при этом хорошо просчитанных чувствах, лежащих в основе идей пантюркизма. Относительно недавней находкой казахстанских политиков и идеологов стало так называемое тенгрианство. Это синкретическое вероучение покоится на спекулятивных предположениях французского востоковеда Жан-Поля Ру о существовании в прошлом у кочевников Центральной Азии полноценной религиозной системы, основанной на почитании Великого синего неба. Хотя в действительности не существует никаких исторических свидетельств существования тенгрианства, эта по большей части умозрительная, кабинетная концепция прищлась по душе ученым и политикам на всем постсоветском пространстве, от Башкирии и Бурятии до Киргизии [Урбанаева 2000; Безертинов 2006; Абаев 2015]. Несмотря на то что в настоящее время существует несколько альтернативных центров нового вероучения, самыми последовательными и систематичными в своих действиях остаются, однако, именно представители Центральной Азии [Аюпов 2012]. При значительной организационной и финансовой поддержке со стороны заинтересованного в идеологической экспансии казахского государства они занимаются формулированием, концептуализацией и распространением нового вероучения, в том числе и на территории Российской Федерации.

На фоне неспособности региональной власти и местных лидеров обеспечить сохранность традиционной алтайской культуры усиливаются в регионе и позиции сил, ориентирующихся на буддийский мир и позиционирующих Алтай как форпост восточноазиатской культуры, духовной основой которой тот

выступает. В условиях идеологического кризиса это приводит к росту влияния Монголии, Японии, Кореи и других стран, исповедующих буддизм и использующих его для продвижения своих собственных внешнеполитических интересов. Среди местного населения пользуются определенным успехом даже такие одиозные личности, как монах Дзюнсэй Тэрасава, которому неоднократно запрещали въезд на территорию России и который известен своими агрессивными антироссийскими взглядами. Учитывая широкую популярность идеологии нью-эйдж на Алтае, а также тот факт, что с точки зрения ее адептов буддизм является сугубо мирной, полностью аполитичной религией, не стоит удивляться тому, что риск нарушения конфессионального баланса, вызванный истощением прослойки чисто алтайской культуры в пользу культуры глобальной, представленной в данном случае буддизмом, также присутствует.

В общем и целом приходится констатировать, что в настоящее время ситуация в Республике Алтай развивается по достаточно тревожному сценарию. После того как федеральными и местными властями был взят курс на ускоренное развитие внутреннего туризма [Встреча Михаила Мишустина... 2021], среди управленцев возобладал вульгарный утилитаристский подход, в соответствии с которым экономические интересыобладают высшим приоритетом. Это приводит к фактам негибкого управления местными политическими и социальными процессами, осуществляемого без учета особенностей менталитета коренного населения, к недоучету этнического фактора, а также к ускоренному и зачастую несбалансированному развитию туристической инфраструктуры, предполагающей максимальную открытость региона внешним влияниям.

На самом деле взрывной рост внутреннего туризма, в основе которого лежит эксплуатация народной культуры, неизбежно приводящая к ее эрозии и деградации, ставит под угрозу не только будущее алтайского народа, но и существование цивилизационного буфера на южных рубежах России, основу которого он всегда составлял. В условиях относительной архаичности традиционных политических институтов, а также наблюдающейся в среде коренных жителей региона раздробленности по родовому и этническому признаку ориентирование

на извлечение максимальной прибыли в сжатые сроки приводит к росту влияния в регионе сплоченных политических групп, представляющих интересы более развитых, чем Алтай, регионов страны. Скупка их представителями земель, в том числе и родовых, под строительство туристической инфраструктуры с последующим отчуждением и выводом ее из традиционного хозяйственного оборота и, что немаловажно, невнимание в ходе этого процесса к особенностям мировоззрения, ценностным установкам и религиозным чувствам местных жителей, для которых Алтай и его природа имеют сакральное значение, приводят к росту социального напряжения.

Ситуация, при которой инициаторами новой модели хозяйственного освоения региона являются политические и экономические акторы из-за пределов региона, а бенефициарами выступают крупные промышленно-финансовые структуры, осуществляющие здесь свою экономическую экспансию при молчаливом содействии местных властей, приводит к тому, что в среде коренного населения республики наблюдается рост протестных и националистических настроений. Отмечаемая при этом радикализация общественного дискурса усугубляется тем, что получить политические дивиденды из обеспокоенности алтайцев по поводу судьбы их традиционной культуры пытаются склонные к экстремизму силы внутри самой республики, а также заинтересованные в расширении своего политического и экономического влияния в приграничных регионах России иностранные игроки.

И те и другие довольно умело используют антагонистические противоречия, свойственные политическому ландшафту региона, вступая в ситуативные союзы с фрагментированными и противоборствующими между собой его элитами. Целью таких союзов, как правило, является лишь получение дивидендов при распределении представляющих значительную ценность природных и рекреационных ресурсов Алтая, однако их побочным итогом является консолидация контрэлит на базе радикальной, а иногда и вовсе экстремистской идеологии. Ситуация усугубляется еще и тем, что руководство республики испытывает серьезные трудности при налаживании конструктивного диалога с влиятельными местными родовыми структурами и не пользуется достаточным авторитетом

у коренного населения, выступая в его глазах лишь как проводник интересов внешних по отношению к региону игроков [Глава Горного Алтая... 2021].

В случае продолжения развития событий по данному сценарию можно предположить, что дальнейший рост внутреннего туризма окончательно высвободит его скрытый разрушительный потенциал, способный привести к реактуализации существующих до тех пор лишь подспудно культурных различий между коренным и пришлым населением Алтая, наполнив их новым, опасным конфликтным содержанием. С одной стороны, это связано с тем, что, как уже было отмечено, львиная доля доходов от туристической деятельности благодаря ангажированности, оторванности от культурных реалий региона и недостаточному авторитету местной власти достается безразличным к потребностям его устойчивого развития «внешним силам». С другой — конфликт подогревается тем, что туристы, во всевозрастающем количестве прибывающие из районов с преимущественно русским населением, как правило, недостаточно осведомлены об особенностях этого культурно и духовно специфичного региона и часто ведут себя неподобающе, а временами и вовсе провокационно и вызывающе. В совокупности все это приводит к тому, что любой хозяйственный или бытовой конфликт по линии «приезжий-местный» может быть с легкостью переведен в этническую плоскость и превратиться в конфликт межнациональный. Этим, в свою очередь, без промедления воспользуются деструктивные силы, стремящиеся разыграть в чувствительном приграничном районе националистическую карту, и, как уже отмечалось выше, благодаря его всевозрастающей доступности и открытости в настоящее время уже достаточно хорошо представленные в республике.

В конечном счете ситуация, при которой важный приграничный регион, вопреки воле большинства его коренного населения, насильственно открывается мощным финансовым и демографическим потокам, полностью ему неподконтрольным, а региональная власть выступает лишь механизмом, обеспечивающим дальнейшее истощение его природных и культурных ресурсов, выглядит стратегически опасной. Опасной как с точки зрения перспективы роста межэтнической на-

пряженности в пределах самой республики, так и с точки зрения обеспечения общероссийской трансграничной безопасности, в системе которой Алтай исторически занимает особенно важное стратегическое положение.

Будущее: заповедник культуры

Становится очевидным, что в целях недопущения нарастания негативных тенденций, связанных с форсированным развитием массового туризма, требуется ревизия программ экономического и социального развития Республики Алтай. С одной стороны, необходимость дальнейших инвестиций в этой сфере не вызывает сомнений, ибо в регионе наличествуют все необходимые предпосылки для развития индустрии гостеприимства. Туризм не наносит серьезного вреда экологии, как это происходит, к примеру, в случае с добывающей промышленностью, однако способен при этом стать надежным источником пополнения республиканского бюджета, снизив тем самым его зависимость от дотаций из федерального центра. С другой — представляется обязательной корректировка конкретных методов и форм организации туристической деятельности на Алтае.

Прежде всего, требуется ограничить доступ в республику тем игрокам из-за его пределов, которые в настоящее время, пользуясь раздробленностью и коррумпированностью местных элит, проводят крупномасштабную скупку земель коренного населения под строительство объектов туристической инфраструктуры, таким образом используя в своих личных интересах рекреационный потенциал региона, но при этом выводя большую часть прибыли за его пределы. Во-вторых, необходимо резко сократить количество туристических посещений республики, для того чтобы снизить вероятность возникновения здесь конфликтов на межнациональной почве. В-третьих, требуется взять под контроль процессы объективации и коммодификации культуры коренных жителей Алтая и не допустить ее окончательного превращения в объект купли-

продажи. Все эти меры необходимы для того, чтобы предотвратить дальнейший рост протестных настроений в среде коренного населения республики, вызываемых чувством утраты идентичности и потери контроля над территорией своего традиционного проживания. В свою очередь, подобная корректировка позволит устранить угрозу использования стремительно ухудшающейся ситуации деструктивными силами, находящимися как внутри Республики Алтай, так и за ее пределами.

Представляется, что приемлемым компромиссным решением, способным обеспечить экономический рост при сохранении стабильности и гармонии в межнациональных отношениях, может стать создание на Алтае, наподобие уже действующих здесь территорий ограниченного *природопользования*, «территории ограниченного *культуропользования*». Планы хозяйственного освоения в этом случае должны будут увязываться с вопросами сбережения традиционной культуры коренных народов, а основой экономического роста и социального развития республики станет не ее открытость для посещений, а наоборот, ее относительная недоступность. Предлагается, иными словами, принять к рассмотрению такую концепцию развития туризма на Алтае, при которой он из массового и общедоступного превратится в эксклюзивный и регламентированный. Безусловно, это потребует введения запретительных мер, а также квот и разрешений на посещение региона, что может вызвать у туристов недовольство, однако в то же время даст ограниченному количеству получивших соответствующее разрешение гостей гарантию приобретения уникального и значимого опыта.

С одной стороны, эта смена подходов может оказаться выгодной федеральным властям, которые таким образом обеспечат снижение риска дальнейшей дестабилизации обстановки в республике, чему в настоящее время способствует неконтролируемый рост числа ее посещений, а также полная открытость финансовым потокам извне. С другой стороны, подобным образом может быть обеспечено соблюдение интересов коренных народов Алтая, у которых появится возможность сохранить свою идентичность, не ставя при этом под угрозу текущий уровень своего благосостояния. Все дело в том, что экономическая модель, предполагающая развитие в том или

ином регионе регламентированного туризма, часто оказывается для его коренного населения даже более прибыльной, чем традиционный подход, в соответствии с которым лишь постоянный рост туристических посещений означает стабильный рост доходов принимающей стороны.

В том, что это действительно так, можно убедиться на примере Бутана, правительство которого уже давно и притом довольно успешно эксплуатирует свой имидж затерянного в горах королевства, применяя практику квотирования туристических посещений. Несмотря на значительные расстояния, разделяющие Алтай и Бутан, огромную разницу в том, что касается особенностей экономической и политической ситуации в этих двух горных регионах на периферии Внутренней Азии, а также на тот факт, что пути их исторического развития никогда не пересекались, стоит отметить, что у них все же есть много общего. Жизненный уклад и особенности традиционного мировоззрения коренного населения Алтая и Гималаев, к примеру, отличаются лишь незначительно, на что в свое время обратил внимание Н.К. Рерих⁴.

Действительно, в самом факте того, что проживающие в схожих географических условиях народы формулируют схожие представления о мире и обладают схожими системами жизнеобеспечения, нет ничего необычного [Левин, Чебоксаров 1955]. Более существенным в данном случае является то, что и Бутан, и Алтай расположены в пределах контактных зон нескольких крупных историко-культурных общностей, резко отличающихся друг от друга по характеру, и по этой причине выполняют еще и разделительную, буферную функцию. Особенности политической географии Республики Алтай и ее роль в поддержании геополитического баланса в Евразии были рассмотрены выше; роль же Бутана, который образует естественный буфер между КНР и Индией и при этом бережно хранит свою собственную уникальную традицию, выступающую основой его существования, с ней во многом схожа. Лежающие свою отстраненность от крупных городов и политических центров континента и при этом так же глубоко, как и

⁴ Уже в наше время сибирские ученые провели совместное с коллегами из Северной Индии исследование, в результате которого пришли к схожим выводам [Алтай и Гималаи... 2017].

алтайцы, чувствующие «ритмы Вселенной», бутанцы не просто смогли сберечь свою культуру в условиях тесного соседства с крупнейшими цивилизациями Азии. Даже в наше время они все еще остаются силой, не позволяющей тем контактировать между собой напрямую [Новиков М., Новиков С. 2020: 35]. Значение Бутана лишь возросло после того, как Тибет, исполнявший эту функцию в прошлом, был окончательно интегрирован в состав КНР, а Сикким, еще некоторое время после этого игравший схожую роль, в 1975 г. окончательно инкорпорирован в свой состав Индией [Багаева 2014: 42].

В наши дни внутренняя политика Бутана вызывает неподдельный интерес во всем мире. Связано это с тем, что правительство этой небольшой страны в Гималаях применяет достаточно необычный метод расчета уровня благосостояния собственного населения. В отличие от большинства современных государств, озабоченных ростом чисто экономических показателей и в результате фетишизированной валовой внутренней продукт (ВВП), а также темпы его ежегодного роста, власти Бутана в своей деятельности придерживаются понимания того, что истинным мерилom успешности государства является показатель «валового национального счастья» (ВНС) [Ura et al. 2012]. Безусловно, методика подсчета ВНС не совсем понятна и до конца не проработана, а в его оценках присутствует значительная доля субъективности. Однако сама идея переориентации с *количественных* показателей *роста* экономики на *качественные* показатели *развития* людей пришлась по душе многим экспертам, в том числе и на Западе [Sithey, Thow, Li 2015]. Близка она и коренным алтайцам.

В контексте же данной работы особого внимания заслуживает опыт Бутана в вопросе регулирования туристического сектора экономики. Все дело в том, что правительству страны уже на протяжении нескольких десятилетий удается добиваться его стабильного роста, при этом ограждая от коммерциализации и народную культуру, которая не превращается здесь в товар, и свою буферность, не попадая в зависимость от объема инвестиций или количества гостей, прибывающих из соседних стран. Изначально такой подход разрабатывался в рамках политики «бутанизации», который подразумевал целый комплекс разнообразных мер, направленных на сохране-

ние уникального образа жизни, материальной и духовной культуры коренных народов страны. В связи с тем, однако, что сама эта политика стала ассоциироваться с насильственной ассимиляцией национальных меньшинств на юге Бутана, она вызвала немало резкой критики за его пределами. В результате с середины 90-х годов руководство страны стало склоняться к более тонким мерам сохранения своей культурной уникальности, что привело к росту ее инклюзивности и открытости, однако — и это необходимо отметить особо — «открытости» именно на своих условиях.

С того времени основным принципом бутанской политики в области туризма стал лозунг «Высокий уровень дохода, низкий уровень влияния». Первая его часть предполагает прежде всего взимание довольно значительных сборов с приезжающего в страну ограниченного числа туристов. Конкретные цифры отражают не только ежегодные изменения рыночной конъюнктуры, но и различные акценты самой стратегии развития туризма, однако неизменно остаются достаточно высокими для того, чтобы ограничивать количество способных въехать в страну путешественников, в то же время не ставя под угрозу пополнение государственной казны⁵. Никаких квот на количество посещений при этом пока не вводится, хотя разговоры о необходимости их введения идут уже давно [Dorji 2001: 98].

Квоты не вводятся еще и потому, что количество гостей косвенно контролируется государством — в основном через систему ограничений на строительство объектов туристической инфраструктуры, а также через плотное регулирование и постоянный мониторинг их деятельности. Несмотря на то что еще в 1991 г. Бутан приватизировал индустрию гостеприимства и позволил заниматься туристической деятельностью частному бизнесу, она до сих пор жестко контролируется надзорными органами, которые следят за тем, чтобы в погоне за прибылью частными компаниями не была проигнорирована

⁵ В соответствии с информацией, предоставленной Бюро по туризму Бутана, в настоящее время туристический сбор составляет 200–250 долл. США в сутки с человека в зависимости от сезона, при этом путешественники-одиночки должны доплатить еще 40 долл. США за возможность побывать в стране. Туристический пакет, который можно оформить только через уполномоченного оператора, должен быть оплачен прежде, чем туристу будет разрешено вступить на ее территорию [Tourism Policy... 2021: 18].

вторая часть приведенного выше лозунга, а именно «низкий уровень влияния». Важно при этом, что требования и нормы касаются не только принимающей стороны; имеет место и обязательное инструктирование гостей Бутана по поводу того, как следует вести себя на территории страны с учетом религиозных и культурных особенностей ее населения.

Сами принципы при этом сформулированы четко, они подаются внешнему миру с учетом актуальных ныне тенденций устойчивого развития и служат основой для формирования набора конкретных механизмов, необходимых для их реализации в ходе осуществления туристической деятельности. К ним, к примеру, относится ограничение перемещения по стране сетью специально разработанных и заранее утвержденных и согласованных маршрутов, а также обязательное наличие местного гида. Сами туристы, в своей массе в основном разделяющие базовые принципы и философию устойчивого туризма и желающие при этом увидеть «чистый, неиспорченный Бутан», в целом поддерживают стремление правительства сохранить статус-кво, потому серьезных конфликтов по поводу исполнения запретов и предписаний практически не возникает. Уровень сборов также редко вызывает вопросы, ибо ситуация, при которой Бутан может посетить лишь ограниченное количество туристов, дает тем из них, кому это оказывается по карману, ощущение эксклюзивности их собственного опыта.

В то время как немногочисленных, но хорошо подготовленных гостей страны привлекает образ затерянного в Гималаях королевства с идиллическими пейзажами, неиспорченными цивилизацией людьми и сохранившимися древними обрядами, правительство Бутана делает все, чтобы гарантировать им именно то, что они представляют, не забывая при этом и о получении прибыли. Все же, что находится за пределами этого глянцевого образа, в том числе и ситуация с положением национальных меньшинств, остается внутренним делом страны, и ее гости этими аспектами ситуации практически не интересуются. Бутан в результате успешно скрывает от посторонних свою истинную сущность и не подвергает опасности свою настоящую народную культуру, оставаясь точно таким же закрытым и отстраненным от мира государством, как и прежде, и продолжая исполнять при этом свою функ-

цию геополитического буфера. Немаловажно, что интересы его экономического развития в ходе реализации подобной политики также практически не страдают.

Стоит отметить, что список бенефициаров не ограничивается крупным бизнесом, ведь приносимая развитием туризма выгода распределяется среди населения страны достаточно равномерно. С одной стороны, это становится возможным благодаря тому, что работой с туристами занимаются исключительно бутанские компании (даже авиарейсы в Тхимпху, столицу страны, осуществляет лишь местный авиаперевозчик Druk Air). С другой — правительство следит за тем, чтобы местные сообщества, на землях которых развивается, к примеру, экологический туризм, были напрямую вовлечены в процесс оказания услуг и, таким образом, не чувствовали себя обделенными [Tourism Establishment Census... 2021]. В то же время жесткий мониторинг качества этих услуг, а также обязательное лицензирование и обучение местных гидов и сельских предпринимателей гарантирует поддержание образа Бутана как страны, предоставляющей высококлассный, морально обоснованный и в то же время эксклюзивный, качественный продукт. Подобная политика прямого вовлечения местных сообществ в экономические процессы находит живой отклик и в сердцах туристов, что, в свою очередь, обеспечивает высокую степень их удовлетворения от поездки в Бутан и способствует дальнейшему улучшению образа страны на мировом рынке.

Представляется, что, с поправками на разницу в политической и экономической ситуации в Бутане и на Алтае, подобная модель может быть адаптирована и в данном приграничном регионе Российской Федерации. С одной стороны, здесь, как уже было отмечено, наличествуют все необходимые предпосылки для создания схожего по характеру, эксклюзивного предложения для заинтересованного в «цивилизованной экзотике» городского туриста, который, как правило, разделяет базовые положения концепции и императивы устойчивого развития. С другой стороны, на Алтае, как и в Бутане, требуется оградить гостей от проникновения в сущность местных проблем. Звучит немного цинично, однако Алтай можно и нужно превратить в подобный гималайскому «тематический парк по мотивам народной культуры», но сделать это лишь для

того, чтобы сберечь от коммодификации истинное ее содержание. Предоставляя городским туристам тщательно упакованный эрзац, можно оградить оригинал от нежелательного воздействия с их стороны, притом что в этом случае сами они вряд ли распознают подмену и в результате все равно получают удовлетворение от своего путешествия.

В то же время с экономической точки зрения подобный искусственно созданный эксклюзивный туризм может быть довольно прибыльным. Чем выше будет сбор за право посещения региона, чем ограниченнее окажется по этой причине спрос, тем более эксклюзивным, а стало быть, и более ценным окажется опыт соприкосновения с «тайнами русского Тибета» для тех, кто все же решится и сможет себе позволить поехать в отпуск на Алтай. В том же случае, если здесь удастся применить модель организации туризма, предполагающую опору на локальный бизнес и коренное население региона, ее введение скажется благотворно и на материальном положении коренных жителей Алтая, и на их отношении к собственной традиционной культуре [Dorji 2001: 91].

Несмотря на то что два горных региона на периферии Внутренней Азии действительно похожи, между ними существуют и многочисленные различия, не позволяющие проводить прямые аналогии между Алтаем и Бутаном. Не принимая в расчет культурные, исторические и географические особенности каждого из них, следует прежде всего упомянуть о том, что, в отличие от Бутана, являющегося суверенным государством, Алтай — один из субъектов Российской Федерации. По этой причине власти этой небольшой сибирской республики не обладают, к примеру, правом самостоятельно устанавливать порядок въезда на свою территорию или регламентировать правила пребывания здесь российских и иностранных граждан. В вопросе выбора вектора развития или определения приоритетных направлений экономической и социальной политики их права также существенно ограничены.

Не стоит забывать и о политической раздробленности современного алтайского общества, а также о том, что руководство республики не обладает возможностью полностью взять под свой контроль локальные социально-политические процессы. Как было отмечено выше, причиной подобного положе-

ния является растущая вовлеченность местных, родовых по своему характеру социальных структур в работу общероссийских политических механизмов. В свою очередь, это не только открывает доступ в регион разнонаправленным российским силам из-за пределов собственно Алтая, но и предоставляет возможность влиять на важнейшие решения в сфере его дальнейшего развития влиятельным игрокам из-за рубежа. В подобной ситуации важными условиями для проведения реформы туристического сектора по бутанскому образцу являются обеспечение большей политической и административной автономности республики и одновременное усиление ее интеграции в единое административное, политическое и правовое поле страны.

Кажущееся противоречие этих двух задач преодолевается в том случае, когда автономность оказывается инициированной и обеспеченной всеми необходимыми для ее поддержания ресурсами сверху, а не достигается в результате борьбы снизу. Как известно, лишь в том случае, если инициатива строительства барьеров исходит от региональной власти, оно приобретает черты, свойственные сепаратизму, и по этой причине представляет угрозу целостности государства. В том же случае, когда инициатором особого режима для региона выступает сама центральная власть, это воспринимается как проявление заботы о безопасности страны. В свою очередь, это предполагает, что движение к автономности также должно черпать силу не в центробежных, а в центростремительных процессах, а его целью и результатом являются интенсификация и укрепление связей с федеральным центром при одновременном достижении большей независимости от локального окружения и формируемой им конъюнктуры.

Решение, иными словами, заключается в том, что политические и экономические процессы, протекающие в настоящее время на Алтае, должны быть напрямую управляемы и направляемы из центра. Это предоставит республике защиту и от самостоятельных действий крупных финансово-промышленных группировок из-за ее пределов, и от политического и экономического давления соседних краев и областей. Последнее, следует напомнить, обладают значительно большими финансовыми и политическими возможностями, чем этот небольшой, дотационный регион. С одной стороны, подобным

образом федеральное правительство зафиксировало особое геополитическое значение Алтая, которое, как было показано на страницах данной работы, существенно превосходит его экономический или демографический потенциал. С другой — этим оно гарантирует и то, что стратегические интересы страны не окажутся в заложниках у сил, которым они в лучшем случае безразличны, в худшем же откровенно чужды.

В принципе в предлагаемом здесь введении прямого управления нет ничего принципиально нового для самого региона, ведь территории нынешней Республики Алтай и соседнего с ней Алтайского края на протяжении почти трех веков, с 1747 по 1917 г. находились в составе так называемых Кабинетских земель. Другими словами, они были выведены из подчинения каких-либо региональных административных центров и управлялись напрямую из Санкт-Петербурга. Важно подчеркнуть, что в результате проводимой в те годы государством политики Горный Алтай практически до конца XIX в. оставался закрытым для общих сибирских процессов переселения и экономического развития [Мукаева 2014: 111]. Это было обусловлено тем, что, с одной стороны, «кабинетская» политика вообще не предусматривала его промышленного и сырьевого освоения; с другой же — «Горное Правление хотело оградить алтайских кочевников от вторжения в их стойбища русских промысловиков» [там же: 47].

Конечно же, в наше время речь не идет о полноценном возврате концепции «Кабинетских земель его величества», пусть и в новой терминологической оболочке, более приличествующей актуальному политическому жаргону. Однако определенная аналогия с дореволюционным политическим устройством края все же напрашивается. С одной стороны, вариант, при котором центральное правительство в своих решениях руководствуется соображениями государственной безопасности, а не сиюминутными вопросами извлечения прибыли, как это имеет место в случае освоения территории частным капиталом, выглядит более предпочтительным, учитывая возросшую геополитическую роль региона. С другой — как никогда актуально звучит напоминание о том, что в дореволюционное время «принципиальная позиция Российского государства в отношении нерусского населения Алтая строилась на том,

чтобы свести к минимуму разрушающее воздействие российской цивилизации на традиционный образ жизни коренных народов, систему хозяйствования и землепользования» [там же: 21]. Во многом именно в результате реализации подобной политики, напомним, и была обеспечена мирная интеграция всего Алтая в состав России. Его границы оказались под надежной защитой местного населения, при этом заповедность края также не была нарушена.

Безусловно, в наши дни Республика Алтай не обладает каким-либо специальным промышленным потенциалом, который оправдал бы ее выделение в особую *экономическую* зону, как это произошло с Алтайским регионом в XVIII в. Кроме того, как было неоднократно отмечено на страницах данной работы, ей сейчас требуется не столько ускоренное хозяйственное развитие, сколько защита от него. Связано это с тем, что практика навязывания коренному населению чуждых экономических и социальных моделей входит в непримиримое противоречие с имманентной ему системой ценностей, и силы, кровно заинтересованные в их претворении в жизнь, могут таким образом поставить под угрозу геополитический баланс в центре континента. Их активная деятельность по эксплуатации природных и человеческих ресурсов региона способна окончательно маргинализировать местное население и настроить его против политики центра в целом. В свою очередь, это будет означать утрату социальной стабильности и эрозию лояльности в этом чувствительном приграничном регионе, что в конечном счете еще больше истощит его внешнеполитический потенциал.

В этих условиях требуется политическое оформление для такой модели освоения территории, при которой *развитие* достигается не благодаря инвестициям в рост ее регионального валового продукта, а при всемерной поддержке процессов актуализации изначально присущего ей духовного потенциала и беспрепятственного хода реализации ее геостратегической миссии. Это, в свою очередь, становится возможным лишь при условии плотного контроля и пристального внимания к запросам и проблемам региона со стороны центральных властей. Принимая участие в государственном строительстве и получая соответствующее вознаграждение за исполнение

этой важной миссии, коренное население региона сможет одновременно пестовать свою идентичность, которая любым региональным властям и тем более коммерческим структурам обычно видится лишь как досадная помеха. Именно для реализации подобной модели развития и требуется инициированная сверху трансформация приграничного субъекта федерации в управляемый напрямую из центра район с особым статусом, наподобие того, каким обладали уже упомянутые «Кабинетские земли», а также проистекающим из этого регламентированным режимом посещения и пребывания.

Следует при этом понимать, что ограничение доступа населения к столь значительной по масштабу территории может быть воспринято населением России крайне негативно, тем более что Алтай действительно является общенациональным достоянием. Как представляется, формальным поводом для введения здесь режима регламентированного посещения должна стать защита природы. Цель в общественном представлении оправданная в любой ситуации, в условиях же Алтая и вовсе приобретающая особое звучание. Как уже отмечалось, это связано с тем хрестоматийным образом заповедного резервата Евразии, который уже давно сложился в обществе в отношении этой небольшой горной страны и по поводу которого у различных групп населения страны наблюдается консенсус. При этом общественным мнением не отрицается и то, что над этим действительно уникальным природным комплексом в настоящее время нависла серьезная экологическая угроза, связанная в том числе и с его промышленным освоением, а также с бесконтрольным развитием здесь туризма⁶. В этой ситуации грамотно обоснованное введение каких-либо запретов на посещение региона и регламен-

⁶ «Важными экологическими рисками для экосистем Республики Алтай являются: нерегулируемый туризм, проблема сплошной застройки берегов рек, отсутствие планирования туристической отрасли, загрязнение почв, перевыпас пастбищ из-за увеличения количества скота и нерегулируемого выпаса, россыпная золотодобыча, мусор (несанкционированные свалки, отсутствие переработки или раздельного сбора отходов, мест сбора мусора на больших территориях), незаконные рубки леса, включая рубки в орехово-промысловых зонах, заготовка краснокнижных растений, разрушение са-кральных мест, имеющих духовную, историческую и культурную ценность для местного населения» [Экоактивисты и общественники... 2020].

тация порядка такого посещения со стороны центральных властей могут вызвать у людей лишь чувство досады и сожаления, но никак не противодействие.

При реализации данного сценария целесообразно будет взять на вооружение методы, обычно используемые защитниками окружающей среды, причем как в части налаживания отношений с общественностью, так и при работе со средствами массовой информации. Их завидная способность формировать общественное мнение, а также технологии его дальнейшего использования в собственных целях заслуживают самого пристального внимания. Ни для кого не секрет, что экологические активисты обладают по-настоящему действенными инструментами, позволяющими им эффективно продвигать свою повестку, убеждать в своей правоте и в результате достигать желаемых ими результатов. При этом защитники окружающей среды не только успешно отстаивают свои интересы на уровне лиц, принимающих решения, или проводят мощные рекламные кампании в прессе. Неменьшего успеха достигают они и в образовательной сфере, предоставляя тщательно проработанные, хорошо оформленные и элегантно подаваемые теоретические концепции и практические решения, которые, с одной стороны, характеризуются глубокой научной проработкой, с другой же — обладают значительным эмоциональным воздействием.

В том, что касается конкретной юридической формы реализации на Алтае бутанской модели, предполагающей постепенное превращение региона в особую зону с регламентированным порядком посещения и специальным кодексом поведения, следует обратить внимание на уже закрепленное в законодательстве понятие «особо охраняемые природные территории» (ООПТ). Закон определяет их как «участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны» [Федеральный закон... 1995]. При этом в преамбуле этого документа особо

подчеркивается, что такие «особо охраняемые природные территории относятся к объектам общенационального достояния» [там же]. Немаловажно и то, каким образом официальные органы трактуют необходимость их создания: «Это позволяет защитить эти земли от застройки отелями, гостиницами, спортивными сооружениями и т.п.» [Что такое особо охраняемые природные территории... 2018].

Аналогичным образом, в случае принятия на вооружение стратегии развития устойчивого, регламентированного туризма, которая предполагает ограничение количества посетителей и контроль государства над инвестициями в индустрию гостеприимства, можно говорить о превращении всего Алтая или по крайней мере его значительной части в «особо охраняемую *культурную* территорию» (ООКТ). Именно такой подход, как представляется, позволит предотвратить дальнейшую апроприацию народной культуры, обеспечит ее естественное и поступательное развитие, а также гарантирует сохранение традиционного образа жизни проживающих здесь народов. При этом с точки зрения законодательной практики термин «особо охраняемая природная территория» (ООПТ) можно будет временно сохранить, вложив в него, однако, несколько иное содержание. Алтай в этом случае станет экспериментальной площадкой, на которой будет опробована такая политика государственной защиты народной культуры, при которой законодательно запрещена любая деятельность по ее эксплуатации в коммерческих целях.

С одной стороны, положение приграничного региона и фрагментарность транспортной инфраструктуры гарантируют относительную простоту обеспечения здесь режима регламентированного посещения. С другой — и представители местной интеллигенции, и простые алтайцы давно выступают с подобными инициативами, а значит, их поддержка такой инициативы будет гарантирована [Экология и культура... 2009: 139]. Наличие же многочисленных природных достопримечательностей и большого количества археологических памятников на территории республики может быть использовано в качестве удобного предлога для того, чтобы объявить те или иные ее районы заповедными и по этой причине требующими введения особого режима посещения. В этом случае к ним, как и

в отношении «настоящих» территорий ограниченного *природо*-пользования, будет в соответствии с законом применяться набор разрешительных и запретительных законов и правил.

По той причине, что примеров создания в России особо охраняемых *культурных* территорий с регламентированным режимом посещения не существует, требуется изучение опыта создания и работы функционирующих в настоящее время на Алтае особо охраняемых *природных* территорий, включая природные парки, заповедники, заказники и др. Наибольший интерес в связи с этим представляют внесенные в 1998 г. в состав Списка всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая». Дело не только в том, что этот уникальный объект уже в течение нескольких десятилетий находится под патронажем и защитой авторитетной международной организации, а в его функционировании применяются самые передовые технологии и методы природоохранной деятельности. Не менее важным является то, что те организационные формы, в рамках которых реализуется эта деятельность, а также стратегии вовлечения в дело защиты природы местного населения сильно разнятся в единых лишь с точки зрения ЮНЕСКО, а на самом деле сохраняющих свою автономность частях «Золотых гор Алтая».

Как известно, этот объект из Списка всемирного природного наследия состоит из трех отдельных особо охраняемых природных территорий: 1) «классического», т.е. созданного по инициативе государства и при этом практически закрытого для коренного населения Алтайского заповедника, который расположен в восточной части республики; 2) более «современного», функционирующего в тесном взаимодействии с местным населением Катунского биосферного заповедника, находящегося на западе региона; 3) так называемой «Зоны покоя Укок», с 2015 г. являющейся природным парком и расположенной в южной части Алтая, на границе с Казахстаном, Монголией и Китаем [Золотые горы Алтая... 2020].

Алтайский государственный природный биосферный заповедник, под защитой которого в настоящее время находятся уникальные природные комплексы, примыкающие к границе Алтая с Хакасией и Тувой, был основан в 1932 г., почти столетие назад. Тезис о том, что при создании этой особо охраняе-

мой территории, занимающей ныне почти десять процентов территории республики, государство преследовало благие цели, местными жителями, как правило, не оспаривается [ПМА 2020]. Однако тот факт, что в конечном счете многие из них утратили родовые земли и возможность вести традиционный образ жизни, до сих пор является источником напряжения в отношениях коренного населения и дирекции заповедника. С одной стороны, работники природоохранной сферы, проявляя искреннюю заботу о сохранении природного многообразия региона, справедливо опасаются, что смягчение режима доступа, а также послабление ограничений на охоту, вылов рыбы или собирательство приведет к серьезным негативным последствиям для окружающей среды [Панфило 2020]. С другой — с точки зрения отдельных представителей местного населения, работники заповедника являются «оккупантами», насильственно изолирующими коренных жителей от традиционной среды их обитания и превращающими их самих в гостей в собственном доме.

Несмотря на то что стороны обычно не склонны прислушиваться к аргументам и озабоченности друг друга, в продолжающемся уже многие годы противостоянии случаются и компромиссы. К таковым, к примеру, относится реализуемая ныне программа «территория сотрудничества»; активно работает и Совет Телецкого озера, в который входят в том числе и представители коренного населения [Щигрева 2012: 12]. Определенные подвижки наблюдаются и в организации просветительской деятельности заповедника, в частности в том, что касается работы со школьниками.

Особого упоминания заслуживает ситуация, сложившаяся в с. Яйлю, являющемся единственным, наряду с с. Беле, населенным пунктом на территории заповедника. В ходе поиска компромисса в вопросе управления заповедной территорией здесь «на заседании Общественного совета были сформулированы и обсуждены предложения по ее обустройству, которые учитывали интересы как заповедника, так и местных жителей» [там же: 28]. В результате «произошла интеграция общественного мнения в систему управления поселком наравне с администрацией заповедной территории» [Акимова 2015: 73]. Как итог, вновь стали возможными посещения Алтайского за-

поведника туристами, хотя они и до сих пор носят строго регламентированный характер. Гости, к примеру, могут проживать лишь на территории специальных «зеленых домов» или ставить палатки на приусадебных участках местных жителей, однако установка палаток в других местах запрещена, при этом все посетители должны быть зарегистрированы администрацией заповедника. Возможны также экскурсии, но лишь при условии сопровождения туристов прошедшими обучение в заповеднике местными жителями⁷.

Несмотря на определенные подвижки, Алтайский государственный заповедник, однако, до сих пор воспринимается местными жителями как территория, изъятая у них государством. Интересно, что обоснование необходимости этого изъятия заботой о сохранении биологического разнообразия планеты зачастую лишь усиливает эффект отторжения с их стороны. Связано это с тем, что подобным образом власти косвенно дают понять, что сами люди не обладают навыками охраны собственного «дома» и непременно повредят его в том случае, если им вновь будет позволено туда «вернуться».

Принципиальная позиция и фактическая деятельность сотрудников еще одного входящего в «Золотые горы Алтая» заповедника, Катунского биосферного, созданного в 1991 г. на территории Усть-Коксинского района Республики Алтай и призванного сохранить природные комплексы верховий р. Катунь, являют собой резкий контраст с подобной практикой и уже по этой причине заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь реализуются основные положения Севильской концепции, определяющей цели и задачи биосферных резерватов. Согласно ее положениям, последние «рассматриваются прежде всего как территории, предназначенные для разработки и апробирования моделей экологически сбалансированного развития, адекватных местным условиям и культурным традициям» [Кулешова 2005: 527]. При этом особо подчеркивается, что данный подход гарантирует, что «они не только станут средством, позволяющим населению, живущему в этих районах или вблизи них, развиваться в равновесии с природной средой, но и будут способствовать удовлетворению потребно-

⁷ Подробнее с правилами можно ознакомиться на сайте с. Яйлю <https://zapovedselo.ru/content/pravila-poseshcheniya>

стей общества в целом» [Севильская стратегия... 2000: 9]. Несложно заметить, что акцент делается не на взаимном отчуждении людей и земли, на которой те издревле проживают, а на налаживании взаимоотношений между человеком и природой таким образом, чтобы это соответствовало целям устойчивого развития территории в целом и при этом было одинаково выгодно «всем участникам».

Это подразумевает, с одной стороны, строгое ограничение потребления природных ресурсов и полное недопущение их варварской эксплуатации. С другой же – реализацию образовательных и просветительских программ, призванных разъяснить смысл и важность природоохранной деятельности представителям коренного населения, для того чтобы обеспечить их активное и заинтересованное участие в деятельности биосферного резервата. Существенное внимание при этом уделяется сохранению и поддержке традиционного образа жизни коренных жителей, а также популяризации их уникальных знаний и навыков. Не секрет, что им намного чаще, чем думают чиновники, отвечающие за природоохранную деятельность, бывает присуще экологическое самосознание, которое оказывается утраченным лишь при соприкосновении с современной техногенной цивилизацией, ориентированной на рост производства и потребления.

Несложно заметить, что характер и степень вовлеченности коренных жителей в процессы природоохранной деятельности при взаимодействии с представителями «классического» заповедника и работниками биосферного резервата принципиально разнятся. Если в первом случае уместно говорить о навязанном государством противопоставлении человека и природы, то во втором акцент делается на их гармоничном взаимодействии. Несмотря на то что коренные жители Усть-Коксинского района, алтайцы и русские староверы, поначалу восприняли создание на своей земле очередной территории ограниченного природопользования с изрядной долей недоверия и в целом настороженно, активная и целенаправленная работа руководства и сотрудников заповедника с населением сыграла в результате свою положительную роль. Благодаря тщательно соблюдаемому балансу между охраной природных объектов и охраной традиционной культуры им в конце кон-

цов удалось заинтересовать коренных жителей в природоохранной деятельности.

Более того, сам заповедник превратился в значимый центр для всего местного сообщества, ведь во многом именно благодаря его общественной и хозяйственной деятельности местные жители чувствуют себя частью значительно большего сообщества, чем их родной район или даже Республика Алтай в целом. Связано это с тем, что любой биосферный резерват, призванный, как уже было отмечено, охранять не только природные, но и культурные ландшафты, в состоянии превратиться в самостоятельный общественный институт, принимающий на себя ответственность за благополучие населяющих заповедную природную территорию и непосредственно прилегающие к ней районы сообществ. В труднодоступных и удаленных районах страны это иногда приводит к тому, что заповедник берет на себя роль государства, полностью или частично реализуя вместо него социальную, идеологическую, воспитательную, охранную, экономическую, а иногда и внешнеполитическую функцию.

Именно это и случилось в приграничной Усть-Коксе, где Катунский заповедник взял на себя заботу в том числе и о социальном развитии района, а также о повышении материального благосостояния его жителей. С одной стороны, программа беспроцентных микрокредитов на строительство «зеленых домов» и экологически чистых локальных производств, которой он привлекает коренных жителей, помогает поддерживать на плаву экономику отдельных домохозяйств, с другой же — заповедник предоставляет местным жителям рабочие места. При этом деятельность таких общественных объединений, как «Клуб друзей Всемирного Фонда дикой природы и Катунского заповедника», выпуск иллюстрированного журнала «Хранители Большого Алтая» с материалами, посвященными традиционной культуре народов республики [Сопо 2020: 74-75], а также запуск программы поощрения местных ремесел означают, что заповедник берет на себя реализацию воспитательной и просветительской функции государства. В то же время активное трансграничное сотрудничество Катунского биосферного заповедника с партнерами из Катон-Карагайского государственного национального парка Казах-

стана, а также с монгольскими и китайскими природоохранными службами означает, что ему не чужда и внешнеполитическая функция.

Интересно, что все вышеупомянутые функции государства, исполнение которых в Усть-Коксинском районе частично берет на себя заповедник, реализуются им через поощрение инициативы граждан и терпеливое разъяснение совместной выгоды от природоохранной деятельности. Чем-то эта работа напоминает деятельность Алтайской духовной миссии в XIX–XX вв., с той лишь разницей, что та проповедь устойчивого развития и гармонии с окружающей средой, которую несут в народ современные экологи, оказывается намного созвучнее алтайским сердцам, чем та, с которой приходила к ним Русская православная церковь. Связано это с тем, что, как уже неоднократно подчеркивалось, природа была и остается для коренных жителей Алтая священной, и в этом смысле деятельность биосферного заповедника входит в резонанс с их собственными представлениями о мире, Боге и человеке. В этой ситуации не выглядит неожиданным и то, что, согласно данным опроса, проведенного самими сотрудниками Катунского заповедника, уровень одобрения их деятельности среди местного населения за последние годы вырос с 19 до 90% [ПМА 2020]. Несмотря на то что данные эти сугубо внутренние и по этой причине вызывают некоторое сомнение, отсутствие конфликтов, подобных тем, что характеризуют ситуацию, складывающуюся в Алтайском заповеднике, заметно невооруженным глазом.

Тем удивительнее, что в частных беседах сами сотрудники Катунского заповедника утверждают, что периодически все-таки испытывают чувство вины перед коренным населением этих мест. Вины, как они поясняют, за то, что «отняли у местных жителей их родовые земли» [ПМА 2020]. Вины, хотелось бы добавить, еще и за то, что таким образом они приучают местных жителей жить в соответствии с нормами и правилами, сформулированными и насаждаемыми, пусть и не столь жестко, как в случае с Алтайским заповедником, людьми, прямого отношения к Алтаю все-таки не имеющими. Все дело в том, что, несмотря на то что коренное население Усть-Коксинского района оказывается вовлеченным в природоохранную деятельность, получает возможность сохранить свою культуру

и традиционный образ жизни и при этом обеспечивается средствами к существованию, благодаря в том числе деятельности заповедника, инициатором изъятия земель из хозяйственного оборота и введения здесь заповедного режима все так же выступает государство. Работниками Катунского заповедника интересы коренных жителей принимаются в расчет в гораздо большей мере, чем это имеет место в случае с Алтайским заповедником, и здесь не происходит полного отчуждения земли от человека. Несмотря на это, говорить об активной или тем более о решающей роли местного населения здесь все-таки также преждевременно.

При этом с точки зрения обеспечения национальной безопасности в приграничном регионе немаловажным оказывается и то, что в результате вхождения заповедника в систему биосферных резерватов ЮНЕСКО местные жители становятся заложниками еще и глобальной конъюнктуры. Правила игры и ценностные ориентиры для них начинают определять силы и игроки, с их собственным государством напрямую не связанные и при этом расположенные далеко за пределами страны [Акимова 2015: 76]. Это приводит к тому, что программы развития для приграничных регионов России, доноров для поддержки которых предоставляют международные структуры, пишутся, утверждаются, финансируются и контролируются правительствами тех стран, на территории которых находятся штаб-квартиры этих структур и этих доноров. И это притом, что программы эти, как уже было отмечено выше, на местах частично замещают собой государство. Это не может не вызывать озабоченности.

Немаловажно и то, что дирекция заповедника во многом по той причине, что «в территорию заповедника при его создании были включены значимые рекреационные объекты» [Стратегия развития... 2009: 6], а бывает и по собственной инициативе в последние годы также начинает активно развивать на своей территории туризм. В свою очередь, все возрастающее число посетителей, отправляющихся, к примеру, к Мультинским озерам или к подножию горы Белуха, вызывает недоумение у местного населения. Они справедливо задаются вопросом, почему коренным жителям Алтая делать этого нельзя под предлогом того, что подобные посещения не способствуют

сохранению природы, а туристам, если у них есть для этого соответствующие финансовые ресурсы, можно.

В том случае если руководство Катунского заповедника решит обратиться к опыту работы национального парка Канас в Китае, о котором уже упоминалось на страницах данной работы, и обратит внимание на этнокультурный туризм, ситуация и вовсе может стать по-настоящему тревожной. При реализации подобного сценария местные жители могут в результате осознать, что вся «забота» о сохранности их традиционной культуры по сути своей являлась лишь ее «предпродажной подготовкой». В свою очередь, это приведет либо к глухому противоборству с сотрудниками заповедника, либо и вовсе к открытому противостоянию. История находящегося неподалеку от Усть-Коксы дома-музея Н.К. Рериха в с. Верх-Уймон, с сотрудниками которого местные староверы уже давно находятся в состоянии своеобразной «холодной войны», хорошее тому подтверждение.

В конечном счете приходится констатировать, что ни вариант с патронажем международной организации, ни вариант с жестким государственным регулированием не являются подходящими для организации особо охраняемой культурной территории на Алтае. С одной стороны, жесткий контроль и негибкость во взаимоотношениях с местным населением, которыми характеризуются «классические» государственные заповедники и которые оказываются лишь частично компенсированными при более гибкой политике биосферных заповедников с международным участием, могут привести к нежелательным последствиям в этих отношениях. Как было показано, однако, именно их лояльность, а также сохранность их традиционной системы ценностей и образа жизни во многом обеспечивают функционирование той буферной зоны в местах соприкосновения государственных границ и культурно-цивилизационных ареалов, которая необходима для обеспечения геополитической стабильности.

В случае же непосредственного вовлечения в процесс создания и функционирования заповедных территорий крупных международных организаций опасность подвергается безопасности страны. Критичным в этих условиях оказывается не только рост прямого и опосредованного влияния зарубежных

акторов на умы и настроения коренных жителей, но и ситуация, при которой наблюдается фактическое присутствие их представителей в чувствительных приграничных регионах. В связи с тем, что подобное присутствие может принимать различные формы, стоит помнить о том, что Алтай — это не только культурный и духовный резерват континентального масштаба, но и важнейший геополитический узел и чувствительная приграничная территория для самой России. Присутствие представителей международных организаций, а также финансирование природоохранной деятельности иностранными фондами на его территории могут предоставить им доступ к стратегически важной информации и привести к излишней интернационализации процесса управления этим важным приграничным регионом.

В составе «Золотых гор Алтая» присутствует, однако, и такая заповедная территория, которая была создана если не вопреки, то по крайней мере однозначно не по инициативе государства. Речь идет о «Зоне покоя Укок», расположенной в самом южном, Кош-Агачском районе Республики Алтай, в непосредственной близости от границ Казахстана, Монголии и Китая. Алтарь Евразии, как иногда еще поэтически называют давнее название этой особо охраняемой природной территории (ООПТ) плато Укок, вплоть до начала XX в. представлял собой белое пятно на карте Евразии. При этом имеются доказательства, что кочевым народам древности были хорошо известны как тропы, проходившие по его территории, так и расположенные здесь плодородные пастбища. Подобное сочетание насыщенной древней истории и современной труднодоступности, вызванной скорее не географическими, а геополитическими причинами⁸, привело к тому, что Укок уже со второй половины XX в. превратился в Мекку для археологов. Связано это было с тем, что многие памятники, оставленные здесь носителями древних культур, оказались практически не потревоженными в современную эпоху. В результате именно здесь, к примеру, в 1993 г. новосибирскими археологами Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным было обнаружено отлично сохранившееся захоронение женщины, кото-

⁸ В этом районе долгое время сходились границы России и Китая.

рую сами ученые отнесли к пазырыкской культуре [Феномен алтайских мумий... 2000].

Это открытие произвело в свое время сенсацию в научном мире. Стучилось, однако, так, что популярность «Алтайской принцессы», как вскоре стали называть мумифицированное тело с плато Укок журналисты, или Ак Кадын (Белая Госпожа), как его предпочли окрестить сами местные жители, довольно быстро перешагнула и границы Алтая, и границы археологии, и границы академической науки в целом. Как подчеркивают исследователи, это было вызвано тем, что «Ак Кадын „попадает в точку“ — ее раскапывают в момент всплеска национального самосознания алтайцев, на пике их протестного акционизма против археологических раскопок» [Доронин 2016: 95]. В результате «принцесса Укока» становится популярным персонажем «нюслора», превращается в предмет политических спекуляций и интриг, а также пробуждает интерес к отдаленному приграничному региону как в самой России, так и далеко за ее пределами [Филимонов 2004].

В свою очередь, нешуточный общественный резонанс, спровоцированный этой запутанной историей на границе науки и политики, способствовал успеху деятельности экологических активистов из-за пределов Республики Алтай. По их инициативе в 1994 г. на Укоке создается природный резерват, которому уже через год присваивается особый статус. Спустя всего несколько лет, в 1998 г., «Зона покоя» и вовсе входит в состав объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая». В свою очередь, авторитет этой организации способствует тому, что планы строительства через территорию приграничного плато магистрального газопровода в Китай так и остаются планами вплоть до настоящего времени. Угроза попадания «Зоны покоя Укок» в «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой», регулярно обновляемый ЮНЕСКО, а также связанная с этим потеря лица для страны действует отрезвляюще даже на самые горячие головы.

Деятельное участие влиятельной международной организации приводит и к тому, что коренные жители Алтая начинают воспринимать создание еще одной заповедной территории на своих землях более благожелательно. Существенным здесь оказывается даже не само это участие, а то, что инициа-

торами изъятия земель из хозяйственного оборота являются не представители властей, а сами граждане страны, которым для этого даже приходится действовать вопреки государству или, точнее, отдельным силам, умело под него мимикрирующим. В связи с этим стоит напомнить, что в случае с Алтайским заповедником схожие действия по введению заповедного режима вызывают у местных жителей в основном раздражение, недоумение и обиду. Ситуация не вызывает такой тревоги лишь в Катунском заповеднике благодаря грамотной тактике вовлечения местных жителей в природоохранную деятельность и терпеливому разъяснению им ее истинных целей и задач. Однако и это не решает проблему окончательно. В ситуации же, когда государство оказывается, как на Укоке, *втянутым* в природоохранную деятельность и даже на определенном этапе выступает против ее осуществления, решение проблемы заинтересованности коренных жителей оказывается снятым с повестки дня полностью. Они начинают рассматривать охрану природы как важную составную часть своей собственной жизни. Речь здесь уже скорее идет о том, как лучше направить их энергию в мирное русло, для того чтобы не нарушить тонкий баланс между необходимостью поступательного развития страны и насущными задачами, связанными с сохранением биоразнообразия планеты.

Стоит отдельно сказать и о том, что в случае, когда инициатива создания заповедной территории исходит от представителей других регионов, как это произошло с тем же Укоком, у коренного населения все же остаются сомнения по поводу искренности намерений инициаторов данного процесса. Иногда они даже интерпретируют их смелые экологические инициативы как желание чужаков приватизировать их родовые земли еще под одним благовидным предлогом. Более того, в отличие от ситуации, когда с подобной инициативой выступает государство или международная организация, здесь возникает еще и вопрос легитимности. Все дело в том, что в последнее время на Алтае, как грибы после дождя, множатся охраняемые территории, создаваемые в интересах той или иной крупной организации или даже группы влиятельных частных лиц. Некоторые из них, и это тоже не секрет, интересуются получением заповедного статуса лишь для того, чтобы

обеспечить себе таким образом эксклюзивный доступ к ценным рекреационным ресурсам.

Удивительно, но подозрений в личной заинтересованности не удастся избежать даже *местным* жителям, которые иногда также выступают с природоохранными инициативами. Одним из таких активистов является алтаец Данил Мамыев, чья общественная деятельность наглядно демонстрирует все плюсы и минусы подхода, при котором особо охраняемые природные территории создаются по инициативе снизу, а не навязываются государством или международными организациями сверху. Геолог по профессии и общественный деятель по призванию, Мамыев долгое время жил в Узбекистане и вернулся в родную республику лишь в начале 90-х годов прошлого века. Большой патриот Алтая, он искренне убежден, что тот «обладает особым значением в планетарном масштабе» [Мамыев 2003: 33], при этом он также уверен, что расположенная в центральной части республики родная ему Каракольская долина является «сакральным центром глобального значения». К таким выводам его подталкивает не только присущая многим коренным алтайцам деификация родной земли, но и внушительный профессиональный опыт. Мамыев утверждает, что дольмены и менгиры, которыми усеяна территория долины, являются своего рода магнитной аномалией, и на основании этого делает предположение, что их сооружение было попыткой древних создать на алтайской земле своеобразный «центр приема и обработки космической информации». Именно она, в свою очередь, послужила основой для формирования традиционной алтайской культуры, охране и пропаганде которой Мамыев и посвятил большую часть своей жизни, справедливо считая ее особенно востребованной в эпоху, как он выражается, «господства технократической цивилизации».

Будучи убежденным в том, что сакральное знание, которым, как он утверждает, пропитана Каракольская долина, является достоянием человечества и любые попытки приватизировать его порочны, Мамыев выбрал такой план действий, который позволял бы ему не только оградить саму долину от интенсивной эксплуатации, но и одновременно сделать это самое знание доступным для посторонних. Доступным, следует оговориться, лишь при соблюдении гостями разработанного им

самим особого «Кодекса туриста» [Экология и культура... 2009: 140]. Как настаивает Данил, все посещения здесь должны быть строго регламентированы и осуществляться лишь в сопровождении местных гидов, предварительно прошедших специальное обучение. Механизмом же практического осуществления своего видения идеальной модели взаимодействия человека, природы и знания, которую сам он называет «ноосферным туризмом», становится как раз создание особо охраняемой природной территории. Важно подчеркнуть, что в случае с Каракольской долиной под охрану берутся не только и не столько природные объекты, сколько некое абстрактно понимаемое традиционное знание, которое, как утверждает Мамыев, они и содержат. Несложно заметить, что подобный подход оказывается очень близок к бутанскому.

В результате в 2001 г. специальным решением Правительства Республики Алтай на территории Каракольской долины был образован Природный парк Уч-Энмек, который до сих пор остается первой и единственной заповедной территорией подобного рода, созданной исключительно по инициативе местных жителей. Этот факт, кстати, не только сильно повлиял на задачи, цели и режим его функционирования, но и в какой-то мере определил его дальнейшую судьбу. Местные и республиканские власти, на подконтрольной территории которых был подобным образом создан новый, по своей сути «народный» заповедник, отнеслись к его появлению без особого энтузиазма. Вместо необходимой ему поддержки они принялись всячески препятствовать его работе, одновременно требуя, чтобы тот стал коммерчески прибыльным. В то же время местные жители, земли которых оказались под фактическим управлением их же односельчанина, также восприняли многие его инициативы в штыки. Их требования и возражения, однако, были прямо противоположны тем, что предъявляло Мамыеву государство. Они полагали, что в том случае, если Каракольская долина, как утверждается, действительно является священной, ее посещение туристами должно быть запрещено полностью.

Оказавшись между молотом и наковальней, Мамыев сделал ставку на просветительскую работу. В частности, на базе нескольких учебных заведений Каракольской долины им было создано «Партнерство школ», для которого он даже подготовил

и издал оригинальные учебные пособия. Тем временем слава об экологическом активисте, представителе коренного населения Алтая, добившемся создания заповедника с целью достижения единства человека и природы на основе традиционных знаний, распространилась по всей стране, и в Уч-Энмек зачастили многочисленные туристы. Проблема оказалась в том, что только определенная часть из них была согласна следовать правилам, которые установил в пределах природного парка его создатель, и лишь незначительная часть из оставшихся всерьез интересовалась древней культурой алтайцев. Большинство же оказалось так называемыми дикими туристами, охочими до экзотики и необычных фотокадров. Их появление не только не способствовало росту поступлений в местный бюджет, но и в конечном счете окончательно истощило терпение местных жителей, которые стали все чаще обвинять Мамыева в том, что именно он является и причиной, и бенефициаром всего этого нашествия непрошенных гостей.

Сам же Данил не собирался останавливаться на достигнутом. Вместо этого он раз за разом предпринимал попытки выхода уже на международную арену. Успеху его усилий способствовали и завязавшиеся у него дружеские отношения с представителями коренного населения Северной Америки, и действенная помощь ряда зарубежных фондов и общественных организаций⁹. Он стал частым гостем на международных конференциях, представляя там интересы всего алтайского народа, и делать от его имени достаточно смелые заявления. Между тем то, что еще в начале века не считалось предосудительным, спустя десятилетие сыграло с ним злую шутку. Государство в лице правоохранительных органов ожидаемо обратило внимание на резко возросшую международную активность алтайского экологического активиста, и Мамыев тут же попал в опалу [Общественники... 2016]. Под давлением властей ему в конечном счете пришлось сложить с себя и полномочия депутата местного совета, и руководство созданным им природным парком.

⁹ К примеру, Фонд Кристенсена выступил спонсором Церемоний огня, которые проходили на территории парка с 2011 по 2014 г., их посещали активисты, журналисты и ученые не только из других регионов России, но и из-за рубежа.

В результате он вернулся к тому, с чего, собственно, и начиналась его деятельность, — к просветительской работе. В этот раз уже в рамках созданного им в 2017 г. этнокультурного образовательного центра «Арусвати», который, по сути, стал правопреемником закрытой ранее по решению властей «Школы экологии души Тенгри». Новая организация была, по словам ее создателя, призвана «моделировать принципы и критерии устойчивого развития священной земли как единого природно-социокультурного пространства в современных условиях» [Мамыев 2020: 36]. Несмотря на то что даже подготовленные им учебники были изъяты из школьных библиотек, Мамыев и в наше время продолжает заниматься образовательной деятельностью на территории парка и в родном для него Онгудайском районе, а также выступает на научных и общественных конференциях, таким образом окончательно перейдя от практической деятельности по охране традиционной культуры к теоретическому осмыслению возможных ее стратегий.

Анализируя историю Уч-Энмека и биографию его создателя, можно сделать вывод, что этот заслуживающий самого пристального внимания эксперимент по созданию заповедной территории по инициативе снизу, когда традиционная культура оказывается под охраной самих представителей коренного народа, закончился в целом неудачно. Во-первых, неудачно с идеологической точки зрения. Искушение туристическим рублем оказалось слишком сильно, и то самое сакральное знание, о котором Д. Мамыев первоначально говорил как о принадлежащем всем и сразу, в конце концов оказалось выставленным им самим на продажу. Во-вторых, неудачно с организационной точки зрения. Приходится констатировать, что государство так и не признало за своими гражданами права изымать из хозяйственного оборота те или иные земли по собственной инициативе и в конечном счете поставило активистов на место.

На самом деле нынешняя ситуация в Каракольской долине, при которой фактическое управление заповедником сосредоточено в руках властей, а общественный активист и теоретик сохранения традиционной культуры Д. Мамыев занимается просветительской деятельностью, лучше всего сочетается с его же собственным представлением о том, каковой должна быть

судьба сакрального знания. Несмотря на то что, как утверждает Данил, оно должно быть неразрывно связано с почвой, вопросы собственности на землю и охраны культуры все же лучше решать по отдельности. В противном случае может случиться так, что возможность распоряжения знанием будет присвоена локальными активистами вместе с правами на распоряжение землей. В результате противоречие между декларируемыми благими целями, которые удачно совпадают с повесткой устойчивого развития и курсом на поддержку индигенности, и тем духом коммерции, который с неизбежностью появляется в случае массового наплыва туристов, может привести к дискредитации самой идеи создания территорий ограниченного культуропользования по инициативе снизу.

Подводя итог, следует сказать, что ситуацию, при которой природоохранная деятельность государства сопровождается полным или частичным ограничением доступа коренного населения к территории своего проживания, введением запретов на ведение им традиционного образа жизни и неизбежным в этом случае сломом традиционной системы координат, следует признать нежелательной. Как уже отмечалось, в том случае, когда изначально благая цель навязывается сверху, она вызывает у населения либо апатию, либо отторжение, либо и то и другое сразу. Модель, при которой инициативу берет в свои руки само коренное население, следует признать более справедливой и жизнеспособной, ведь в этом случае импульс перемен оказывается заложенным внутри самого сообщества, а деятельность по охране природе протекает по сценарию, идеологически для него приемлемому.

Однако следует понимать, что в том случае, когда с инициативой сбережения культуры того или иного народа выступают лишь наиболее активные, заряженные на борьбу его представители, их усилиям недостает легитимности в глазах как государства, так и представителей самого этого народа. Как показывает история парка Уч-Энмек, положение может усугубляться еще и тем, что самопровозглашенным защитникам традиционной культуры иногда не удастся избежать искушения успехом и они превращают созданную по их инициативе заповедную территорию в собственную вотчину или прибыльный туристический объект. Так, деятельность Данила Мамыева, частично

взявшего на себя функции государства в пределах родной для него Каракольской долины, вызвала отторжение как у его соплеменников, которые так и не признали его легитимным стражем народной культуры, так и у государства, которое всегда ревностно относится к любым таким попыткам.

Не выглядит идеальной и ситуация, при которой охрана природных объектов и традиционной культуры осуществляется с привлечением ресурса влиятельных международных организаций, таких как, к примеру, ЮНЕСКО. С одной стороны, они в состоянии успешно решить проблему легитимности в глазах местного населения, причем делают это без принуждения, с которым обычно ассоциируется любое вмешательство государства. С другой — любое международное участие неминуемо приводит к тому, что цели и задачи природо- или культуроохранной деятельности начинают определять силы либо неподконтрольные государству, либо полностью ему враждебные. Слово донора в этом случае становится влиятельнее слова представителя власти, а физическое присутствие сотрудников зарубежных организаций в отдаленных районах страны может оказаться нежелательным. В чувствительных приграничных регионах, подобных Республике Алтай, это и вовсе может представлять существенную угрозу для национальной безопасности.

Несмотря на то что все рассмотренные выше формы институализации принципа заповедности имеют свои довольно существенные изъяны, это не означает, что бутанская модель не может быть реализована и в Республике Алтай. На самом деле здесь просто требуется разработать и внедрить такой механизм, который сможет совместить все преимущества каждой из существующих моделей, при этом постаравшись свести к минимуму те недостатки, о которых было упомянуто выше. Представляется, что таким механизмом способна стать «молекулярная заповедность», при которой непроницаемость внешнего контура региона гарантировало бы, причем довольно в жесткой форме, государство, в то время как непосредственная реализация задачи сохранения традиционной культуры ложилась бы на плечи отдельных домохозяйств, обязательно представляющих носителей данной народной культуры.

В случае с Алтаем федеральное правительство может наделить республику статусом особой территории, введя там прямое управление, наподобие того, что существовало на «Кабинетских землях его величества». Для обоснования этого шага можно использовать риторику защиты находящихся под угрозой исчезновения природных комплексов. В этом случае на любую деятельность по эксплуатации природных и культурных ресурсов региона, в том числе на строительство и эксплуатацию масштабных туристических объектов, должен быть введен мораторий, а доступ в регион сторонних инвесторов и деятельность на его территории зарубежных доноров поставлены под жесткий контроль. Данный шаг резко снизит уровень вмешательства внешних сил в политические процессы республики, ибо не секрет, что основным драйвером этого процесса является заинтересованность в доступе к земельным и рекреационным ресурсам Алтая. Статус заповедного региона также позволит центральным властям оказывать прямое и непосредственное влияние на интенсивность и характер туристических потоков, оправдывая неизбежные запретительные меры теми же экологическими причинами. При этом интенсивность посещений должна быть ограничена, как это происходит в Бутане, не квотированием их числа, а регламентацией сертифицированной инфраструктуры для приема гостей. Порядок же нахождения туристов на территории республики и возможные программы их пребывания должны быть четко определены и прописаны.

Ограничение доступа для международных организаций, политических технологов, инвесторов, девелоперов и туристов может снизить риски политической дестабилизации в республике, однако само по себе оно не в состоянии ни способствовать сохранению и развитию уникальной культуры буферной зоны, ни улучшить социально-политическое положение жителей Алтая. Более того, де-факто объявление республики особо охраняемой территорией может вызвать протесты или, в лучшем случае, глухое сопротивление местных жителей. Они могут решить (или им могут это подсказать), что федеральный центр подобным образом лишает регион возможности всестороннего развития и делает это без их ведома, лишая их таким образом ответственности за свою судьбу и, в широ-

ком смысле слова, самостоятельности. Лучшим способом избежать подобных обвинений и возможных административных перекосов будет сочетание жестких мер на внешнем контуре республики с управляемым раскрепощением внутренней экономической деятельности при условии сохранения плотного контроля со стороны федерального центра.

Для того чтобы постараться достичь этой цели на практике, необходимо высвободить то желание защищать природу своего края и ту потребность в сохранении родной культуры, что имманентны алтайцам как этносу, при этом пояснив, что подобное высвобождение может превратиться в основу для роста их собственного благосостояния. В том, что такой сценарий развития возможен и достижим, легко убедиться, проанализировав процесс развития туризма, к примеру, на Памире — причем как в таджикской, так и в китайской его части. В отличие от того же Канаса или российского Алтая, где движущей силой изменений являются внешние силы, здесь была сделана ставка на поддержку частной инициативы местных жителей. При этом сама эта инициатива была довольно умело встроена в масштабную трансграничную систему институтов развития, которая если и навязывает кому-то свои правила, то делает это исподволь, взамен предлагая коренным жителям доступ к неограниченным финансовым ресурсам и методические консультации.

В еще большей степени, чем Бутан, Памир, расположенный в нескольких тысячах километров от Алтая, обладает схожим с ним характером и судьбой. Прежде всего, оба этих труднодоступных горных края являются узловыми территориями, где сходятся границы даже не двух, а сразу нескольких независимых государств. При этом Памир, как и Алтай, с давних времен является буферной зоной, отделяющей друг от друга не только страны, но и народы, религии и крупные природные области. Немаловажно также, что оба эти региона, расположенные в непосредственной близости от таких крупных исторических и культурных общностей, как Россия, Средняя Азия, полуостров Индостан и Китай, никогда не были полностью инкорпорированы в состав какой-либо из них. В течение всего исторического времени они сохраняли свой особый духовный и культурный потенциал, чему, безусловно, способствовали их географическая удаленность и транспортная недоступность.

В результате можно утверждать, что и Алтай, и Памир вплоть до настоящего времени являются культурно самодостаточными регионами. Обладая множеством черт, присущих их соседям, населяющие эти буферные зоны этносы сохраняют свою уникальность и своеобразие, а воображение окружающих их народов наделяет их особым духовным потенциалом.

При этом, в отличие от Бутана, тесно связанного все-таки с Индией и Китаем, Алтай и Памир вплоть до самого конца XX в. находились в составе одного и того же государства, Советского Союза. В результате и алтайцы, и памирцы в равной мере стали участниками грандиозного проекта модернизации и социальной инженерии СССР, который был призван устранить отрешенность этих регионов от остального мира и лишить их какой-либо приграничной специфики. Круглогодичные дороги и аэропорты связали со столицами областей даже самые удаленные райцентры и сельские поселения, традиционному образу жизни насильственно придавался современный характер, а исконные верования памирцев и алтайцев испытали на себе всю силу пресса государственной идеологической машины.

Вскоре после событий 1991 г., однако, судьбы этих двух регионов разошлись. Жители Алтая прошли через распад СССР относительно безболезненно и, как уже подчеркивалось, даже смогли использовать краткий период политической нестабильности для того, чтобы гарантировать себе статус полноправного субъекта Российской Федерации. В отличие от них, памирцы пережили кровопролитную гражданскую войну, коллапс политической и экономической системы и настоящий голод. В самый тяжелый период блокады своей автономной области, а также непосредственно после ее окончания жители Горного Бадахшана, которые не могли тогда рассчитывать на помощь молодого таджикского государства, получили действенную поддержку как от различных международных организаций, так и со стороны своего духовного лидера, имама исмаилитов Ага Хана IV [Bliss 2006]. Последнему удалось организовать доставку гуманитарных грузов через контролируемую им сеть неправительственных фондов и организаций, тем самым укрепив свой и без того высокий авторитет на Памире.

В дальнейшем, воспользовавшись разрухой и фактическим безвластием в Таджикистане, этот крупнейший религиозный деятель современности, являющийся еще и одним из богатейших людей планеты, глубоко интегрированным в глобальные структуры управления, стал, через различные программы помощи, реализовывать на Памире свое видение идеального социального и экономического устройства [Собирова 2003; Окимбеков 2004]. Важнейшей его частью является опора на устойчивый туризм, который предполагается развивать при помощи так называемых гостевых домов, объединенных в единую сеть. Планирование и финансирование проекта осуществлялись на Памире через тесно интегрированные между собой институты развития и финансовые структуры, связанные с именем Ага Хана IV. Эта система является «мощной разветвленной структурой, которой по силам осуществление сложных дорогостоящих проектов, способных оказать воздействие на жизнь крупных регионов... По универсальности, по многопрофильности она может быть уподоблена только социально-экономическим подразделениям ООН для развивающихся стран» [Плеханов 2008: 141]. Реализация же задумок религиозного лидера на местах координировалась через систему так называемых *халифа*, или выборных сельских старост, которые в районах, населенных исмаилитами, отвечают за взаимодействие простых сельчан со структурами самого имама.

С помощью самых современных методов и технологий, применяемых при развитии горных территорий [Steinberg 2011], а также используя разветвленную сеть местных координаторов, Ага Хану IV удалось организовать рекрутирование, финансирование, обучение и маркетинговую поддержку тех местных жителей, что выразили желание открыть в своем кишлаке дом для приема гостей. Его представители в столице автономной области Хороге обеспечивали их беспроцентными кредитами для организации нового бизнеса, а также подробно инструктировали по поводу того, каким образом им следует обслуживать иностранных туристов. Как и в Бутане, для частных гостевых домов были установлены высокие стандарты обслуживания, при этом ценообразование также координировалось. Структуры Ага Хана IV взяли на себя ответственность и за продвижение туристического продукта за

рубежом. Слава о труднодоступном горном регионе на стыке цивилизаций быстро достигла мировых столиц, и в Горный Бадахшан устремился стабильный поток иностранных туристов.

Важно отметить, что Ага Хан IV не ставил себе целью увеличить прибыль собственных структур, которые имеют совершенно иные источники финансирования, или добиться резкого роста числа туристических посещений Горного Бадахшана. Акцент делался на том, что туризм не должен и не сможет заместить памирцам их традиционный образ жизни, но в состоянии при этом обеспечить им значительный *дополнительный* доход. Туристам же предоставлялась возможность поселиться в традиционном памирском доме и стать частью конкретной семьи и локального сообщества, тем самым приняв участие в его жизни, не изменяя его фактом своего появления. Несмотря на то что количество согласных путешествовать таким образом было априори невелико, их воздействие на жизнь памирцев оказалось воистину плодотворным. Избегав искушения коренным образом изменить свою жизнь ради максимизации прибыли, памирцам в результате удалось увеличить доходы и одновременно приоткрыть всему миру свою уникальную культуру, обогатившись взамен знанием о самом этом мире. Остались довольны и иностранные туристы, которым на Памире был предоставлен аутентичный и по-своему эксклюзивный «продукт».

Интересно, что даже китайские власти, которые, как уже было показано, в погоне за прибылью практически уничтожили традиционную культуру тувинцев, коренных жителей Канаса, извлекли уроки из стратегии Ага Хана IV на Памире. Несмотря на то что граничащий с Горно-Бадахшанской автономной областью Таджикистана Ташкурган-Таджикский автономный уезд, где проживает большая часть китайских памирцев, расположен в том же самом Синьцзян-Уйгурском автономном районе, что и Канас, на вооружение здесь была взята стратегия, схожая именно с Таджикистаном, хотя и несколько модернизированная. В отличие от тувинцев, к примеру, памирцам Ташкургана было позволено открывать свои собственные гостевые дома, при этом правительство даже приветствовало, если они продолжали сами в них проживать.

Подобная ситуация крайне редко встречается в остальном Китае, где туристов и гостей, тем более иностранных, как правило, разделяют.

Можно сказать, что, не позволив влиятельной религиозной структуре с сильным иностранным участием частично подменить собой государство, как это по ряду объективных причин произошло в Таджикистане, правительство КНР смогло на основе анализа ее деятельности прийти к нескольким очень важным выводам. Самым значительным из них оказалось то, что работа по сохранению традиционной культуры и развитие этнокультурного туризма не противоречат друг другу только тогда, когда в оба эти процесса активным образом вовлечены сами носители этой культуры. Роль же государства и крупного бизнеса в этом случае должна состоять в оказании им посильной поддержки, осуществляемой таким образом, чтобы не позволить более влиятельным силам из-за границ региона взять под контроль его ресурсы или определять направления его развития. С одной стороны, в этом случае не происходит отчуждения и объективации культуры, а стало быть, не возникает прямой угрозы ее окончательного превращения в товар, эрозии и исчезновения, что, в свою очередь, неминуемо приводит к маргинализации коренного населения и дестабилизации региона. С другой — подобная модель означает, что государство сохраняет за собой контроль над происходящими в регионе политическими процессами и таким образом минимизирует внешнеполитические риски в приграничных районах.

Суммируя все сказанное выше, стоит напомнить о том, что на протяжении большей части своей истории Алтай являлся важнейшей буферной зоной Внутренней Азии, благодаря существованию которой крупнейшие историко-культурные общности континента в этой части света не вступали друг с другом в прямой контакт. В свою очередь, подобное промежуточное, междивизиационное положение помогло коренным жителям этого горного региона сохранить свой собственный, уникальный вариант народной традиции, сочетающей в себе многие элементы, свойственные соседним народам, но при этом не равной традиции какого-либо одного из них.

Существование этой буферной по своему характеру культуры до сих пор является гарантом социальной и геополитической стабильности в срединной части континента. Сам факт ее наличия предотвращает непосредственный и чреватый недопониманием и конфликтами прямой контакт исламской и буддийской, а также китайской и русской культур, одновременно обеспечивая их опосредованное взаимодействие и взаимопроникновение.

К сожалению, приходится констатировать, что в последнее время сохранность ее находится под угрозой. Это связано с тем, что в регионе, испытывающем серьезные финансовые трудности, по инициативе центрального правительства начинает активно развиваться массовый туризм, в том числе и этнокультурный, который рассматривается федеральными и региональными властями как важный источник пополнения местного бюджета. При этом почти не принимается в расчет тот факт, что в случае успешной реализации подобной модели экономического развития традиционная культура народа неизбежно объективируется, отчуждается и выставляется на продажу. В свою очередь, это с неизбежностью ведет к ее частичной эрозии или утрате, следствием чего может стать маргинализация ее носителей и связанный с этим резкий рост конфликтного потенциала.

Опасность акцентированного развития массового туризма на Алтае усугубляется еще и тем, что этот стратегически важный приграничный регион оказывается в таком случае полностью открытым влиянию внешних по отношению к нему сил и игроков, причем по причине своей экономической отсталости он является для них относительно «легкой добычей». Пользуясь слабостью местной власти и фрагментированностью элит, разделенных по клановому признаку, они получают доступ к ценным рекреационным ресурсам республики, включая и ее земельный фонд. Принимая во внимание тесную связь алтайцев с родной землей, приходится констатировать, что развитие ситуации по подобному сценарию в конце концов ведет к появлению межэтнической напряженности, росту популярности экстремистских идеологий и усилению влияния политических сил, расположенных за пределами России и заинтересованных в дестабилизации обстановки в ее пригра-

ничных регионах. Принимая во внимание вышеупомянутую геополитическую важность республики, находящейся на стыке ислама, православия и буддизма, а также в точке соприкосновения славянского, тюркского и монгольского миров, требуется кардинальный пересмотр стратегии экономического развития, которая в настоящее время в основном ориентирована на взрывной рост туризма [Индивидуальная программа... 2020].

Не отрицая важности туристического сектора для обеспечения экономического развития региона, а также принимая во внимание популярность Горного Алтая среди граждан России и за ее пределами, предлагается, не отказываясь от туризма полностью, взять на вооружение такую модель, при которой он станет регулируемым и регламентированным. Прямое и опосредованное квотирование посещений, введение кодекса поведения туристов и жесткая регламентация инвестиционной программы при одновременном повышении минимально возможной стоимости туристического продукта практически не затронут интересы республиканского бюджета. В то же время введение данного комплекса мер в состоянии предотвратить угрозу утраты народной культуры в результате превращения ее в объект купли-продажи, одновременно улучшив материальное положение коренного населения Алтая.

Подобная модель давно и довольно успешно функционирует, к примеру, в Бутане, однако ее слепое копирование в российских условиях будет в целом неоправданным и вряд ли возможным. Это связано с тем, что Республика Алтай является субъектом Российской Федерации и по этой причине не может быть полностью изолирована от остальной страны, в то время как введение квот будет негативно воспринято жителями соседних регионов. Вместе с тем создание на Алтае зоны с особым порядком посещения все-таки является возможным, однако лишь в том случае, если ей будет присвоен статус особо охраняемой *природной* территории. Подобное позиционирование смягчит возможное неприятие идеи регламентированного доступа в глазах общественного мнения, которое в целом положительно относится к необходимости введения запретительных мер в интересах охраны природы. Следует при этом понимать, что под защитой государства

на Алтае должны оказаться не только природные объекты, но и традиционная культура алтайцев, а также сами ее носители.

В связи с этим предлагается расширить понятие заповедности и практику ограничений на использование в коммерческих целях тех или иных земель в случае их особой важности для общего благополучия с территориями природного наследия на территории наследия культурного, при этом продолжая использовать юридические формулировки и риторику, свойственную именно природоохранной деятельности. На Алтае уже давно функционируют особо охраняемые природные территории различных типов и уровней иерархии, и изучение опыта их работы необходимо для того, чтобы понять, какая именно из моделей больше подходит для охраны традиционной культуры. Краткий анализ, проведенный в данной работе, показывает, однако, что ни один из текущих вариантов не удовлетворяет всем критериям эффективности.

С одной стороны, полная изоляция тех или иных территорий по решению государства, которая является основой для создания «классических» заповедников, приводит к недоверию и неприятию со стороны местного населения. Коренные жители понимают, что подобным образом происходит отчуждение их от традиционной среды проживания. Значительно лучше выглядит модель работы биосферного резервата, в рамках которой коренное население активно вовлекается в процесс сохранения своей традиционной культуры и принимает в нем самое деятельное участие. Проблема, однако, сохраняется и в этом случае, ведь сам ход такого вовлечения оказывается под контролем внешних по отношению к народной культуре сил, которые при этом вольны устанавливать и интерпретировать как правила участия коренного населения в деле защиты собственной культуры, так и цели, направления и критерии успеха их деятельности. Немаловажно и то, что инициатива заповедной работы в данном случае все-таки лежит за пределами самих местных сообществ, а стало быть, они не чувствуют ответственности за ее результат.

На контрасте с этим модель, при которой та или иная территория объявляется заповедной по инициативе граждан сни-

зу, выглядит более перспективной, ибо тогда резко возрастает уровень их личной заинтересованности в ее успешности. Однако она также имеет свои изъяны. В том случае, если речь идет о противостоянии с государством и местные жители в борьбе за заповедность своей земли вынуждены привлекать на свою сторону влиятельных международных игроков, способных своим авторитетом гарантировать неприкосновенность их традиционной культуры, возникает опасность слишком глубокого вовлечения этих самых игроков в процессы, протекающие в приграничных районах. Это выглядит полностью нецелесообразным с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Неменьшую опасность представляет собой и возможность приватизации традиционной народной культуры отдельными ее представителями. Взяв на себя исполнение некоторых функций государства, в конечном счете они все равно не могут их полноценно реализовать по причине острого неприятия их действий со стороны соплеменников, в глазах которых их усилиям недостает легитимности. Велико оказывается и искушение приватизировать традиционную культуру и использовать ее в своих целях, превратившись в самопровозглашенного защитника интересов собственного народа.

В этих условиях представляется, что оптимальным вариантом сохранения традиционной культуры на Алтае должно стать такое сочетание действий, при котором государство будет гарантировать неприкосновенность внешнего контура заповедной зоны, не позволяя сторонним игрокам вмешиваться в протекающие в ее границах процессы, в то время как инициатива и самостоятельность внутри самой культуроохранной территории будет предоставлена носителям культуры. Иными словами, речь идет о сочетании «бутанской модели», предполагающей установление государством правил, связанных с порядком посещения того или иного региона, включая ограничение доступа туда инвесторов и туристов, с моделью, получившей распространение в еще одном горном буферном регионе на стыке нескольких стран — на Памире.

Здесь под руководством и при участии институтов развития, действующих под патронажем лидера исмаилитов Ага Хана IV, была создана сеть индивидуальных гостевых домов, которые находятся в собственности и открыты по инициативе

коренных жителей региона. Они предоставляют менее многочисленным, но при этом более обеспеченным туристам возможность внести свой вклад в жизнь местного сообщества, став на короткое время его составной частью. В таджикистанской части Памира финансированием, обучением и маркетинговой поддержкой конкретных домохозяйств, участвующих в программе гостевых домов, занимается сеть глобальных структур исмаилитов, тесно интегрированная в глобальные системы управления и практически не связанная с правительством страны. В соседних же регионах КНР, также населенных памирцами, такую функцию берет на себя китайское государство. Думается, что и в Республике Алтай это будет по силам сделать российским властям, заинтересованным в сохранении традиционной культуры и геополитической стабильности, но при этом стремящимся и к экономическому развитию региона.

В случае принятия на вооружение подобного подхода центральному правительству необходимо законодательно ограничить инвестиции в развитие массового туризма в регионе, для того чтобы предотвратить скупку земель крупным бизнесом из-за пределов Алтая. Затем, под предлогом дальнейшей защиты его уникальных природных комплексов, следует объявить территорию республики зоной с особым режимом хозяйствования и посещения, в чем-то схожим с тем, что существовал здесь в то время, когда Алтай входил в состав «Кабинетских земель». Одновременно с этим усилия правительства должны быть направлены на то, чтобы обучить, профинансировать и обеспечить маркетинговую поддержку развитию этнокультурного туризма через организацию коренными алтайцами системы гостевых домов на базе их собственных домохозяйств.

Подобным образом можно добиться выполнения сразу нескольких важных для государства и для региона задач. Во-первых, станет возможным повысить уровень жизни коренного населения Алтая, достигнув этого без интенсивного промышленного или рекреационного освоения чрезвычайно ценного с точки зрения биологического разнообразия и в то же время чувствительного с геополитической точки зрения региона планеты. Во-вторых, можно будет избежать роста межэтнической напряженности, вызванной скупкой родовых земель крупным бизнесом из-за пределов региона, отчужде-

нием традиционной культуры от ее носителей и сопутствующей этому процессу маргинализации коренного населения. В-третьих, будет сведено к минимуму влияние в регионе иностранных игроков и международных организаций, которые в результате потеряют возможность определять направления развития республики и влиять на настроения ее жителей. В конечном счете создание на Алтае территории ограниченного культуропользования станет основой для такого социального и экономического роста региона, который будет основан не на эксплуатации, а на развитии и сбережении традиционной народной культуры, само существование которой до сих пор является важнейшим фактором геополитической стабильности в центральной части Евразии.

Список литературы

- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Горно-Алтайск, Онгудайский, Усть-Канский и Турочакский районы Республики Алтай. 2020. Ноябрь–декабрь.
- Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Российская газета. 1995, 23 марта.
- Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Алтай на 2020–2024 годы [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». 2020. 9 апреля. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652907?marker=65C0IR>
- Севильская стратегия для биосферных резерватов. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2000. 30 с.
- Стратегия развития и управления объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая» [Электронный ресурс] // Фонд «Охрана природного наследия». 2009. URL: <http://www.nhpfund.ru/files/altai-strategy-ru.pdf>
- Tourism Policy of the Kingdom of Bhutan [Электронный ресурс] // Tourism Council of Bhutan. URL: [https://www.tourism.gov.bt/uploads/attachment_files/tcb_cW0p_Tourism%20Policy%20eBook%20\(1\).pdf](https://www.tourism.gov.bt/uploads/attachment_files/tcb_cW0p_Tourism%20Policy%20eBook%20(1).pdf)
- Абаев Н.В. Архаические формы религии и этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 245 с.
- Акимова Т.А. Партнерство как инструмент развития экологического туризма в Алтайском биосферном заповеднике // Известия АО РГО. 2015. № 4(39). С. 72–77.

- Алтай и Гималаи* как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии / Ред. А.В. Иванов, И.В. Фотиева. Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. 336 с.
- Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. Алматы: КазНПУ им. Абая. 2012. 256 с.
- Багаева А.В. Ассоциированные отношения государств и новая региональная клиентела // Обозреватель–Observer. 2014. № 10(297). С. 40–47.
- Безертинов Р.Н. Древнетюркское мировоззрение «Тенгрианство». Казань: РИЦ «Школа», 2006. 164 с.
- Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 3–4. С. 57–72.
- Борьба за Алтай [Электронный ресурс] // ЭкоГрад. Московский экологический журнал. 2021, 01 июня. URL: <https://ekogradmoscow.ru/2012-11-25-08-44-50/2012-11-25-08-49-32/borba-za-altaj>
- «Великий» алтайский курултай привел к очередному расколу [Электронный ресурс] // ИА Regnum. 2015, 5 июля. URL: https://news.rambler.ru/world/30684461-velikiy-altayskiy-kurultay-privel-k-ocherednomu-raskolu/?utm_source=copysharing&utm_medium=social
- Встреча Михаила Мишустина с представителями туристического бизнеса Республики Алтай и Алтайского края [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Российской Федерации. 2021, 3 марта. URL: <http://government.ru/news/41654/>
- Глава Горного Алтая Олег Хорохордин принял парад полемики по мастер-плану развития туризма в регионе [Электронный ресурс] // Экоград. Московский экологический журнал. 2021, 29 мая. URL: <https://ekogradmoscow.ru/2012-11-25-08-44-50/2012-11-25-08-49-32/glava-gornogo-altaya-oleg-khorokhordin-prinyal-parad-polemiki-po-master-planu-razvitiya-turizma-v-regione>
- Гужвенко Ю.Н. Изменения в этносоциальных отношениях в Восточном Казахстане: 1990-е — начало 2000-х гг.: Дис канд. ист. наук. М., 2007. 226 с.
- Данилин А.Г. Бурханизм: (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 204 с.
- Доронин Д.Ю. Что опять не так с «Алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104.
- Екеева Н.М. Культура и религиозные воззрения народов Республики Алтай // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3(23). С. 130–133.
- Золотарева Н.В., Курьянова Т.С., Рындина О.М. Капитализация культурного наследия народов Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 49–57.
- Золотые горы Алтая [Электронный ресурс] // Сайт Российской Комиссии по делам ЮНЕСКО. 2020, 1 марта. URL: <http://unesco.ru/unescorussia/sites/s768/>

- Иванов А.В., Фотиева И.В. Прямые транспортные и энергетические коридоры в Китай на Алтае: альтернативы и перспективы // Вестник АГАУ. 2015. № 9(131). С. 135–138.
- Информация о развитии туристической отрасли Республики Алтай // Сайт Правительства Республики Алтай. 2022, 21 марта. URL: <https://altai-republic.ru/tourism/development/>
- Казанцев А.Ю. Социально-экономическое и политическое развитие Горного Алтая в конце XX в.: 1985–1993 гг.: Дис канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2005. 173 с.
- Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. Горно-Алтайск: Изд-во «Высоцкая Галина Григорьевна», 2011. 246 с.
- Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: Автореф. дис. ... д. ист. наук. Новосибирск, 1997. 30 с.
- Кулешиова Ю.Н. Биосферный резерват // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. С. 527–528.
- Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Обычаи, традиции, культура. Чебоксары: Новое время, 2014. 284 с.
- Кудыева В.Я. Институт зайсанства у алтайцев // Алтай — Россия: Через века в будущее: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: РИО АГАУ, 2006. Т. I. С. 113–116.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Любимова Г.В., Самушкина Е.В. Концепция культурного наследия в этнонациональных дискурсах Республики Алтай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. № 3. С. 74–81.
- Мазаева-Каненга А.П. Пятнадцать томов «Рериховского наследия» // Семнадцатая междунар. науч.-практ. конф. «Рериховское наследие» / Ред. В.Л. Мельников. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2018. С. 595–608.
- Макарьев И.В. Геополитический аспект дискуссии о возможном строительстве дороги в Китай через плато Укок // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4–4. С. 201–205.
- Мамыев Д.И. Духовная культура Алтая — экология жизни. Горно-Алтайск: [Б.и.], 2003.
- Мамыев Д.И. Этнокультурный научно-образовательный центр «Арусвати» // Живописная Россия. 2020. № 5. С. 36–38.
- Минюст расширил список запрещенных организаций [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 2019, 21 февраля. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6144808>
- Михалев М.С. О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура. 2019. № 2. С. 23–35.

- Мишустин сообщил, что Путин поддержал разработку национального проекта в сфере туризма [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 2020, 16 ноября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10010991>
- Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.
- Мукаева Л.Н. Политика Кабинета в Горном Алтае в досоветское время. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 112 с.
- Нанькуай Модэгэ. 南快莫德格. Синьцзян туважэнь шэхуэй зэньхуа тянье дяоча юй яньцзю 新疆图瓦人社会文化田野调查与研究 [Исследования по социальной культуре тувинцев Синьцзяна]. Пекин: Миньцзу чубань-шэ, 2009. 294 с. (на кит. яз.).
- Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / Ред. В.И. Молодин и др. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 285 с.
- Новиков М.С., Новиков С.В. Королевство Бутан: суверенитет на фоне «этнических конфликтов» в тибетском приграничье Индии и Китая. 1947–2004 гг. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 35–43.
- Общественники, возрождающие традиционную веру алтайцев, признаны иностранными агентами [Электронный ресурс] // Банкфакс. 2016, 18 мая. URL: <https://www.bankfax.ru/news/101248>
- Окимбеков У. Деятельность Фонда Ага-хана в Таджикистане // Россия и мусульманский мир. 2004. № 6. С. 59–63.
- Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 73–79.
- Панфило Е. Живая лаборатория или закрытая территория // Природа Алтая. 2020. Январь–февраль. С. 13.
- Плеханов С.Н. Раскрытая ладонь. Ага-Хан и его мюриды. М.: Книжный мир, 2008. 203 с.
- Предстоящая перепись стала причиной дебатов об этнической общности алтайцев [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтая. 2009, 21 апреля. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/2078>
- Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. М.: Мысль, 1974. 348 с.
- Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Ред. Н.В. Зубаревич. М.: Поматур, 2005. 278 с.
- Савинов Л.В. Вызовы региональной этнополитики: газовый транзит «Россия–Китай» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 30–32.
- Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения Архивного фонда Алтайского края XVII — начало XX века / Сост. Я.Е. Кривоносов, О.Н. Дударева. Горно-Алтайск: [Б.и.], 2000. 1 диск.
- Собирова К.Д. Вклад фонда Ага Хана в восстановление экономики и решение социально-культурных проблем ГБАО Республики Таджикистан: Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2003. 156 с.

- Соно А. Курай. Прикоснись к живым традициям // Хранители Большого Алтая. 2020. № 5. С. 74–75.
- Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 2021. 30 марта. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html>
- Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.
- Тюхтенева С.П. Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности // Вестник КИГИ РАН. 2015. № 4. С. 72–81.
- Урбанаева И.С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений: в 2 ч. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000.
- Феномен алтайских мумий / Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.
- Филимонов Д. Мумия раздора // Известия. 2004, 31 марта. С. 5.
- Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Горный Алтай: межнациональные отношения сегодня и завтра // Мир России. Социология, этнология, культурология. 1993. № 1. С. 63–76.
- Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Катунский проект: как это было // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 80–82.
- Что такое особо охраняемые природные территории и как их защищают [Электронный ресурс] // Сайт Государственной Думы Российской Федерации. 2018, 10 августа. URL: www.duma.gov.ru/news/27804/
- Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 287 с.
- Шишин М.Ю., Иванов А.В., Фотиева И.В. Николай Рерих: открытие Алтая. Барнаул; Новосибирск: Колорит, 2019. 396 с.
- Щигрева С.Н. Общественные советы: роль в сохранении и развитии особо охраняемых природных территорий (на примере Алтае-Саянского экорегиона). Красноярск: [Б.и.], 2012. 78 с.
- Экоактивисты и общественники Алтая определили главные экологические риски регионов [Электронный ресурс] // Всемирный фонд дикой природы. 2020, 28 сент. URL: <https://wwf.ru/resources/news/altay/ekoaktivisty-i-obshchestvenniki-altaya-opredelili-glavnye-ekologicheskie-riski-regiona/>
- Экология и культура: учебное пособие для 10–11 классов / Ред. И.А. Жерносенко. Горно-Алтайск; Барнаул: [Б.и.], 2009. 158 с.
- Ябыштаев Т.С. О кризисе общественных отношений в Республике Алтай (на примере организации «Курултай алтайского народа») // Вестник ТГУ. История. 2012. № 4(20). С. 161–164.

- Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1(20). С. 112–117.
- Bliss F. Social and Economic Change in the Pamirs (Gorno-Badakshan, Tajikistan). London; New York: Routledge, 2006. 378 p.
- Dorji T. Sustainability of Tourism in Bhutan // Journal of Bhutan Studies. 2001. Vol. 3. No. 1. P. 84–104.
- Hou Yuxin. The Analysis of Current Situation of Tuva People in China [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html
- Sithey G., Thow A.-M., Li M. Gross National Happiness and Health: Lessons from Bhutan // Bulletin of the World Health Organisation. 2015. No. 93(8). 514 p.
- Steinberg J. Isma'ili Modern: Globalization and Identity in a Muslim Community. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011. 234 p.
- Tourism Establishment Census of Bhutan. Thimphu: Tourism Council of Bhutan, 2021. 208 p.
- Ura K., Alkire S., Zangmo T., Wangdi K. Extensive Analysis of GNH Index. Thimphu: Center for Bhutan Studies, 2012. 213 p.

Глава 3

РЕСПУБЛИКА ТЫВА. СВОБОДНАЯ ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА

Прошлое: самоуправляющийся буфер

В Кызыле, столице еще одного приграничного региона азиатской части России, Республики Тыва, неподалеку от того места, где Бий-Хем и Каа-Хем дают начало одной из величайших рек Сибири, Енисею, возвышается монумент, гласящий, что именно здесь расположен Центр Азии. Несмотря на то что среди ученых до сих пор отсутствует консенсус по поводу того, оправданно ли это утверждение, в какой-то степени Тува действительно можно считать самым «центральным» регионом Евразии. С точки зрения физической географии, в точно той же мере, что и соседний Алтай, она может по праву считаться уникальным регионом, далеко и при этом относительно равно удаленным от побережья любых морей, омывающих Евразию. В свою очередь, это с неизбежностью оказывает влияние на климат Тувы, который является резко континентальным. Несмотря на то что республика расположена на широте Праги и Харькова, зимы здесь продолжительны и отличаются заметной даже по сибирским меркам суровостью. Средние температуры января составляют от -25 до -34°C , при этом зафиксированы случаи, когда морозы достигали отметки -58°C . Высота же снежного покрова невелика — лишь 10–30 см. Летом трескучие морозы сменяются изнуряющим зноем, который призван напоминать о том, что Тува не просто находится в центральной части континента, но еще и является северной окраиной Внутренней Азии.

Специфику географического положения Тувы определяет то, что в пределах ее территории, которая не превышает 170 тыс. кв. км и составляет, таким образом, чуть менее 1% территории России, можно повстречать и представителя тайги и тундр севера оленя, и яка, которого здесь называют сарлык, являющегося символом высокогорий Центральной Азии, и верблюда, который считается столь же ярким представителем пустынь юга. Этот примечательный факт связан не только с особенностями климата, но и с уникальной орографией региона. Тува не просто надежно окружена со всех сторон мощнейшими горными массивами Восточных и Западных Саян, Алтая и Танну-Ола. Ее территория сильно расчленена и внутри этих естественных границ хребтами, лишь немного уступающими им по высоте и при этом зачастую превышающими их по труднопроходимости. По сути, с точки зрения географии она может считаться совокупностью котловин, каждая из которых представляет собой отдельный мир как в плане микроклимата, так и с точки зрения флоры и фауны.

Так, почти весь северо-восток Тувы занимает заболоченная Тоджинская котловина, покрытая непроходимой тайгой, и именно здесь можно повстречать северного оленя. В то же время на крайнем западе Тувы, на высотах до 4000 м над уровнем моря находится высокогорный степной район Монгун-тайга, чей ландшафт и климатические особенности, в свою очередь, напоминают Тибетское нагорье и другие высокогорные районы срединных частей Евразии. Неудивительно, что одним из эндемиков этой части Тувы является тот самый сарлык. Наконец, центральную часть республики, где проживает подавляющая часть ее населения, характеризует степной ландшафт, на крайнем юге, вблизи монгольской границы и вовсе превращающийся в полупустынный. Именно в этом регионе, в Убсунурской котловине и по соседству с ней и обитает типичный для более южных регионов Земли верблюд.

Сочетание удаленности и труднодоступности региона, суровости климата и вызванной этим низкой пригодности его для земледелия, а также присущее Туве «котловинное» разнообразие, которое долгое время препятствовало консолидации здесь какой-либо одной из внешних или внутренних сил, привело к тому, что в центральной части континента образовался

по-настоящему укромный «медвежий угол». Тува всегда была слишком далека и трудна для завоевания, слишком раздроблена и слишком сложна для того, чтобы ею управлять, и при этом слишком бедна ресурсами, чтобы окупить издержки завоевателей. Надежно оберегаемая могучими горными хребтами, континентальным климатом и бездорожьем, она практически всегда оставалась окраинной, забытой территорией, на которую редко распространялась власть той или иной кочевой державы Внутренней Азии. При этом, в отличие от соседних с ней регионов Южной Сибири, она была так же надежно защищена могучими хребтами Саян и от возможных атак с севера. Все вышесказанное обусловило то, что на протяжении не только древней, но также и новой и даже частично новейшей истории этот укромный регион в самом центре Азии оставался одной из тех «пустот» на ее карте, которая с точки зрения восточной философии способна обеспечивать его устойчивость и поступательное развитие.

Естественным образом гарантированная периферийность имела своим прямым следствием и то, что нам практически неизвестна древняя история Тувы, которая реконструируется, и то частично, лишь на основе китайских хроник. Единственным исключением и одновременно важным доказательством того, что эта земля могла играть какую-то важную самостоятельную роль в прошлом, являются раскопанные учеными на рубеже XX–XXI вв. курганы Аржан-1 и Аржан-2 в так называемой Долине царей, расположенной в северной части республики. Богатые находки археологов свидетельствуют о высоком уровне развития местных мастеров, по всей вероятности скифов, что в результате породило целую серию научных и околонучных спекуляций по поводу исторической роли Долины царей в истории континента [Марсадолов 2009]. Однако по той причине, что по-настоящему надежных исторических, лингвистических и этнографических сведений по этому вопросу у ученых пока еще недостаточно, все эти теории можно считать хотя и в разной степени убедительными, но при этом все-таки домыслами.

Критический же обзор доступных нам исторических источников показывает, что ни во времена господства хунну, ни в тот период, когда власть во Внутренней Азии попеременно

находилась в руках сяньби, жужаней и тюрков, территория Тувы не обладала каким-то особым, специфическим статусом и потому отдельно не упоминается. Нет в нашем распоряжении и надежных археологических данных о каких-то особенностях ее судьбы в тот период. Ярким, но всего лишь исключением является VIII век, эпоха строительства Уйгурского каганата, да и то в основном потому, что древние уйгуры оставили после себя в Туве отдельные образцы монументального зодчества. Самым известным из них, во многом благодаря научным экспедициям недавнего времени, стали развалины крепости Пор-Бажын, находящиеся на небольшом острове посреди озера Тере-Холь [Васильев 2016; Тулуш 2019]. Уйгуры запомнились еще и тем, что именно во времена их господства в степи здесь процветала торговля с Китаем, в которой принимало участие и население Тувы того времени [Потапов 1969: 117–118]. Сменившие же их на исторической арене киргизы, столица государства которых первоначально находилась к северу от Тувы, в Минусинской котловине, транзитный потенциал ее территории практически не использовали.

Как уже было отмечено, практически на всем протяжении своей древней истории Тува оставалась труднодоступной, не представляющей особого интереса для соседних народов, окраинной территорией Центральной Азии. Энергия очередной кочевой империи, утверждавшей свою власть на ее просторах, упиралась здесь в неприступные хребты Саянских гор, а также болота и тайгу примыкающих к ним котловин и постепенно угасала, оплодотворяя тем самым культуру народов, осевших на этом краю кочевой Ойкумены ранее. Постепенно, однако, на основе сплава тюркских и самодийских элементов здесь стала формироваться своя собственная культура. Последними в ряду завоевателей, подчинивших себе этот далекий край и внесших значительный вклад в формирование его специфики, оказались монголы времен походов Чингис-хана и его потомков, которым также не удалось ее полностью трансформировать, но которые принесли с собой множество новых, уникальных элементов.

В дальнейшем судьба Тувы оказалась тесно переплетенной с историей именно монгольских государств, которые пришли на смену распавшейся спустя два столетия Монгольской им-

перии. Именно в этот период впервые проявилась буферность этого отдаленного региона, который оказался теперь не просто на периферии какого-то одного крупного государственного образования, но был разделен между соприкасающимися окраинами нескольких из них. Это произошло после того, как господство в степи государства Алтын-ханов, ставка которых находилась в непосредственной близости от южных тувинских рубежей, на берегу озера Убсу-Нур, было поставлено под сомнение возвысившимся Джунгарским ханством. Его основные центры, в свою очередь, находились на территории Западной Монголии и северного Синьцзяна, и именно по этой причине западные районы Тувы оказались уже под его влиянием. Сохраняя внутреннее единство, сформировавшееся на основе тюркской идентичности, противопоставляемой монгольской, тувинцы оказались в сфере влияния сразу двух противоборствующих сторон. Последствия этого разделения до сих пор ощущаются и в общественной, и в политической жизни Республики Тыва, где сохраняются противоречия и различия между жителями западных и южных кожуунов.

Трансграничный статус, который был присущ обитателям Тувы в краткий период сосуществования двух монгольских государств, оказался лишь прелюдией к настоящей буферности, ставшей следствием одновременного проникновения в регион двух крупных международных игроков, цинского Китая и Российской империи. Сферы их влияния в Сибири были четко разделены Буринским договором, который на столетия вперед определил траектории развития большинства коренных народов Южной Сибири. Судьба Тувы, однако, вновь оказалась отличной от судеб соседних с ней регионов. В то время как большинство из них, включая Алтай и Бурятию, оказались поделенными между крупными державами, которые принялись формировать их население в соответствии со своими представлениями и потребностями, Тува на последующие два столетия осталась предоставленной самой себе.

Россия не претендовала на контроль над ее территорией в силу ее труднодоступности и признала это еще при подписании пограничного договора 1727 г., когда официальная граница между двумя странами прошла по Саянскому хребту. При этом по факту она была включена в состав Цинской им-

перии лишь после того, как в 1758 г. окончательно пало Джунгарское ханство. Рассматривая после этого территорию Урянхайского края в качестве составной части Монголии¹, Китай осуществлял здесь свою власть при помощи генерал-губернатора, или, по-китайски, *цзянцзюня*, ставка которого располагалась именно в Монголии, в Улясутае.

Тува в тот период была поделена на военно-феодалные уделы — кожууны. Система деления по территориальному признаку была призвана привязать кочевников к стационарным центрам власти и таким образом снизить влияние традиционных родовых институтов. В свою очередь, это означало появление новых идентичностей взамен привычных. В этих же целях и в рамках консолидации своего обширного полиэтнического государства маньчжурское правительство способствовало распространению буддизма на территории Тувы. Он виделся ему в качестве государственной идеологии, способной не просто обеспечить лояльность местного населения, но и связать его с остальными регионами Китая крепкими духовными узами. Не случайно, что поблизости от буддийских монастырей, которые исполняли и образовательную функцию, возникали в то время и новые центры власти [Монгуш 2010: 69].

Обращает на себя внимание то, что в Пекине практически всегда рассматривали Туву в качестве особой приграничной зоны. В соответствии с популярным принципом *цзими буцзюэ*, или «политики ненатянутой узды» [Моисеев 1983: 118], центральные власти стремились к тому, чтобы, с одной стороны, обезопасить ее территорию от притязаний со стороны России, одновременно пытаясь дистанцировать ее от остальной Монголии также. Понимая, что тюркоязычное население Урянхая будет всегда находиться в скрытой оппозиции к соседям-монголам, которые, в свою очередь, никогда окончательно не смирятся со своим подчинением Китаю, власти в Пекине видели в Туве лояльный центру рычаг воздействия на чисто монгольские регионы и всеми силами препятствовали ее интеграции в их состав. Именно этими соображениями внутренней политики и может быть объяснен тот факт, что в то время

¹ Само это название — Урянхай — скорее всего, дань монгольской традиции, ибо тувинцы его не использовали [История Тувы 2001: 308].

как российские власти выставили в соответствии с Буринским договором свои пограничные заставы вдоль Саянских гор, китайцы расположили линию так называемых «монгольских караулов» южнее хребта Танну-Ола. При этом, как подчеркивали китайские источники, цзянцзюни, объезжая свои границы, доезжали только до этих южных караулов, не считая территории к северу от них своими [Родевич 1910: 107].

В результате почти вся территория современной Тувы оставалась пустотой в центре Азии — ничейной, серой зоной, простиравшейся на сотни километров в трансграничном пространстве двух государств. С одной стороны, ее посещение было строго регламентировано китайскими властями, и перемещение туда как китайцев, так и монголов было сильно затруднено. С другой же — несмотря на то что Россия фактически не претендовала на территорию Тувы, проникновение туда ее подданных было облегчено тем, что границу России и Китая с севера охраняли лишь редкие русские караулы. Пограничное начальство ожидало относиться к фактам перемещений собственных граждан на территорию соседнего государства благосклонно и, по сути, никак этому не препятствовало. Не препятствовало оно и встречному проникновению на свои земли тувинцев, осуществлявших на территории Усинского пограничного округа Енисейской губернии разнообразную хозяйственную деятельность. Не вызывало их серьезных возражений даже регулярное посещение этих земель тувинскими чиновниками [Дацышен 2009: 137].

Всемерно способствовал превращению Тувы в трансграничную зону пустоты в центре Азии и тот примечательный факт, что контроль над регионом был доверен китайским правительством самим тувинцам. Урянхаем еще с конца XVIII в. управлял так называемый амбын-нойон, ставка которого располагалась в Самагалтае, неподалеку от границы с Монголией, в то время как цзянцзюнь практически не вмешивался в его оперативную деятельность. Довольно быстро, уже начиная с четвертого амбын-нойона, местного уроженца, тувинского зайсана Даши, власть в Туве стала передаваться по наследству [Ховалыг 2010: 160]. Не будет преувеличением утверждать, что это произошло потому, что и китайское правительство, и монголы самоустранились от регулирования

политических процессов в этом отдаленном регионе. Сменявшим же друг друга представителям тувинской управленческой династии требовалось лишь формально подтверждать у вышестоящего руководства свое право на управление краем, легитимируя свою власть в глазах соотечественников. При этом они были самостоятельны в том, что касается осуществления властных полномочий в рамках сформированной китайцами системы.

С определенными оговорками череду тогдашних амбын-нойонов можно назвать первой тувинской династией [Сиилек 2016: 182; Резолюция... 2013: 2]. Ее появление на свет было вызвано использованием такой системы управления, при которой необходимость интеграции традиционных местных политических институтов уравнивалась потребностью государства иметь в глубоком тылу своих приграничных провинций активную буферную зону и рычаг воздействия на другие регионы. Именно этот достигнутый еще во времена пребывания Тувы в составе Китая управленческий компромисс заложил основу гибкой политики местных элит в их взаимоотношениях с любыми центральными властями. Вплоть до настоящего времени они умело используют свой приграничный статус и свое этническое своеобразие для того, чтобы гарантировать себе фактический суверенитет. Они умело маскируют его под те или иные политические формы, приемлемые в данный момент для властей того государства, в которое они формально входят и ресурсами которого пользуются, чтобы легитимировать свой исключительный статус среди соплеменников.

Стоит отметить, что подобная модель, при которой политическая власть остается в руках тувинцев, а представители центра удовлетворяются их формальными проявлениями лояльности и царящим на своих границах спокойствием, может способствовать развитию местной экономики. Серая зона с неопределенным статусом и возможностью послаблений и преференций со стороны местных властей, располагающих существенным управленческим ресурсом, всегда привлекала и внутренний, и внешний капитал, который видел в недостатке внимания со стороны центральной власти и проистекающей из этого правовой неопределенности потенциал для развития полулегальной трансграничной торговли. Создаваемая в таких

условиях теневая экономика, в свою очередь, иногда оказывала решающее влияние на ход дальнейших политических и социальных процессов как в самой Туве, так и за ее пределами.

Ситуация, сложившаяся в Урянхайском крае в самом начале XX в., отличное тому подтверждение. Тогда, в 1903 г., неожиданное решение цзянцзюня разрешить китайским купцам свободно посещать Туву открыло самый настоящий ящик Пандоры. Наступивший вслед за этим «десятилетний период активной торгово-ростовщической деятельности китайских предпринимателей привел к негативным последствиям для тувинского традиционного хозяйства и усилению политической зависимости тувинской элиты от Китая. Следствием этого стал резкий рост антикитайских настроений в регионе» [Дацышен 2011: 143]. Пользуясь неразвитостью товарных отношений и низким уровнем грамотности тувинцев, представители китайского торгового капитала, довольно быстро освоившиеся на территории Тувы, смогли закабалить местное население, заменив коллективный государственный гнет индивидуальной финансовой зависимостью. Предлагая доверчивым кочевникам широкий ассортимент товаров, необходимых им в повседневной жизни, а также буддийскую атрибутику на кажущихся лишь первоначально выгодными условиях, они смогли фактически поставить их под свой контроль [Сафьянов 1928: 160]. При этом тувинцы, попавшие в кабалу китайских купцов, уже не могли надеяться на помощь местной власти по той причине, что и ее представители также оказались в зависимости от китайского торгового капитала. Влияние же власти центральной в этом далеком приграничном регионе было ограничено изначально. В условиях коллапса системы управления, который сопровождал заключительные годы Цинской династии, оно и вовсе было сведено к нулю.

Интересно, что одновременно с этим в буферный приграничный регион стали активно проникать и русские купцы. Начало торговой экспансии россиян в Туву было положено еще казаками пограничной службы и старообрядцами [Монгуш 2010: 72]. В то время как казаки лишь sporadически использовали выгодные возможности, которые предоставляла им служба на границе, старообрядцы же первоначально искали в далеком горно-таежном краю уединения и свободы от

преследований со стороны государства, однако в конце концов неизбежно находили свое призвание именно на поприще торговли. После основания Турана, первого русского поселения на тувинской земле, коммерческая активность русских в Урянхае возросла, и в начале XX в. они активно конкурировали здесь с китайцами в том, что касается торговли с местным населением. Эксплуатация тувинцев с их стороны была чуть менее тяжелой, чем эксплуатация со стороны китайцев, и то лишь потому, что из России, как правило, доставлялись фабричные товары, менее привычные для кочевых тувинцев и оттого не столь необходимые им в повседневной жизни.

Следует подчеркнуть, что вместе с торговым капиталом со стороны России в Туву стал проникать и капитал промышленный. Это, в свою очередь, приводило к тому, что русские и тувинцы завязывали между собой не только торговые контакты. Местное население, включая и буддийское духовенство, стало охотно наниматься на работу на рудники и в качестве работников на фактории [Островских 1927: 88], что подготовило почву для появления этнически окрашенных классовых отношений. Начало строительства Усинского тракта лишь ускорило проникновение российского торгового и промышленного капитала. Именно подобным образом и был заложен фундамент коренных политических перемен в судьбе самого региона, которые стали следствием Синьхайской революции 1911 г. в Китае, приведшей к частичной утрате управляемости страной и в конечном счете к объявлению Внешней Монголией независимости.

Вообще, Туву начала XX в. следует считать прообразом модели эффективного трансграничного экономического сотрудничества в пределах обладающего особыми политическими правами приграничного региона с уникальной этнической спецификой. Ее базой служит сочетание гарантий безопасности со стороны крупного государства, реализующего на данной территории свой суверенитет, и значительной степени политической самостоятельности, которую оно же делегирует местным властям. Неминуемая их слабость компенсируется в этом случае резко возрастающими возможностями для организации полулегальной торговой и экономической трансграничной деятельности как подданными соответствующего государства, так

и зарубежными предпринимателями. В свою очередь, это сулит выгоду и им самим, и местным жителям, при условии, что те принимают активное участие в коммерческой деятельности.

Несостоятельность тувинского сценария начала прошлого столетия оказалась вызванной лишь тем, что российские и китайские купцы в Урянхае видели свою задачу исключительно в эксплуатации коренного населения и не предпринимали никаких попыток наладить взаимодействие между собой. Это приводило лишь к возникновению жестокой конкуренции, в то время как более уместная в этой ситуации кооперация оказывалась сведенной практически к нулю. Русско-китайская торговля, отличные возможности для организации которой предоставляли географические и политические особенности региона, так и не стала фактором его развития, уступив место торговле русско-тувинской и китайско-тувинской. При этом местного, тувинского купечества, которое могло бы взять на себя посреднические функции и стать фундаментом для развития локальной экономики, за редким исключением, к сожалению, так и не возникло.

В какой-то степени подобный сценарий был обусловлен природными особенностями Тувы, которая не просто отгорожена высокими горами от остального мира, но и, как уже было отмечено, рассечена ими же на множество не сообщающихся друг с другом районов. Внутренняя сегментация предопределила четкое разделение сфер влияния, в соответствии с которым русский капитал концентрировался в основном на севере региона, в то время как позиции китайцев были непоколебимы в его южной части. К сожалению, не актуализировали свой потенциал международных посредников и сами жители Тувы. По большому счету они остались пассивными участниками и объектами международной торговли и не предприняли никаких серьезных усилий для того, чтобы стать ее субъектами. Они, другими словами, так и не взяли на себя посреднической функции при организации взаимодействия русских и китайских купцов и промышленников, несмотря на то что существовавшая в те годы политическая система фактически автономного правления вполне им это позволяла.

Еще одна проблема заключалась в том, что местную элиту в целом устраивала двойственность геополитического положе-

ния Урянхая и она не стремилась играть какой-то более активной роли в международных отношениях. Ситуация, однако, изменилась в тот момент, когда Внешняя Монголия, частью которой край номинально являлся, встала на путь формирования собственного государства. В условиях вакуума власти, образовавшегося после Синьхайской революции, монголы предъявили свои права и на земли тувинцев, что многим из них показалось неприемлемым. Хорошо осознавая, что не обладают достаточными ресурсами для формирования собственного государства и защиты его от посягательств со стороны, часть местных элит во главе с амбын-нойоном Комбу-Доржу приняли решение обратиться к России и просить ее покровительства в вопросах обороны и внешней политики, а также содействия в формировании локальных государственных институтов. На Китай в этой ситуации рассчитывать не приходилось.

Некоторые современные историки обвиняют Комбу-Доржу в стремлении стать самовластным ханом за счет России и вспоминают, что, когда его первые просьбы о протекторате были проигнорированы российской стороной, он обратился за покровительством к той же самой Монголии [Самдан 2018: 6; Байыр-оол 2014: 23]. Действительно, можно говорить о жажде власти как об одном из мотивов действий амбын-нойона в этом случае, а также о его неразборчивости в выборе ситуативных союзников. Однако гораздо важнее, что в условиях политической, военной и экономической слабости самих тувинцев и подавляющей силы соседних государств для дальновидного политического деятеля принятие внешнего покровительства выглядело как возможная стратегия выживания и сохранения автономности. Немаловажно при этом, что эта игра на противоречиях соседних держав позволила ему не допустить окончательного поглощения Урянхая какой-либо из сторон и гарантировать ему ограниченный, но все-таки суверенитет.

Историки по-разному оценивают и тот факт, что в конечном счете Россия согласилась на установление своего протектората над Тувой. Симптоматично, что большинство русских ученых расценивают это событие скорее отрицательно [Кузьмин 2018; Василенко 2013]. В то же время большинство их тувинских коллег солидарны с официальной позицией нынешних властей республики [Государственный доклад... 2014] и расценивают

протекторат со стороны России как безусловно положительный эпизод в истории собственного народа [Доржу 2014; Бичелдей 2014; Моллеров 2014]. В связи с этим они, в частности, подчеркивают, что «протекторат России отвечал интересам большей части тувинского населения и способствовал сохранению целостности тувинской народности, закреплению и развитию ее языка, зарождению своей государственности» [Доржу 2014: 158–159].

Здесь следует вспомнить о том, что практика использования политического, экономического, а иногда и военного ресурса соседнего государства и привлечения его в качестве гаранта политической автономности в недалеком прошлом была распространена намного шире и при этом характеризовалась большой вариативностью форм. В настоящее время принято активно критиковать крупные государства прошлого за подобный «империализм». Однако в реальности инициаторами таких действий с их стороны, а зачастую и выгодоприобретателями становились те самые малые народы, для которых привлечение на свою сторону влиятельных внешних игроков оказывалось необходимым условием реализации их собственных политических амбиций и социокультурных стратегий. Интересно, что сами крупные государства, вынужденные растрачивать свои ресурсы на зачастую сомнительные внешнеполитические авантюры, получали в итоге лишь символические дивиденды, а экономические и политические издержки от поддержки или инкорпорации тех или иных народов и территорий в их состав оказывались существенными [Михалев 2021].

Что характерно, особенно преуспевали в этом вопросе как раз кочевые и полукочевые народы, политическая традиция которых не предполагает четких и структурированных обязательств по отношению к покровителю или формирования долгосрочного чувства лояльности на основе формальных отношений подчиненности. Кочевники могли при любой возможности, повинаясь велению момента или следуя сиюминутной выгоде, «откочевать» в пределы какой-либо иной крупной политической силы и попросить ее о покровительстве. Мобильность социальных структур и кочевой образ жизни позволяли находить нового сюзерена за тысячи километров от традиционных мест обитания, при этом новый союз также

оставался ситуативным. Именно подобная завидная адаптивность и имманентный оппортунизм степных политий позволили тувинцам уже в начале XX в. освоить и новый политический язык, и новые формы давно известной им практики принятия покровительства в своем стремлении оставаться неподконтрольными для любого формального сюзерена. Одной из таких форм и стало принятие ими протектората, который широко практиковался всеми европейскими державами во времена имперского противоборства конца XIX — начала XX в.²

Не вызывает сомнения тот факт, что Россия, согласившаяся принять под свое покровительство Урянхайский край, преследовала и свои собственные стратегические интересы. Безусловно, в Санкт-Петербурге рассчитывали на то, что в перспективе станет возможным интегрировать этот далекий сибирский край в общее социально-экономическое пространство империи, опираясь на постоянно растущую колонию русских поселенцев [Василенко 2013: 52]. История, однако, рассудила иначе, и спустя всего лишь три года после того, как Николай II начертал «Согласен» на докладной записке министра иностранных дел по поводу вхождения Тувы в состав России, в самой России произошли две революции, после чего династия, на верность которой присягали представители тувинской знати, прекратила существование. Формально после этого они могли считать себя освобожденными от каких-либо дальнейших обязательств³.

Довольно краткий по историческим меркам период пребывания Тувы в составе Российской империи оказался тем не менее значимым в том, что касается определения траектории ее дальнейшего развития. В силу особенностей международной обстановки того времени, а также по причине политической, экономической и социальной нестабильности одновременно и в России, и в Китае, и в Монголии Туве не удалось в тот момент реализовать свой буферный потенциал, который обеспе-

² В связи с этим можно вспомнить французские протектораты в Африке и Индокитае или английский протекторат над Египтом.

³ «Некоторые представители тувинской политической элиты заявили о том, что они присягали на верность Ак-хану (белому царю), поэтому после его отречения от власти протекторат прекращает свое действие в Туве» [Моллеров 2014: 54].

чивал ей статус протектората. Несмотря на это, стало очевидно, что ситуация, при которой буферный регион обладает ограниченной политической автономией в составе крупного государства, гарантирующего его внешнюю безопасность и общую структурную устойчивость, но при этом не вмешивающегося в его внутренние политические процессы, может быть выгодной для всех заинтересованных сторон.

Накопившееся за время пребывания в империи Цин раздражение тувинцев в отношении китайских торговцев, которое вылилось в антикитайские реквизиции, безусловно, не способствовало превращению Тувы в центр трансграничной торговли. Мешали этому и ориентированность русского купечества того времени на эксплуатацию местных ресурсов, и сосредоточенность на местных рынках, а также общее невнимание властей в Санкт-Петербурге к ситуации на восточных рубежах страны в условиях разгоравшейся войны на ее западных границах. Протекторат, иными словами, оказался слишком кратковременным и при этом случился в крайне неблагоприятный исторический момент. Несмотря на это, он, однако, стал тем истинно судьбоносным событием, которое навсегда связало судьбу Тувы с судьбой России и определило ее особый статус как полуавтономного буферного региона на ее границах в Азии.

Перипетии последующих лет, когда в крае попеременно утверждалась власть Временного правительства, «Омского правительства» Колчака и большевиков и не менее активную роль играли монгольские и китайские военные отряды, изучены обстоятельно и подробно [Ондар Г.А. 2000; Молчанов 2012]. Общеизвестно и то, что в 1921 г. Всетувинский учредительный хурал провозгласил образование независимой Народной Республики Танну-Тува Улус. Не вызывает сомнения, что планам тувинцев на полное политическое самоопределение не суждено было бы сбыться без предшествовавшего этим событиям внешнеполитического покровительства со стороны России и того управленческого, социального и экономического опыта, который принесло Туве пребывание в ассоциации с одним из самых мощных государств мира того времени. Не случайно, что и спустя сто лет после принятия протектората в современной Туве на самом высоком уровне утверждается, что «Тува в союзе с Россией получила, можно сказать, статус

как бы автономии, условия для обретения национальной идентичности и перспективу строительства собственной государственности» [Государственный доклад... 2014].

Период же собственно государственности, который, как уже было сказано, начался в 1921 г. провозглашением Республики Танну-Тува Улус, в дальнейшем превратившейся в Тувинскую Народную Республику (далее — ТНР), оказался хотя и относительно кратким, но заслуживающим самого пристального рассмотрения. Спустя всего 23 года после своего создания это небольшое государство в центре Азии фактически самоликвидировалось, попросив о вхождении в состав Советского Союза. В 1944 г., в разгар Великой Отечественной войны, официальная просьба руководства ТНР была удовлетворена, и Тува вновь, спустя тридцать лет, воссоединилась с Россией. Обе страны за предшествовавшие этому событию три десятилетия прошли сквозь серию важнейших трансформаций, и потому их новый союз не стал повторением предыдущего, хотя предпосылки для объединения вновь оказались схожими. В частности, Тува, как и накануне Первой мировой войны, искала в союзе с северным соседом внешнеполитических гарантий, экономической помощи и содействия в организации системы управления, прекрасно понимая, что своими силами с этими задачами ей не справиться. Для их достижения элиты ТНР готовы были пожертвовать даже суверенитетом своей страны.

Спустя три четверти века вызывает удивление, что жители независимой республики в центре континента не просто принесли в жертву столь ревностно оберегаемую другими народами государственность, но и вплоть до настоящего времени воспринимают этот факт по большей части положительно⁴. В современном мире, где национальный суверенитет очень часто фетишизируется и практически возведен в ранг высшей ценности, ради достижения которой возможны и оправданны любые жертвы, равнодушное отношение тувинцев к тому факту, что еще в середине XX в. они проживали в независимом государстве, способно поставить исследователя в тупик. Еще более удивительным видится данный факт в контексте

⁴ Сомнения по поводу добровольности и оправданности вхождения Тувы в СССР высказываются в основном западными авторами и, с недавнего времени, на Украине [Отрошенко 2017].

того, что было сделано тувинским народом за краткий период его политической независимости.

Как представляется, для того чтобы дать объективную оценку этой уникальной главы его истории, следует прежде всего оставить за скобками кадровую и идеологическую чехарду, которая зачастую затмевает все ее достижения. На самом деле управленческий хаос характеризует почти любое новое политическое образование, которое вынуждено в кратчайшие сроки и в условиях полной неопределенности формулировать правила и регламенты, одновременно стараясь сбалансировать интересы различных групп. Всего этого не удалось избежать и Туве, где за три с небольшим десятилетия власти несколько раз меняли название государства, а также приняли пять (!) конституций [Дубровский 1958]. Вопросам же бесконечной смены государственной символики во времена ТНР посвящена полноценная монография [Бичелдей, Монгуш 2019].

Идеологический фундамент нового государства также сложно было назвать стабильным. Как известно, первоначально сторонниками государственной независимости были в основном представители местной знати, буддийское духовенство, русские купцы и крупные земельные собственники. Простые же араты в своей массе были безграмотны [Ондар Е.М. 2016а: 142]. В связи с этим специфический вариант марксизма, тесно переплетенный с буддийским учением, который был принят в качестве идейной основы, стал лишь удобной ширмой для национально-освободительного по своей сути движения, нуждавшегося в поддержке со стороны Советской России. Характерно, что первым главой независимого правительства был избран последний амбын-нойон Тувы Соднам-Балчыр, а в его состав вошло значительное количество представителей буддийского духовенства [Хомушку 1998: 71–72]. Вторым председателем Совмина Тувы был избран лама Верхнечаданского хурэ Куулар Дондук; председатель Госбанка ТНР Онон Танчай также получил образование в монастыре [Монгуш 2010: 87]. Лишь позднее, когда в конце 20-х годов XX в. в Туве усилилось влияние Коминтерна и произошел так называемый левый поворот [Моллеров 2013], здесь был взят курс на построение социалистического государства по советскому типу. В ходе этого процесса многие из руководителей первой волны, а также ламы и шаманы

ны были репрессированы [Доржу, Иргит: 2017; Ондар Е.М. 2016б: 160–162], а марксизм стал восприниматься как догма.

При всех недостатках, идейной и организационной слабости тех политических режимов, что сменяли друг друга в Туве на протяжении 1921–1944 гг., следует признать, что в том, что касается социального и экономического развития республики, за годы независимости было сделано действительно немало. Безусловно, подавляющая часть изменений была достигнута благодаря всесторонней помощи со стороны Советской России, которая не просто финансировала развитие молодой республики и передавала ей в дар важнейшие объекты инфраструктуры, но и готовила специалистов, а также делилась с ней своими управленческими и производственными технологиями. Однако не стоит забывать и о том, что сами тувинцы не были пассивными участниками процессов модернизации, которым подверглось в первой половине двадцатого столетия их архаичное кочевое общество.

Говоря о том, что было сделано, следует напомнить, что именно тогда была практически с нуля создана финансовая система страны. «Произошло поэтапное становление главных финансово-экономических институтов, таких как налоговая, кредитная политика и государственный бюджет, а также развитие основных отраслей экономики страны» [Харунова, Харунов 2019: 219]. С трудом, но все-таки внедрялось налогообложение, был учрежден и начал работать Тувинбанк, курировавший развитие ключевых отраслей промышленности и сельского хозяйства, в 1935 г. была выпущена собственная денежная единица, *акша*. Несмотря на то что на территории Тувы долгое время сохранялся натуральный обмен, хождение акши было ограничено, а ее стабильность обеспечивалась привязкой к советскому рублю, внедрение в отдаленной центральноазиатской республике современных денежно-кредитных отношений следует признать значимым достижением. Развивались в ТНР и современные формы торговли: в Кызыле, к примеру, заработали магазины готового платья, пришедшие на смену старым торговым лавкам.

В период независимости в Туве также начали выходить газеты на русском и тувинском языках, в большом количестве издавались книги и школьные учебники. Группой советских

ученых под руководством А.А. Пальмбаха был создан алфавит на основе кириллического письма, который пришел на смену алфавиту на основе латиницы, разработанному чуть ранее [Монгуш 2010: 91]. Наряду со школами при буддийских монастырях, которые в прошлом были единственным местом, где представлялось возможным обучиться грамоте, открылись и гражданские школы, причем не только в столице республики, но и в ее сельских районах. В 2010 г. в Кызыле был открыт памятник первым русским учителям в знак признания со стороны современных тувинцев того, что именно благодаря энтузиазму и бескорыстному труду волонтеров из СССР их предки получили возможность приобщиться к передовым достижениям науки и культуры того времени.

В 1935 г. в Кызыле был создан собственный театр. В период ТНР заработали первые кинотеатры, в республике быстрыми темпами разворачивалась сеть киноустановок [Мунге, Монгуш 2020], а республиканский музей пополнился собранием живописи, переданным в дар Туве Государственным Русским музеем и Государственным Эрмитажем [Хертек 2009: 328–329]. Значительные успехи были достигнуты в организации медицинского обслуживания. «Благодаря советским медико-санитарным экспедициям в Туве сформировалось ядро народного здравоохранения» [Башкуев 2018: 62], строились больницы, открывались фельдшерские пункты [Шабаев 1975: 22–23], а тувинские юноши и девушки отправлялись на учебу в медицинские учебные заведения СССР. Активно пропагандировались и внедрялись в быт новые стандарты гигиены, которые были призваны предотвратить возникновение эпидемий. Коренные перемены происходили и в быту простых тувинцев.

Именно во времена ТНР было покончено с транспортной изоляцией края, причем в этом процессе принимали активное участие и сами его жители. Безусловно, окончательное введение в строй Усинского тракта, по которому было налажено круглогодичное транспортное сообщение, стало возможным благодаря Советскому Союзу, заинтересованному в развитии всесторонних отношений с соседним государством. Однако строительство дороги через перевал Калдак-Хамар в горах Танну-Ола к северу от Самагалтая, который и не позволял Туве стать единым организмом, было осуществлено исключительно

усилиями самих жителей ТНР. Изрядно романтизированный [Сувандии 2009], но при этом редко упоминаемый в современном контексте, этот важнейший колесный путь был сооружен в 1938 г. методом народной стройки. Простые араты, прибывшие по призыву правительства на Калдак-Хамар, с помощью кирок и лопат смогли в течение трех лет построить дорогу, которая сделала возможным прямое сообщение южных районов с остальной территорией республики. Существовало у этой трассы и внешнеэкономическое измерение. Дело в том, что она существенно сокращала путь от Красноярска и Кызыла до границы с Монголией, а значит, потенциально и до Китая, что открывало возможности для расширения международного сотрудничества и превращения ТНР в важный транзитный регион.

Политических препятствий для этого к тому времени практических не осталось. Отношения с Монголией, которая под давлением СССР признала Туву в 1926 г. и даже направила в Кызыл свое посольство, были урегулированы. Монголы и тувинцы вели между собой активную торговлю, которая вплоть до начала репрессий против духовенства сопровождалась еще и визитами монгольских лам в республику. Китай, который был теперь отделен от Тувы независимой Монголией, находился в затяжном политическом и социальном кризисе и потому не мог претендовать на ее территорию. При этом, несмотря на фактическое прекращение торговых отношений, вызванное изгнанием китайских торговцев в 1912 г., тувинцы продолжали ездить в Китай на заработки [ПМА 2022]. Все это благоприятствовало превращению ТНР в динамично развивающееся государство, находящееся в сфере влияния СССР и способное при этом стать его воротами в мир Восточной Азии. Представляется, что это отвечало интересам и самой Тувы, и Советского Союза, тем более что последний сохранял все рычаги влияния на процессы, происходящие в ТНР. Не считая многочисленных советников в аппарате правительства республики, немаловажным фактором оставалось и наличие здесь Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), в 1932 г. реорганизованной в комитеты советских граждан⁵.

⁵ Подробно эволюция и роль РСТК в развитии советско-тувинских отношений рассматриваются в работах историков Н. Моллерова [1989] и В. Дацышена [2016].

Тува, однако, добровольно отказалась от суверенитета, войдя в состав РСФСР на правах автономной области. Ни среди профессиональных историков, ни в народной памяти не сформировалось четкого понимания причин того, почему тувинцы столь беззаботно расстались со своей довольно успешной независимостью. В народе пользуется популярностью точка зрения, согласно которой это было волонтаристское решение тогдашнего лидера ТНР, Солчака Тока, который затем еще в течение многих лет, вплоть до своей смерти в 1973 г., возглавлял регион уже в составе РСФСР. Поговаривают даже, что он «продал Туву» [ПМА 2022]. Однако вряд ли можно всерьез утверждать, что возможность променять статус главы государства на позицию главы региона является такой уже привлекательной. Не выдерживает серьезной критики и официальная позиция, согласно которой вхождение ТНР в состав СССР было предрешено самим ходом исторического процесса⁶.

Скорее можно говорить о том, что идея полной политической независимости не нашла отклика в самом тувинском обществе. В пользу этого предположения и то, что современные тувинцы почти поголовно склонны приписывать все положительные и отрицательные перемены, произошедшие в жизни их народа в XX в., советскому периоду. Напоминание же о кратком времени политической самостоятельности не вызывает у них никаких эмоций. При этом в их несколько идеализированном мире эпоха ТНР рисуется «золотым веком» кочевой культуры, когда не было краж и убийств, а дети уважали родителей. Когда, по их собственным словам, «жизнь была хуже, а люди лучше» [ПМА 2022]. Советский же период, и только лишь он, прочно ассоциируется с развитием промышленности, улучшением качества жизни и уверенностью в будущем. При этом они склонны забывать, что всем тем положи-

⁶ Как говорится по этому поводу в официальном документе, «вхождение Тувы в состав Советского Союза стало очередным и вполне ожидаемым шагом на пути многовекового сближения русского и тувинского народов, на пути от единения к единству, которое началось еще в начале XVII и завершилось в середине XX в. Развитие национальной государственности по советскому образцу, советско-тувинское сотрудничество во всех областях общественной жизни объективно и неуклонно вели Туву к все более тесной интеграции с советской государственной и общественной системой» [Государственный доклад... 2014].

тельным изменениям, с которыми они связывают модернизацию, рост уровня жизни, а также тесно связанные с ними побочные эффекты, включая утрату традиционной культуры и эрозию социальных связей, был дан старт именно в период их самостоятельного существования в форме Тувинской Народной Республики.

Вполне возможно, что к этой своеобразной амнезии, которая наблюдается в современном обществе, ведет отторжение того факта, что в действительности политические репрессии, а также насильственная коллективизация, перевод на оседлость, слом традиционного образа жизни и деградация народной культуры осуществлялись по инициативе и под руководством самих тувинцев. Во многом неосознанно приписывая и тот прогресс, что был достигнут благодаря реформам, которые начались в 20-е годы во времена ТНР, и те негативные последствия, к которым они привели, следовавшему вслед за ними советскому периоду, жители республики как бы отстраняются от плодов собственных трудов. В подобной интерпретации сохранение национальной самобытности не противоречит росту уровня жизни, ведь первое можно поставить в заслугу себе, а второе переложить на плечи соседнего государства, взявшего затем на себя ответственность за развитие региона. Жить же на укромной, тихой окраине, пользуясь уникальностью своего географического положения, для того чтобы гарантировать себе политическую и культурную автономию и сохранить этим самым свою культуру, оказывается перспективнее яростной схватки за собственное будущее, которая приводит к тому, что ради победы в этой борьбе своей самобытностью приходится жертвовать.

В этом смысле период пребывания Тувы в составе Советского Союза можно назвать ее действительным «золотым веком», когда положительные перемены происходили, но происходили сами собой и уже не требовали жертв со стороны жителей республики. Оставляя в стороне идеологизированные оценки того времени, которые сильно зависят от политических пристрастий оценивающего, следует признать, что в народной памяти период с 1944 по 1991 г. стойко ассоциируется с прогрессом, процветанием, чувством защищенности, уверенностью в завтрашнем дне и социальной гармонией. И если эпоха

ТНР в лучшем случае воспринимается современными тувинцами как век их «присной старины», то эпоха СССР отложилась в памяти как век «прогресса» вне зависимости от того, что каждый конкретный человек вкладывает в это понятие.

Официальные же оценки советского периода в основном концентрируются на социально-экономических аспектах вопроса. В 2014 г., в год столетия вхождения Тувы в состав России, был подготовлен пространный официальный доклад, в котором был изложен взгляд нынешнего руководства республики на ее историю. Советскому периоду в тексте доклада уделено довольно много внимания, однако оно сконцентрировано в основном лишь на социально-экономических аспектах⁷. В 2016 г. вышел в свет третий том «Истории Тувы» под редакцией Н. Моллерова [История Тувы... 2016], на страницах которого дана интерпретация событий 1944–1991 гг., тщательно выверенная уже учеными республики. Выглядит этот том больше как серия рассказов о производственных достижениях, хотя и сделан он, с учетом различных позиций по данному вопросу, «проблемно, объективно и корректно» [Оплаканская 2017: 137]. Из современных тувинских исследователей лишь Ч. Ламажаа предприняла попытку анализа достижений и недостатков советского периода в контексте более общих размышлений о факторах, определяющих динамику и траекторию развития тувинского народа. Однако и ей не удастся выйти за рамки общепринятых представлений о «золотом веке» процветания, хотя она и признает, что модернизация по-советски не учитывала культурных особенностей Тувы и была по сути своей насильственная [Ламажаа 2008: 81].

На самом деле при перечислении того, что произошло за почти полвека пребывания Тувы в составе СССР, бросается в глаза, что ничего принципиально нового в республике создано не было. Все те позитивные и негативные перемены, что характеризуют ее развитие после 1944 г., были запущены еще во времена ТНР и затем лишь синхронизированы с теми процессами, что протекали в это же время в Советском Союзе.

⁷ «Советский период, особенно 60–80-е годы, для Тувы был временем наиболее быстрого развития экономики. Тува существенно продвинулась в наращивании экономического потенциала и решении социальных вопросов» [Государственный доклад... 2014].

Не вызывает сомнения, что изменения в экономике, особенно в 50–60-е годы XX в., происходили ускоренными темпами, но по сути своей они не несли с собой ничего революционного. Создавались колхозы, происходил переход на оседлость, реформировались органы государственного управления, строились дороги, развивался транспорт, в Туве появилась собственная промышленность; развивалось здравоохранение, вырос уровень грамотности, сформировалась собственная интеллигенция. Даже при беглом взгляде на этот длинный список достижений советского периода, которыми действительно можно гордиться, заметно, что фундамент всех этих позитивных перемен был заложен еще во времена существования Тувинской Народной Республики. Советской же власти оставалось лишь «обильно удобрить» уже хорошо подготовленную до этого почву.

В реальности самым существенным отличием ситуации *до* от ситуации *после* 1944 г. стало то, что в период СССР власти республики практически отказались от ответственности за принятие важных экономических и политических решений и предпочли роль аккуратных исполнителей чужой воли. Это позволяло им сохранять ограниченный контроль над ситуацией в республике в своих личных интересах и без угрозы быть призванными к ответственности в случае ее резкого ухудшения. В определенной степени здесь можно проследить символические параллели с эпохой амбын-нойонов, когда власть, а вместе с ней и вся полнота ответственности де-юре принадлежала центральному правительству, де-факто же почти все полномочия были переданы в руки местной политической династии, со стороны которой требовалось лишь проявление лояльности.

Существовали, конечно же, и отличия, обусловленные и духом времени, и особенностями политического устройства СССР, где, к примеру, не предполагалась прямая передача власти по наследству. Важно, что в то время как значительный вклад Советского Союза в социально-экономическое развитие Тувы отрицать невозможно, китайское правительство практически не заботилось о развитии своей далекой окраины. Продиктовано это было в том числе тем, что маньчжуры, как уже было отмечено, не считали Урянхай полностью своей территорией и рассматривали его скорее в качестве буферной зоны

на своих северных границах и одновременно внутреннего союзника в глубине беспокойных приграничных провинций. В результате, несмотря на формальное нахождение в составе крупного государства, территория Тувы оставалась той самой «пустотой» в центре Азии, которая была необходима для сохранения ее общей устойчивости.

Для Советского Союза интеграция нового приграничного региона в общее политическое, социальное и экономическое пространство страны являлась приоритетной задачей, а его культурная уникальность и транспортная оторванность представлялись препятствием. Так как трансграничный потенциал Тувы практически не принимался во внимание, контакты с соседями сводились к минимуму и регион постепенно утрачивал свой буферный характер. В результате государственный патернализм превратил его в дорогостоящий тупик, появление которого было обусловлено осознанной пассивностью местных элит и неспособностью центральной власти рационально использовать геополитический потенциал своей окраины себе на пользу. Ситуация, при которой Тува полностью встала на довольствие центра, привела не только к эрозии инициативы в политике. Застойные явления наблюдались и в экономике, которой более не требовались новые импульсы роста и которая в итоге просто застыла в развитии.

В свою очередь, это привело к тому, что события конца 80-х — начала 90-х годов прошлого столетия протекали по особенно драматичному сценарию именно в Туве. Слом советской политической системы и переход на рыночные рельсы в экономике сопровождались здесь такими эксцессами, что республика превратилась в один из самых проблемных регионов России того времени. С одной стороны, «при первых порывах „рыночных ветров“ были утрачены необходимые условия функционирования предприятий и целых отраслей» [Бегзи 2017: 105]. С другой — характерными символами той эпохи стали национальное движение во главе с Народным фронтом «Хостуг Тыва» и радикальная декларация о государственном суверенитете, принятая в 1990 г. и провозгласившая Туву суверенным государством в составе РСФСР. Произошли и столкновения на национальной почве, которые привели к фактическому исходу русского населения с территории республики. Вкупе

с неспособностью центральных властей купировать ситуацию все это привело к тому, что на исходе XX в. Тува фактически погрузилась в состояние анархии, близкое к тому, которое ей пришлось пережить почти столетие назад, в период после Синьхайской революции в Китае.

В то время на слуху был в основном разгул уличной преступности, захлестнувшей улицы Кызыла и районных центров республики, однако не менее тревожные тенденции наблюдались и в социальной, экономической и политической сферах жизни. Происходящее в те годы в Туве можно, вслед за Ч. Ламажаа, назвать архаизацией [Ламажаа 2011: 11, 15], так как это было по своей сути возвращением к эпохе, предшествующей модернизации, которая в глазах населения республики прочно ассоциировалась с периодом ее пребывания в составе СССР. В политике архаизация означала возвращение к клановости, в экономике же ее симптомами стала фактическая деиндустриализация, сопровождавшаяся частичным возвратом населения к кочевому образу жизни и натуральному обмену. В 90-е годы XX в. вернулось из исторического небытия даже такое маргинальное явление, как конокрадство [Aiyzhy et al. 2021]. В то же время в социальном плане архаизация означала постепенное снижение уровня грамотности, закрытие объектов соцкультбыта, развал системы здравоохранения, а также рост таких социальных пороков, как безработица, преступность, пьянство и беспризорность [Кужугет, Татаринцева 1994: 5–6]. Прямым следствием всех этих явлений стало общее снижение качества и продолжительности жизни.

Похожие тенденции архаизации, хоть и в несколько иной форме, наблюдались в тот период и в других регионах России [Ламажаа, Абдулаева 2014], при этом часть из них удалось преодолеть в дальнейшем по мере того, как улучшалась общая ситуация в стране, рос ее ВВП и стабилизировалась политическая система. С эксцессами парада суверенитетов было покончено с укреплением вертикали власти, клановости был придан приемлемый для общества облик, уличная преступность пошла на спад, а система социальных гарантий для населения восстановлена благодаря щедрым субсидиям из федерального центра. Более всего в конечном счете пострадал промышленный потенциал Тувы, а также транспортная и строительная

отрасль ее экономики, которые так и не были окончательно восстановлены. В начале XXI в. республика, по сути, превратилась из аграрно-индустриальной вновь в аграрную.

На самом деле поражает тот факт, что этот советский период истории закончился столь драматическим образом, причем наследие СССР разрушалось с нескрываемым энтузиазмом самими тувинцами и под руководством самих тувинцев. Не менее удивительным кажется и то, что делалось это не для того, чтобы расчистить место под строительство чего-то нового и более прогрессивного. На смену ставшим практически в одночасье ненавистными символам советского строя пришли давно забытые символы прошлого, и Тува во многих отношениях вернулась даже не во времена ТНР или протектората со стороны России, а прямоком в эпоху Цинской империи — другими словами, в полузабытый уже XIX век.

Не в том, конечно же, смысле, что изменилась внешнеполитическая ориентация руководства республики или ее коренного населения. Нет, Китай до сих пор вызывает здесь сугубо негативные эмоции, а исторический выбор в пользу России не подвергается сомнению. Скорее речь идет о том, что тувинцы отказались от тех идей трансформации традиционного образа жизни, что оставались лейтмотивом развития и во времена независимости, и в советский период. Вместо этого они вновь сделали свой выбор в пользу существования в полузабытой уже серой зоне «между линиями караулов», как это имело место в период с 1727 по 1911 г. С той лишь разницей, что хребты Саян и Танну-Ола в этот раз как бы поменялись местами. Внешняя, в полном смысле этого слова, государственная граница теперь проходит вдоль южных рубежей Тувы, граница же внутренняя обрамляет ее территорию с севера. В XXI в. она уже отделяет тувинцев не от Монголии, а от «Засаянья», или, другими словами, от остальной России. Они не против того, чтобы оставаться вовлеченными в общенациональные процессы и даже испытывают по этому поводу искреннюю гордость, однако настаивают на том, чтобы вмешательство центральных властей во внутренние дела республики не превышало допустимую норму даже в том случае, когда это вмешательство ставило своей целью улучшение их собственного материального положения.

Скорее подсознательно, чем осознанно, тувинцы предпочитают магистральному пути развития пребывание в статусе буферной зоны со своими полупрозрачными правилами и особой ролью в системе межгосударственных отношений, даже если это вредит их краткосрочным интересам. В этом плане показательной является продолжающаяся уже несколько десятилетий общественная дискуссия по поводу строительства железной дороги Курагино–Кызыл, которая призвана соединить Туву с территорией остальной России. На рассудочном уровне каждый из жителей республики понимает, что строительство улучшит транспортную ситуацию, поможет снизить цены на строительные материалы, будет способствовать приходу инвесторов и в конечном счете приведет к росту уровня их жизни. На подсознательном же уровне что-то подсказывает им, что транспортная доступность означает еще и прямую угрозу их самобытности, образу жизни и в конечном счете привилегированному положению полуавтономного буферного региона в центре континента. Так что простые тувинцы, как правило, открыто не одобряют проект строительства этого важнейшего инфраструктурного объекта [ПМА 2020].

Итак, почти вся новая и новейшая история этого края, зажатого в самом центре Азии между тремя крупнейшими государствами континента, — это история тщательно оберегаемой культурной автономии, которая достигается именно теми способами, что оказываются приемлемыми в разное время в той или иной международной обстановке. В случае отсутствия жесткого давления со стороны, власти Тувы легко жертвуют формальным суверенитетом, для того чтобы привлечь ресурсы соседнего государства и таким образом укрепить свою самобытность, стремясь при этом оставаться далекой, отрезанной внутренними преградами от остальных районов страны окраиной. В ситуации же прямой или косвенной угрозы этому статусу они либо шантажируют центральные власти возвратом полного суверенитета, либо, если этого требует обстановка, действительно это делают. В свою очередь, суверенитет, неизбежно предполагающий развитие за счет самомодернизации и, таким образом, также ставящий под угрозу традиционный уклад жизни, оказывается востребованным лишь только до того момента, пока не получается вновь договориться с одним

из соседних государств о приемлемых условиях существования Тувы в его составе в статусе далекой, самоуправляемой окраины.

Это достаточно сложная и тонкая игра, победа в которой зависит от того, насколько филигранно удастся местным властям избежать крайностей абсолютной зависимости от соседнего государства и абсолютной же независимости от кого-либо вообще. В том случае, когда ситуация выходит за грань приемлемости, включается защитный механизм народа, и тот интуитивно отказывается от существующей модели. Так, «золотой век» собственной государственности, просуществовавшей с 1921 по 1944 г., был без сожаления прерван тувинцами в связи с тем, что движение по этому пути запустило механизм трансформации традиционной культуры, ибо он был необходим для того, чтобы выжить самостоятельно. Руководством страны был в тот момент избран путь принятия навязываемых извне трансформаций, так как в этом случае оставалась возможность апеллировать при переговорах с патроном к собственной культурной уникальности и повышать уровень жизни, не принося для этого в жертву ее уклад. В тот же момент, когда подобная модель внешней трансформации в конце концов открыла путь к окончательной интеграции в состав СССР и полной потере такой самобытности, Тува воспользовалась исторической возможностью и повернула процесс в противоположную сторону, в этот раз без каких-либо сожалений отвергнув очередной «золотой век» и погрузившись в архаику, чтобы избежать окончательной ассимиляции.

Основой национальной идентичности, которую тувинцы так тщательно оберегают и которая, в свою очередь, дает им возможность сохранить свою непохожесть при любом политическом режиме и в составе любого государственного образования, являются кочевое животноводство и обусловленный им подвижный образ жизни. С одной стороны, он позволяет тувинцам «откочевывать» каждый раз, когда над ними нависает угроза ассимиляции, с другой — позволяет оставаться непонятными и по этой причине неуязвимыми для соседних земледельческих народов, русских и китайцев. Их же самих тувинцы используют каждый раз для того, чтобы не раствориться в составе такого же кочевого народа, как и они сами, — монголов.

Животноводство обеспечивает им приемлемый уровень жизни в ситуации, когда за развитие других отраслей экономики отвечает государство, и является при этом самодостаточным в том смысле, что не привязывает их к стационарным центрам, существование которых видится тому как способ их «приручения».

К сожалению, следует отметить, что во многом именно по причине привязанности тувинцев к кочевому образу жизни из их среды так и не вышли крупные предприниматели. В результате им всегда приходилось идти на контакт с соседями, что каждый раз неизбежно ставило их независимое существование под угрозу. В отличие от тех же монголов, которые также являются кочевниками, но которые в конце концов освоили и торговое ремесло, превратившись в умелых посредников между русскими и китайцами, тувинцы так и не смогли извлечь из своего промежуточного положения между земледельческими цивилизациями какой-либо существенной материальной выгоды. Предоставляя свою территорию для осуществления коммерческих операций то одним, то другим, то и тем и другим одновременно, они постоянно попадают от них в финансовую зависимость, которая иногда оказывается даже более пагубной, чем зависимость политическая. В результате извечная экономическая несостоятельность Тувы постоянно подрывает все достижения ее внешнеполитической изворотливости, раз за разом вынуждая тувинцев «откочевывать» на все более невыгодные стратегические позиции.

В результате вслед за резким снижением возможностей для политического маневра, ставшим следствием торжества принципа нерушимости границ, воцарившегося после окончания Второй мировой войны, Тува оказалась перед необходимостью искать новые стратегии, чтобы сохранить свою автономность и культурную уникальность в условиях быстро гомогенизирующегося мира. Такая возможность появилась у нее вследствие распада СССР и слабости Российского государства в период резких социальных, политических и экономических трансформаций, следовавших вслед за этим. По уже давно заведенной традиции руководство Тувы попыталось тогда вновь «откочевать» в сторону максимальной политической автономии, сделав при этом ставку на возрождение традиционного животноводства и возврат части населения к кочевому

образу жизни. Ставка эта частично сработала, однако неспособность и в этот раз извлечь выгоду из своего трансграничного положения для достижения большей экономической самостоятельности привела к тому, что республика в очередной раз попала в капкан несоответствия своих политических и культурных амбиций своим же более чем скромным экономическим возможностям. В результате Тува была вновь вынуждена вернуться к тактике внутриполитического лавирования в составе Российской Федерации.

С одной стороны, ей все-таки удалось добиться значительного уровня политической автономии и сохранить при этом свою культурную обособленность. С другой же — республика вновь, как и в прошлом, не в состоянии гарантировать устойчивость культурного суверенитета по причине своей всеобъемлющей экономической зависимости от дотаций из федерального центра. Существует ли хотя бы в теории возможность преодолеть это противоречие и превратить культурную и этническую самобытность в основу экономического процветания и чем это может быть выгодно остальной России — вот на самом деле тот ключевой вопрос, который должен стоять сейчас на повестке дня и в Кызыле, и в Москве. Поиску ответа на этот вопрос и будет посвящен следующий раздел.

***Настоящее:
новый протекторат,
или политика без экономики***

Все последние годы в фокусе внимания и правительства Тувы, и федеральных властей находятся проблемы экономического отставания республики. Вопросы же политической стабильности и связанных с ней угроз национальной безопасности, вызывавшие озабоченность государственных органов в самом конце XX столетия, отошли на второй план. Связано это с тем, что властям республики и федеральному центру удалось найти и согласовать тот динамический компромисс вовлеченности и автономности, который в настоящее время устраивает обе стороны.

Важным шагом на этом пути стало то, что Тува согласилась привести республиканское законодательство в соответствие с нормами федерального. Националистические же движения, добивавшиеся в 90-е годы ее выхода из состава России, прекратили какую-либо активную деятельность. Имела место и переоценка взглядов со стороны лидеров движения за независимость. Так, бывший председатель Верховного Хурала Республики Тыва и лидер Народного фронта К.А. Бичелдей, ныне являющийся директором республиканского музея, в наши дни высказывает более взвешенные взгляды на характер и перспективы взаимоотношений центра и республики. Так же как и раньше выступая за право Тувы на проведение своей собственной миграционной и экономической политики, он выражает искреннюю уверенность в том, что ее судьба должна быть неразрывно связана с Россией, которая обеспечивает ей надежную защиту в случае экспансии Китая и способствует ее экономическому развитию [ПМА 2020].

В то же время в республике практически не осталось почвы для межэтнических столкновений. После исхода русских, произошедшего в 90-е годы прошлого столетия, Тува и в особенности ее сельские районы фактически превратились в моноэтнический регион⁸. Хотя и в меньшей степени, чем раньше, процесс этнической консолидации коренного населения республики продолжается и в настоящее время [Балакина, Анайбан 2016: 86]. При этом большая часть русских, которые, несмотря ни на что, все-таки предпочли остаться в Туве, также являются коренными жителями этого края в нескольких поколениях — потомками дореволюционного русского населения или же переселенцев советской эпохи. Для подавляющего большинства этих старожилов республика является родным домом, а культурные различия между ними и местными тувинцами менее существенны, чем их же отличия от русских из Центральной России.

В свою очередь, это приводит к тому, что в Туве растет уровень внутренней сплоченности. В последнее время здесь отмечается своего рода «местный патриотизм», который оказыва-

⁸ Согласно данным Всероссийской переписи населения, прошедшей в 2010 г., доля русского населения в Туве составляла всего около 16%, что меньше, чем даже во времена независимой Тувинской Народной Республики.

ется свойственным в равной мере и коренным тувинцам, и местным русским. В этой ситуации можно говорить о формировании особой, внеэтнической идентичности жителей Тувы, наличие которой, с одной стороны, противопоставляет их гражданам жителям «Засаянья», с другой же — снижает возможность межнациональных конфликтов внутри самого региона. При этом важным фактором сохранения самобытности республики, как это ни парадоксально, является нарочито негативный, пугающий образ Тувы, который за последние годы сложился в медийном пространстве за пределами республики [Топоров 2018; Васильчук, Докшин 2021]. Благодаря провоцируемому подобными публикациями страху, который лишь частично основан на реальных фактах, а в гораздо большей степени иррационален, региону удалось избежать и эксцессов массового туризма, часто оказывающего дестабилизирующее влияние на межнациональные отношения, и полномасштабной скупки сельскохозяйственных земель сторонними инвесторами. И простые туристы, и крупные игроки в сфере агробизнеса не спешат в республику, опасаясь не только за сохранность своих инвестиций, но и просто за свою жизнь и здоровье.

Не способствует процессам ассимиляции и тесно связанному с ними ростом национализма и ситуация, складывающаяся в настоящий момент в транспортной сфере. За исключением малоиспользуемой трассы Абакан — Ак-Довурак, «дорогой жизни», связывающей Туву с Большой Землей, до сих пор остается Усинский тракт. Несмотря на то что из колесного пути он давно превратился в современную федеральную трассу «Енисей», его пропускная способность все так же недостаточна, а погодные условия зачастую вносят в работу существенные коррективы. С Алтаем же и Бурятией Туву, как и столетия назад, связывают лишь непроходимые горные тропы, путешествие по которым остается уделом таежных следопытов и охотников. При этом железная дорога через Саяны, проектирование которой началось еще 150 лет назад, так до настоящего времени и находится в стадии проработки. Грустный памятник «дороге развития» на окраине Кызыла, представляющий собой отрезок железнодорожного полотна, теряющегося в бескрайней степи, служит отличным напоминанием о том, что

Тува так и не стала сколько-нибудь ближе к России с точки зрения транспортной сети. В какой-то мере в последнее время она даже от нее отдалилась, ведь те выючные тропы, что в прошлом связывали между собой соседние регионы, уже давно заросли и ныне не используются.

Сочетание факторов низкой транспортной доступности, негативного внешнего образа и внутренней сплоченности приводит к тому, что в республике сложился прочный социально-политический консенсус, который не желают и не могут нарушить ни внешние силы, ни основные игроки внутри самой республики. Существует и еще один, чрезвычайно важный фактор, который является гарантией активной вовлеченности жителей Тувы в ход общенациональных социально-политических процессов, но при этом не позволяет им окончательно в них раствориться. Это Сергей Кужугетович Шойгу, Президент Русского географического общества, бывший министр МЧС России и глава Министерства обороны. Роль этого человека, которого в самой Туве часто сравнивают с Субедеем, легендарным полководцем времен Чингис-хана [Как в Сергее Шойгу... 2017], и о котором в Туве даже сложили эпос [В столице Тувы... 2020], в определении хода ее современного развития столь велика, что его просто невозможно обойти стороной.

Одному из самых популярных современных российских политиков, С.К. Шойгу удалось пройти между Сциллой кумовства и Харибдой неблагодарности в том, что касается отношений со своей малой родиной. Сын крупного тувинского функционера Кужугета Шойгу (1921–2010), именем которого ныне названа набережная Енисея в центре Кызыла, в Москве он смело порвал с традициями клановости, до сих пор широко распространенными в его родной республике. При этом Шойгу не стал делать того же самого в отношении своих этнических корней, продолжая заботиться о благополучии малой родины всеми доступными ему способами. Именно с его помощью и под его контролем здесь возводятся новые больницы и строятся православные храмы, а юноши республики имеют возможность учиться в суперсовременном Президентском кадетском училище, для того чтобы затем продолжить службу в 55-й отдельной горной мотострелковой бригаде, расквартированной в окрестностях Кызыла на противоположном берегу

Енисея. Не забывает Шойгу и об истории и культуре своего народа, действенно поддерживая тувиноведческие исследования и часто выступая редактором фундаментальных научных трудов [Урянхай... 2007–2008] по соответствующей проблематике.

С точки зрения данного исследования, однако, более важной является его роль гаранта «встроенного суверенитета республики», благодаря чему ей удастся сохранять свою культурную и политическую автономию, не скатываясь в национализм и не превращаясь в полуколонию. Это удастся Шойгу потому, что его личный авторитет в Туве непререкаем, а государственническая позиция ясно выражена. Благодаря этому ни один человек в республике, включая ее руководителей, не может выступить с сепаратистских или антигосударственных позиций. В то же время Шойгу выступает надежным защитником интересов республики в Москве и не позволяет преуспеть тем силам за ее пределами, что хотели бы, воспользовавшись ее зависимым экономическим положением, превратить Туву в свою вотчину. Без преувеличения можно сказать, что наравне с Саянами Шойгу является той преградой, что не позволяет большой России полностью ассимилировать маленькую Туву. В отличие от высоких горных хребтов, которые в состоянии выполнять лишь разделяющую функцию, он одновременно обеспечивает и ее полноценное присутствие в российском политическом, социальном и культурном поле.

Осознавая хрупкость всех подобных конструкций, можно все-таки утверждать, что в настоящее время достигнуто неустойчивое динамическое равновесие в том, что касается социальных и политических аспектов взаимоотношений национальной республики с центром. Как уже было отмечено, Тува при этом в чем-то повторяет модель своего существования в составе империи Цин, когда центральное правительство не вмешивалось в дела отдаленного приграничного региона, а местные власти, предоставленные сами себе, гарантировали лояльность основных групп населения. Разница лишь в том, что если в XVIII–XIX вв. на страже спокойствия и стабильности в Урянхэ стояли «монгольские караулы», то ныне их функции взяли на себя министр обороны России и инспирируемый через федеральные СМИ иррациональный страх, кото-

рый, стоит признать, защищает республику от внешнего влияния не менее эффективно.

В связи с этим следует напомнить, что тот компромисс, что в течение очень долгого времени устраивал и Самагалтай, и Пекин, в свое время нарушило лишь стремительное проникновение в край китайских купцов, ставшее возможным после разрешения улясутайского цзянцзюня, полученного ими в 1903 г. Думается, что и в наши дни основную угрозу в наладившихся политических отношениях центра с Тувой представляет именно возможное проникновение на ее территорию крупных торгово-промышленных групп. Их неизбежно бурная активность по освоению региона, целью которой будет максимально быстрое извлечение прибыли за счет нещадной эксплуатации природных и человеческих ресурсов региона, будет способна в самые кратчайшие сроки настроить против федеральных властей все местное население. В случае если это действительно произойдет, управляемость республики из центра быстро снизится, а дремлющие до поры до времени межэтнические противоречия могут вновь вырваться на свободу.

До сих пор же благодаря всем описанным выше факторам, препятствующим массивному проникновению в Туву стороннего капитала, а также по причине того, что запасы ценных полезных ископаемых в республике не столь велики, ей удастся избежать и так называемого ресурсного проклятия. Не секрет, что именно наличие крупных месторождений полезных ископаемых часто является серьезным дестабилизирующим фактором во внутренней политике многих национальных регионов России. Однако недра республики все-таки таят в себе и определенные сокровища ⁹, и своими силами освоить их она, конечно же, не в состоянии. Сотрудничество с крупными горнодобывающими компаниями является в этом случае распространенной практикой и может быть по-настоящему взаимовыгодным, как показывает пример Якутии. Необходимым условием для этого, однако, являются осуществление реального контроля со стороны местных властей над процес-

⁹ «На регион приходится более 47 процентов общероссийских запасов циркония, более 30 процентов урана, более 5 процентов меди, молибдена и нефелиновых руд, имеются значительные запасы цветных, редкоземельных и благородных металлов, угля» [Индивидуальная программа... 2020].

сом принятия решений и мониторинг их реализации с учетом культурно-исторических особенностей региона. В противном же случае обстановка может накалиться, что и, к глубокому сожалению, произошло не так давно в Туве.

Без должного внимания к тому факту, что республика оказалась в составе России и сохраняет лояльность центру во многом благодаря тому, что тот предоставляет ей гарантии невозможности возвращения в регион китайцев, в Москве было принято решение передать право на разработку крупного месторождения полиметаллов, расположенного в Тоджинском районе республики, китайской компании «Лунсин». Несмотря на то что та старается идти на диалог с местным населением, а также берет на себя определенные социальные обязательства [Посохин 2013], многие в республике рассматривают сам факт возвращения китайского капитала в Туву как тревожный сигнал. С одной стороны, коренные жители региона высказывают сомнение по поводу того, что со стороны КНР это чисто коммерческий проект, и видят в нем некие политические последствия. С другой же — люди всерьез опасаются усиления китайской экспансии, как демографической, так и экономической.

Принимая во внимание озабоченность населения, власти республики, однако, осознают, что Туве, как и столетие назад, срочно требуется модернизация и необходимы дополнительные источники финансовых поступлений. Их, однако, не так просто изыскать, ведь кроме уже упомянутого негативного образа Тувы в прессе современная ситуация в республике характеризуется сочетанием энергодефицитности электрических и тепловых мощностей, высокой степенью износа основных средств, а также отсутствием квалифицированных кадров [Индивидуальная программа... 2020]. Экономическая ситуация в республике действительно угрожающая, и Тува постоянно оказывается в самом низу различных рейтингов и статистических отчетов. Так, в начале 2022 г. в РИА Новости представили сравнительный рейтинг уровня жизни в различных регионах страны, на последней строчке которого как раз и расположилась Республика Тыва [Рейтинг регионов по качеству... 2022]. В другом подобном исследовании двумя годами ранее она же была названа самым бедным регионом страны [Рейтинг

регионов по доходам... 2020]. Согласно официальным статистическим данным, «уровень безработицы в 2018 г. составил 14,8% при среднероссийском значении показателя 4,8%. По показателю валового регионального продукта на душу населения в 2017 г. Республика Тыва занимала 78-е место среди субъектов Российской Федерации со значением 184,6 тыс. рублей, что почти в 3 раза меньше среднего показателя по стране» [Индивидуальная программа... 2020]. Как итог, «Республика Тыва входит в десятку субъектов Российской Федерации с самым низким значением среднедушевых денежных доходов населения (по итогам 2018 г. показатель составил 13,6 тыс. рублей при среднероссийском значении показателя 33,2 тыс. рублей). При этом среднедушевые расходы населения составили по итогам 2018 г. 15 603,6 рубля, что в 2,1 раза ниже среднероссийского значения показателя — 33 178 рубля» [там же].

В кулуарных беседах представители республики, впрочем, отмечают, что статистика не отражает в полной мере все аспекты реальной ситуации на местах. К примеру, не учитывается, что существенная часть населения занята в неформальном секторе экономике и, таким образом, в официальные сводки не попадает. То же относится и к традиционному кочевому животноводству, популярность которого в последние годы существенно возросла во многом благодаря тому, что данная отрасль напрямую поддерживается руководством Тувы. В силу своей специфики, однако, доходы от подобной деятельности практически не учитываются официальными органами, что оставляет эту высокорентабельную сферу деятельности в своеобразной «серой зоне». Поскольку низкие показатели уровня занятости и доходов населения позволяют правительству республики продолжать получать существенные дотации из центра, за пределами кулуарных бесед его представители, однако, не спешат с полной легализацией этой традиционной формы хозяйственной деятельности.

В постоянных дискуссиях о субсидиях, добыче полезных ископаемых и развитии кочевого животноводства, как правило, забывают о международной торговле как о потенциально важном источнике пополнения бюджета республики. Данная тема, как правило, всплывает лишь в контексте обсуждения транзитного статуса республики и необходимости прокладки

по ее территории трансграничных транспортных коридоров, способных оживить международные связи регионов так называемой Енисейской Сибири со странами Восточной Азии, в особенности с Китаем и Монголией. Интересы Тувы при этом почти не учитываются, так же как не принимается в расчет и тот факт, что ее жители совсем недавно были активно вовлечены в трансграничные торговые операции, приносившие им существенную прибыль. Лишь недавние изменения в миграционном и таможенном законодательстве лишили их такой возможности, а испытывающую серьезный дефицит финансовых средств республику — дополнительных поступлений.

В этом смысле поучительна история двух сельских населенных пунктов, Нарына и Хандагайты, расположенных неподалеку от международных пунктов пропуска на границе Тувы с Монголией, в Эрзинском и Овюрском кожуунах республики соответственно. Жители этих тувинских сел рассказывают о том, что расцвет торговли с Монголией, начавшейся с открытием границы в 90-е годы прошлого века, пришелся на вторую половину нулевых годов [ПМА 2020]. Инициаторами трансграничного бизнеса являлись по большей части монголы, которые везли на продажу в Россию как изделия собственного производства (в основном одежду и другие товары, необходимые тувинцам в кочевом быту), так и дешевые товары широкого потребления из Китая. Последние они закупали на приграничных рынках во Внутренней Монголии, при этом существовал и канал доставки из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Первоначально монгольские торговцы жили в приграничных поселках в домах у родственников, превращая их в результате в своеобразные торговые центры. В дальнейшем, по мере роста товарооборота в кожуунных центрах были открыты специальные рынки для трансграничной торговли.

Стоит отметить, что торговля оказалась выгодной не только для самих монголов, которых жители Тувы, как правило, рисуют справедливыми и гостеприимными и в то же время предприимчивыми и расчетливыми [ПМА 2020]. Тувинцы, живущие в приграничных районах, также оказались ее непосредственными бенефициарами, используя свою с ними тесную культурную близость. Они либо сдавали в аренду монголам свои дома, либо оказывали им услуги по перевозке товаров,

либо и вовсе брали дело в свои руки и, в свою очередь, переносили бизнес в приграничные районы Монголии. Некоторые в поисках товара добирались даже до китайской границы. Местные администрации благодаря приграничной торговле также получили дополнительную возможность для развития. В полной мере смогли ощутить ее преимущества и жители других районов республики, для которых поездка на рынок в Хандагайты или Эрзин давала возможность сэкономить на покупке товаров первой необходимости.

Важно отметить, что в случае с селом Нарын, большинство населения которого составляют монголоязычные тувинцы, трансграничная торговля, в которой они принимали наиболее активное участие благодаря своему тувинско-монгольскому билингвизму, стала не только важным источником денежных поступлений. По причине того, что их языковые компетенции оказались востребованными, они были кровно заинтересованы в сохранении своего родного, монгольского языка, и во многом благодаря этому он и сохранился на территории Тувы. Потребность же в поддержании трансграничных контактов, в осуществлении которых они были особенно активно задействованы, высветила для них значение родственных связей по ту сторону государственного рубежа. В свою очередь, это увеличило интенсивность социальных взаимодействий внутри этой уникальной трансграничной группы.

К сожалению, «народная торговля» с Монголией и Китаем практически сошла на нет уже к началу нулевых годов [Монгольские рынки... 2007]. Связано это было с тем, что незадолго до того были утверждены новые правила пребывания для иностранных граждан на территории России, а также введены ограничения на перевозку грузов через государственную границу (не более 25 кг на человека). Продиктованные общими соображениями необходимости укрепления границ страны и упорядочивания внешнеэкономической деятельности, новые законы и регламенты были приняты без учета этнокультурных особенностей Тувы и сложившихся здесь трансграничных связей. В результате это привело не только к снижению доходов жителей приграничья и сокращению пространства для маневра у местных муниципалитетов, но и к постепенному затуханию межнационального общения на границе, а в ко-

нечном счете и к росту фрустрации среди местного населения. При этом в масштабах всего государства заметного увеличения доходов эти меры, конечно же, не обеспечили.

Более того, так как к настоящему времени большая часть торговых операций совершается уже по другую сторону границы, в Монголии, доходы от ее осуществления остаются за пределами России. Чисто экономический вопрос также оказал влияние и на восприятие гражданами приграничных районов Тувы федеральных властей. Местные жители, которые в прошлом всегда гордились своим российским гражданством и смотрели на своих соседей несколько свысока, по мере того как эпицентр торговли и развития смещается за пределы России, начинают все больше и больше им завидовать. При этом экономические аспекты немедленно дополняются в их сознании политическими, и голоса о том, что лишь суверенитет обеспечивает настоящее развитие, в то время как зависимость от центра и его решений ведет к застою, все чаще слышны именно в приграничных районах Тувы [ПМА 2020].

Напрашивается вывод, что современная ситуация в Туве напоминает положение, сложившееся здесь же столетие назад, причем не только в том, что касается политической модели сосуществования центра и периферии, но и экономических взаимоотношений. Как и во времена империи Цин, тувинцам благодаря особенностям физической географии региона их проживания, удаленности от центра, а также умелой политике местных элит удастся сохранить культурную и политическую автономию, балансируя в геополитическом треугольнике Россия–Монголия–Китай. Внутренняя автономия в составе крупного государства, однако, в очередной раз оказывается не подкрепленной экономической самодостаточностью. Это, в свою очередь, таит в себе серьезную опасность как для выживания самого тувинского этноса, так и для внутриполитической стабильности в России и ее внешнеполитических интересов в Азии.

Можно вспомнить в связи с этим, как в начале XX в. многие тувинцы в результате хозяйственной несостоятельности их края попали в личную зависимость от китайского торгового капитала, что в конечном счете привело к серьезным последствиям и для самого Урянхая, и для Китая. Политическая ав-

тономия, не подкреплённая экономической самодостаточностью, не играла большой роли в ситуации, когда и простые араты, и тувинские нойоны оказались в заложниках у китайских купцов и фактически утратили личную независимость. В результате социальная деградация, которая неизбежно сопровождала этот процесс, оказала сильное влияние на лояльность простых тувинцев местной власти, которая не могла защитить их от произвола торгового капитала. Повлияла она и на лояльность амбын-нойонов центральному правительству, которое своим бездействием способствовало тому, что они оказались в зависимом положении. Стоит помнить и о том, что это привело к народному восстанию, изгнанию китайских купцов, а затем и к принятию протектората со стороны России.

Важно понимать, что решающую роль тогда сыграл тот фактор, что тувинцы так и не смогли создать собственную прослойку предпринимателей, которые были бы в состоянии достичь успеха в соревновании с китайскими и русскими купцами, если бы взяли на себя посредническую функцию в международной торговле. Это могло произойти в том случае, если бы они использовали свое уникальное географическое положение и буферный статус, чтобы извлечь из него финансовые дивиденды столь же умело, как это сделали амбын-нойоны, добившиеся для себя значительных политических привилегий. Воспользовавшись тем, что китайцы и русские испытывают серьезные затруднения при попытке наладить прямые контакты между собой в силу различий в культуре, языке и менталитете, тувинцы, имевшие и опыт проживания в составе Китая, и опыт сосуществования с русскими поселенцами и купцами, вполне могли тогда взять на себя функцию медиаторов.

То, что этого так и не произошло в начале прошлого века, имеет значение ныне лишь для историков. История ведь не имеет сослагательного наклонения. Тому же факту, что этого не происходит и в наше время, следует уделить самое серьезное внимание. Тува, которая, как уже было показано выше, в начале XXI в. снова находится в положении самоуправляемой окраины и в политическом плане входит в состав России, притом что культурно ее население до сих пор принадлежит

Внутренней Азии, сталкивается с той же самой проблемой, что и столетие назад. Ее «встроенный суверенитет», а вместе с ним и тихое существование на окраине полиэтнического государства вновь оказываются в опасности вследствие того, что этот суверенитет ничем не подкреплён с экономической точки зрения.

Хрупкое равновесие в отношениях с центром сохраняется лишь благодаря тому, что иррациональный страх перед Тувой, ее низкая транспортная доступность, а также фигура министра обороны России С.К. Шойгу до сих пор препятствуют проникновению на ее территорию крупного российского капитала. С одной стороны, это явление временное, с другой же — его следствием является то, что уровень жизни в республике, живущей на дотации из федерального центра, находится на стабильно низком уровне, что, в свою очередь, может привести к социальному взрыву. Ситуация напоминает цугцванг, однако лишь до того момента, пока в Туве не встанет на ноги местный бизнес, который сможет заложить фундамент истинной самостоятельности республики, став гарантом сохранения ее самобытности. Его же собственное процветание будет зависеть от того, насколько сильно он будет интегрирован в экономические процессы в России, и одновременно от того, насколько широко будут открыты ее двери для международных контактов.

Нельзя сказать, что федеральные власти и руководство Тувы не осознают необходимости сохранения этнической специфики региона, поддержки местных предпринимателей и перспективности развития трансграничных связей. Точка зрения центра максимально полно отражена в «Индивидуальной программе социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы», принятой к исполнению распоряжением правительства от 10 апреля 2020 г. Фундаментом развития региона здесь заявляется добыча полезных ископаемых и горнорудная промышленность¹⁰, однако в тексте содержатся и многочисленные отсылки к необходимости поддержки

¹⁰ Список основных мероприятий Программы включает в себя «реализацию крупных инвестиционных проектов в сфере добычи полезных ископаемых, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие Республики Тыва» [Индивидуальная программа... 2020].

среднего и малого бизнеса. Запланирован и целый комплекс мероприятий по выводу Тувы из транспортной изоляции, который включает в себя строительство новых и расширение уже существующих транспортных коридоров, связывающих республику с остальными регионами России, а также повышение статуса и пропускной способности пограничных переходов на государственной границе с Монголией [Индивидуальная программа... 2020].

Республиканские власти, в свою очередь, подчеркивают, что в основе экономического развития Тувы должно оставаться ее традиционное сельское хозяйство, основанное на кочевом образе жизни и животноводстве. В последние годы данная отрасль действительно бурно развивается во многом благодаря системе поддержки молодых животноводов, принятой к реализации правительством Тувы. В рамках программы «Кыштаг для молодой семьи» [Об утверждении Порядка... 2017] молодые семьи получают от государства в безвозмездное пользование 200 овцематок, которых они должны затем, после получения приплода, передать следующей молодой семье¹¹. При этом государством также оказывается помощь в налаживании кочевого быта, выдаются льготные кредиты на приобретение жилья. Несомненный успех данной программы¹² и связанный с ней рост доходов населения ведут к росту престижности профессии животновода, и в наше время быть чабаном-тысячником в Туве уже не просто выгодно, но и почетно.

Со своей стороны, ученые из Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований (ТИГПИ), занятые решением насущных проблем социально-экономического развития республики, обращают внимание на необходимость более широкого использования при планировании и реализации экономических стратегий культурных особенностей и уникальных компетенций ее населения. Ими, в частности, предлагается к реализации программа кластерного развития экономики Тувы,

¹¹ С 2021 г. в программе могут принимать участие и безработные в возрасте до 55 лет [Граф 2020].

¹² «Всего для участия в проекте с 2016 по 2019 г. отобрано на сходах граждан 416 молодых семей. В развитие их хозяйств было вложено 436,6 млн. рублей за счет федерального и республиканского бюджетов, а также кредитов Народного банка Тувы» [В Туве подвели итоги... 2020].

которая предполагает особый акцент на развитие местного предпринимательства, в том числе предпринимателей, занятых в этнокультурном туризме и других специфических национальных видах производства, прежде всего в сфере сельского хозяйства¹³.

Признавая актуальность всех указанных выше стратегий, хочется, однако, заострить внимание на том, что историко-культурное и географическое своеобразие Тувы заключается не только в кочевом скотоводстве, но и, что гораздо важнее, в ее статусе лимитрофного региона, входящего в сферу влияния нескольких цивилизаций, но при этом не принадлежащего ни одной из них целиком [Ламажаа 2021: 180]. Именно подобное, двойственное положение, как представляется, и является тем до конца недооцененным активом, который на самом деле может быть задействован не только при решении сугубо политических вопросов во взаимоотношениях центра и региона, но и для преодоления экономического отставания республики. Сохраняющая благодаря неформальному статусу внутреннего протектората свой уникальный культурный потенциал, Тува при условии проведения грамотной политики, предполагающей всесторонний учет этнического фактора, в состоянии взять на себя роль эффективного посредника между центральными регионами страны и государствами Восточной Азии. Завершение капитального ремонта федеральной трассы «Енисей», проходящей по территории Тувы, а также осуществляемое в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» соединение примыкающих к ней с юга аймаков Монголии скоростной трассой с Улан-Батором с последующим выходом на восточные и западные регионы Китая способно превратить ее в важнейший транзитный регион.

С одной стороны, коренное население республики тесно связано с населением Монголии, а также соседних с ней ре-

¹³ Заместитель директора ТИГПИ по прикладным направлениям Б. Донгак утверждает, что в этнокластерах «будет организовано производство продукции из экологически чистого мяса и молока, шерсти, кожи и другого премиум-продукта из местного сырья на основе улучшенных технологий кочевников, испытанных тысячелетиями... Когда хозяйство этноса внедрено в современное производство... сохранение культуры, традиций и языка — внутри этнокластеров этот вопрос намного легче решается» [Донгак 2020].

гионов Китая общей историей и культурой, что позволяет тувинцам налаживать трансграничные контакты легче, чем жителям других регионов. С другой стороны, их историческая память до сих пор хранит представление о тех обстоятельствах, которые вынудили их выйти из состава Китая и добровольно присоединиться к СССР, что гарантирует лояльность тувинцев по отношению к России и поддержку интересов ее национальной безопасности. Для того чтобы не утратить эту лояльность и укрепить готовность действовать во благо государства, необходимо, однако, в полной мере учитывать этническую специфику региона и гарантировать ее коренному населению соблюдение его экономических и политических интересов. Требуется, другими словами, с одной стороны, избежать насильственной модернизации и унификации, которые характеризовали политику центра в отношении Тувы на протяжении большей части советского периода, с другой же — не оставить ее население беззащитным перед лицом крупного российского или иностранного капитала.

Оптимальным вариантом в этом случае может стать «шлюзовая» модель трансграничного сотрудничества. Она предполагает создание специальной зоны экономического развития в приграничном регионе и наделение его жителей особыми правами в том, что касается организации торговых связей с приграничными районами двух соседних государств, население которых схоже с ними по этническим характеристикам. Смягчение в этом случае требований при пересечении российско-монгольской и российско-китайской границ на отдельных их участках и обеспечение локальных преференций для населения приграничных районов всех трех государств не только обеспечат Туве экономические выгоды благодаря ее буферному статусу и транзитному положению, но и будут способствовать сохранению ее культуры и традиций.

Выгоды для Российского государства в этом случае также могут быть значительными. В том случае, если Тува станет ее воротами на Восток, это будет способствовать дальнейшей диверсификации внешнеторговых потоков страны и укреплению ее внешнеполитических позиций в важнейшем регионе мира. Грамотное использование этнического фактора, вновь актуализируемого в условиях воссоздаваемого подобным об-

разом трансграничного культурного единства, не только приведет к росту торговли со странами Центральной и Восточной Азии, но и позволит проецировать за пределы России ее «мягкую силу».

Это будет возможно, однако, только в том случае, если приграничное население Тувы продолжит осознавать свою общегосударственную — российскую — идентичность как гарантию политической безопасности и культурной автономности и при этом обладать возможностью использования своей этнической специфики в качестве экономического ресурса. По той причине, что Тува остается географически изолированной от соседних регионов Сибири, локальное смягчение приграничной политики и адаптация законодательства к местным условиям, необходимые для формирования «шлюзового» режима экономического благоприятствования, не окажут сколько-нибудь негативного воздействия на социально-политический климат в стране в целом и не подорвут основы ее экономической и военной безопасности.

Будущее: «шлюзовая» экономика

На самом деле у Тувы есть практически все, для того чтобы развиваться в этом направлении. Во-первых, это срединное географическое положение на пересечении караванных путей прошлого и предполагаемых транспортных коридоров будущего. Во-вторых, целый комплекс препятствий в виде государственных границ и горных хребтов, превращающих ее территорию в узкое бутылочное горлышко на дороге из России в Китай. В-третьих, уровень политической автономности, достаточный для того, чтобы ввести и эффективно поддерживать режим особой зоны в той точке на карте, где транзитные потоки упираются в естественные и искусственные преграды. Самое же главное — население, способное наладить взаимодействие и с той, и с другой стороны потенциальной преграды. Вопрос лишь в том, чтобы связать все эти факторы воедино и разработать такую стратегию роста, которая была бы

основана на создании и эксплуатации *преграды* на пути транспортных коридоров, а не на превращении территории республики в *удобный* транзитный участок. При этом следует понимать, что преграда эта должна быть спланирована таким образом, чтобы возникший в результате ее создания новый центр развития не оказался за пределами республики и не паразитировал бы на ее особом положении. В целях недопущения подобного сценария Тува должна стать территорией, расположенной *внутри* двух или более преград, ибо только такое положение сделает ее идеальным местом для приложения усилий и идеальной гаванью для развития.

Для того чтобы представить, как это может функционировать в реальности, имеет смысл обратить внимание на работу свободной экономической зоны Хоргос, расположенной на границе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР) и Республики Казахстан. В последнее время правительство Китая уделяет особое внимание налаживанию связей со своими соседями в Центральной Азии. Не секрет, что эти контакты могут предоставить в распоряжение Пекина ключ к решению важнейших геополитических и геоэкономических задач, которые он пытается решить в Евразии через реализацию своей мегаинициативы «Один пояс — один путь». Территория постсоветских республик региона является самым простым, а зачастую и единственно экономически приемлемым способом связать сухопутными маршрутами поставщиков и потребителей, расположенных соответственно в Китае и в Европе. При этом центральным пунктом, через который разнонаправленные потоки товаров физически пересекают границу Китая и внешнего мира, является город Хоргос, расположенный на территории Или-Казахского автономного округа СУАР.

В его окрестностях наличествует техническая возможность для обработки крупнотоннажных грузов любого состава, и именно здесь в 2005 г. был создан единственный в своем роде международный центр приграничного сотрудничества (МЦПС). В его пределах продавцы и покупатели из КНР и стран Центральной Азии могут проводить операции в ходе непосредственного, личного общения, но без необходимости получения специальных консульских разрешений на посещение соседне-

го государства. Многофункциональный комплекс Хоргос, расположенный в непосредственной близости от бурно развивающегося одноименного города, организован таким образом, что фактическое взаимодействие осуществляется в общей для двух государств, по сути буферной, зоне, созданной прямо на их границе. Доступ в эту зону разрешен и держателям казахских паспортов, и гражданам КНР, однако покидать ее территорию они могут только в направлении собственных государств. Учитывая, что на самой территории МЦПС имеются многочисленные торговые, складские и производственные помещения и даже создана возможность проживания, это означает, что коммерческие отношения между представителями двух или более соседних стран могут строиться напрямую, без отягощения их лишними бюрократическими процедурами. Неудивительно, что в этих условиях политики и бизнесмены из КНР и государств постсоветского пространства в один голос заявляют о том, что Хоргос является ключевой точкой для налаживания взаимовыгодных связей между людьми и экономиками соответствующих стран [Ли Чжоу 2012].

Интересно, что, несмотря на то что сама свободная экономическая зона Хоргос находится на границе Казахстана и КНР, языком межнационального общения на территории МЦПС является русский. Во многом это объясняется длительной традицией взаимного недоверия между народами двух соседних государств, а также тем, что большая часть населения Казахстана свободно владеет языком Пушкина и Достоевского. Однако еще одним, не менее важным фактором является то, что Хоргос служит крупнейшим перевалочным пунктом не только для товаров, следующих в Китай из Казахстана или противоположным курсом, но и для товаров из других стран Центральной Азии, бывшего СССР и даже некоторых стран Восточной Европы. В этих условиях именно русский язык и русская культура являются тем мостом, который обеспечивает взаимодействие между народами постсоветских республик Средней Азии и Китая и способствует налаживанию эффективных социальных, а стало быть, и экономических отношений между людьми.

В последнее время идея превратить в «новый Хоргос» ту или иную территорию на Дальнем Востоке России начинает

набирать популярность¹⁴, однако представляется, что именно Тува как уникальный и при этом обособленный регион на границе России со странами Внутренней Азии лучше всего подходит на эту роль. Географическое и политическое положение этого края, отгороженного и от Монголии, и от остальной России сложнопреодолимыми преградами, предоставляет возможность создания на его территории специальной буферной зоны, подобной той, что с успехом функционирует на границе Китая и Казахстана.

Очевидно, что речь в данном случае не идет о прямой аналогии, ведь территория МЦПС составляет всего 560 га, из которых 343 га принадлежат Китаю, а 185 га — Казахстану, в то время как площадь Республики Тыва превышает 170 тыс. кв.км. Несмотря на это, можно говорить, что и в том, и в другом случае речь идет именно об особой зоне в приграничном районе, на территории которой устанавливается льготный налоговый режим и вводится специальный порядок посещения. Китайская часть Хоргоса остается под юрисдикцией Китая, однако резиденты Республики Казахстан и граждане других стран СНГ могут свободно осуществлять здесь экономическую и иную разрешенную законом деятельность на особых условиях. Подобным же образом в пределах Республики Тыва может быть введен особый режим посещения и пребывания и разрешено ведение любой торговой и экономической деятельности гражданам Монголии. С одной стороны, это привлечет сюда тех из них, кто заинтересован в ведении бизнеса в России. С другой — Тува станет регионом выбора и для предпринимателей в самой России, которым интересны возможности, открывающиеся перед ними на монгольском и китайском рынке.

При этом, несмотря на то что в случае с Тувой речь идет об огромной по площади территории, создание специальной экономической зоны с особым налоговым и визовым режимом не потребует возведения по ее периметру дополнительной инфраструктуры, как это было в самом Хоргосе. По сути, она уже давно существует. С одной стороны, ею является государ-

¹⁴ В частности, предлагается превратить в подобие Хоргоса остров Большой Уссурийский, расположенный на Амуре в непосредственной близости от Хабаровска [Глава Минвостока... 2022].

ственная граница с Монголией, с другой — схожая с ней по характеру, но чуть более мягкая в плане пограничного режима административная граница Тувы с Хакасией и Красноярским краем. Как уже отмечалось, начиная с середины XVIII в. и вплоть до 1944 г. здесь проходила государственная граница, и вплоть до настоящего времени жители соседних с Тувой регионов используют в быту именно этот термин, хотя он и не отражает реального статуса данного рубежа [ПМА 2022]. В то же время полное отсутствие дорог на границе с Бурятией и Иркутской областью, а также заповедный режим, действующий вдоль отдельных участков границы Тувы с Республикой Алтай, означают, что и все остальные ее рубежи также практически непреодолимы.

В совокупности все это приводит к тому, что в случае смягчения пограничного режима с Монголией и, параллельно с этим, усиления контроля над пересечением границ Тувы с остальными регионами России ее территория может легко превратиться в одну обширную зону свободной торговли. В какой-то степени она будет похожа на сильно выросшую в размерах копию приграничных сёл Эрзин и Хандагайты, какими те были до принятия дополнительных мер по усилению таможенного и пограничного контроля. Как и на территории МЦПС в Хорго-се, посещение Тувы и возможность вести здесь бизнес станут доступными для граждан и организаций из соседнего государства. В течение определенного срока они не будут облагаться налогами и смогут по упрощенной процедуре создавать совместные предприятия на территории республики. С одной стороны, это позволит привлечь в регион иностранных игроков, с другой — российские компании, заинтересованные в выходе на рынки Восточной и Внутренней Азии, также будут иметь возможность найти потенциальных партнеров именно в Туве. Кроме того, они получают возможность налаживать здесь экспортно-ориентированное производство в том случае, если продукция, произведенная на территории свободной экономической зоны Тува, будет облагаться налогами по льготной схеме.

Опыт Хоргоса может быть полезен и в том, что касается ведения международной деятельности в других сферах. Так, на территории МЦПС открыты или планируются к открытию

учебные и медицинские центры, выставочные комплексы, парк развлечений и колесо обозрения, действуют помещения для организации культурно-массовых мероприятий, а также объекты туристической инфраструктуры [Хоргос: планы развития... 2019]. Учитывая тесные исторические связи населения Тувы и Монголии, взаимный интерес граждан России и Монголии к культуре друг друга, а также необходимость трансляции мягкой силы за пределы нашей страны, это направление сотрудничества также может стать перспективным. Культурные и образовательные обмены, а также совместные турниры с участием монгольских спортсменов и в наши дни вызывают живой интерес [Тувинским борцам... 2022], причем не только в Туве, но и за ее пределами. Дальнейшее расширение таких контактов, безусловно, окажет самое плодотворное влияние на уровень российско-монгольских отношений.

В вопросе выбора наиболее эффективной модели экономического сотрудничества можно также проследить аналогии с тем историческим периодом, когда территория Тувы входила в состав империи Цин. В то время центром торговых, политических и культурных контактов с остальными регионами Китая был расположенный на южных склонах хребта Танну-Ола Самагалтай, где находилась ставка амбын-нойона и располагался крупный монастырский комплекс. Благодаря тому, что в этой своеобразной столице Урянхайского края имелась вся необходимая инфраструктура для осуществления коммерческой деятельности, включая рыночные площадки и постоянные дворы, а также можно было найти необходимое число образованных людей, знавших китайский, монгольский и тувинский языки, почти все торговые караваны из Китая и Монголии останавливались именно здесь.

Вызвано это было еще и тем, что, как уже отмечалось, до строительства в 1938 г. колесной дороги через перевал Калдак-Хамар дальнейший путь в центральные районы Тувы был сопряжен со значительными трудностями и попросту небезопасен. В связи с тем, что останавливавшимся на длительный постой купцам по этой причине требовался определенный набор услуг, Самагалтай развивался и процветал. Некоторые китайцы и монголы останавливались здесь на продолжительный срок, строили особняки и обзаводились семьями, что,

в свою очередь, способствовало росту межнациональных контактов. В то же время ситуация, почти зеркальная этой, но со своими особенностями, наблюдалась и в северной части полуавтономного региона. Там, в районе русского поселения Туран существовал немного меньший по масштабу, но при этом также значительный центр торговли с Россией и при этом активно развивались русско-тувинские контакты.

Проблема цинского периода в развитии региона, как уже было отмечено, заключалась в том, что два эти центра, расположенные в пределах Тувы, практически не взаимодействовали между собой, и это сводило на нет весь ее транзитный потенциал. Из-за неразвитости транспортной инфраструктуры того времени преграды внутри региона не позволяли наладить трансграничные контакты даже при условии того, что русским и китайским купцам удалось преодолеть его внешний контур и наладить приграничную торговлю на его окраинных частях. Однако решающим фактором низкой эффективности данной модели стало то, что из трансграничной коммерческой деятельности было практически полностью исключено коренное население Тувы. За исключением сопровождения караванов в Пекин, оно практически никак не участвовало в международной торговле, а экономическая неопытность тувинцев и неадекватность торгового обмена вкупе с агрессивной политикой как русских, так и китайских купцов приводила, как было показано выше, лишь к ухудшению экономического положения тувинцев. Вместе с тем именно они могли стать связующим звеном между двумя сторонами, помогая наладить контакт русским с монголами и китайцами. В свою очередь, это позволило бы тувинцам стать если не основными, то по крайней мере одними из бенефициаров трансграничной торговли.

Роль этнического фактора, а точнее, наличие на территории существующей или потенциальной буферной зоны трансграничного населения, обладающего особыми характеристиками и способного стать цементирующим звеном в системе политических, экономических и культурных связей народов двух соседних государств, остается недооцененной и в современном Китае, в том же Хоргосе. Как известно, на территории Или-Казахского автономного округа, в непосред-

венной близости от МЦПС, а также в столице округа г. Инин проживает значительное число этнических русских, признанных в КНР отдельным национальным меньшинством. Русское население приграничных районов СУАР формировалось во многом из выходцев из городской среды, включая представителей купеческого сословия, врачей и учителей [Гутин 2011: 75]. В течение непродолжительного времени, с 1871 по 1881 г., Кульджа, как раньше назывался Инин, даже входила в состав России и была возвращена Китаю лишь после подписания Договора об Илийском крае (1881 г.). Позже, уже в ходе Гражданской войны в РСФСР, на территории Синьцзяна оказалось несколько десятков тысяч белоказаков под предводительством атаманов Анненкова и Дутова [Бармин 1998: 43]. Будучи дисциплинированной и при этом хорошо обученной военной силой, они в течение продолжительного времени оставались значимым политическим фактором в регионе. В результате русские принесли в окраинные, центральноазиатские по своему характеру районы Китая городской образ жизни и многие элементы прогрессивной для того исторического периода культуры. Это, в свою очередь, сказалось и на отношении к русским местного населения, и на характере их взаимоотношений с властями Китая. Следы этого влияния ощутимы в Синьцзяне вплоть до наших дней, и вклад русских поселенцев в экономическое и социальное развитие региона не оспаривается ни властями страны, ни местными жителями [ПМА 2018].

Принимая во внимание все изложенное выше, логичным было бы предположить, что русские СУАР, сохранившие и свой язык, и свою традиционную культуру, но при этом успешно интегрированные в китайскую социальную, политическую и экономическую систему, могли бы играть значительную роль в процессе налаживания плодотворного трансграничного сотрудничества на территории МЦПС. Кроме очевидной выгоды для казахской и китайской стороны такое вовлечение трансграничного, инокультурного населения сказалось бы положительно и на их собственной судьбе. С одной стороны, оно обеспечило бы сохранность родного языка у русской молодежи, ибо он в этой ситуации оказался бы более востребованным на рынке труда. С другой — активное уча-

ствие в трансграничном взаимодействии способствовало бы улучшению экономического положения русских СУАР. Их высокий образовательный уровень, живая память об историческом вкладе их предков в культуру и развитие региона, относительная обособленность общины, а также сохранность традиционной культуры и языка обеспечивают все необходимые предпосылки для реализации подобного сценария.

Русских и вправду охотно привлекают к сотрудничеству и китайские власти, для которых они оказываются неоценимыми помощниками в деле налаживания трансграничных связей, и местные бизнесмены, которые с их помощью надеются наладить необходимые контакты в странах ЕАЭС. Их услуги пользуются спросом и у представителей деловых кругов стран Центральной Азии, которым импонирует надежность русских, уровень их образования, а также способность налаживать отношения в деловых и политических кругах Китая благодаря знанию китайского языка и особенностей менталитета китайцев. Не так часто, как этого, возможно, хотелось бы, проявляют деловую инициативу и сами представители русского национального меньшинства в КНР, которые стремятся создать свои собственные логистические компании, налаживают связи с соотечественниками по ту сторону границы и берут часть трансграничной торговли в свои руки [ПМА 2018].

Несмотря на все эти положительные явления, приходится констатировать, что в целом трансграничный потенциал русских СУАР, а также их владение языком межнационального общения в критичном с точки зрения организации международного сотрудничества регионе вплоть до настоящего времени не приносит значимых выгод ни им самим, ни какому-либо из заинтересованных государственных игроков. С одной стороны, русские Синьцзяна в основной своей массе до сих пор находятся в зависимом положении по отношению к ханьскому, казахскому или уйгурскому торговому капиталу, исполняя роль наемных работников и при этом редко становясь собственниками предприятий, занятых в международной торговле. Конечно же, это не способствует росту экономического благосостояния или повышению их социального статуса. С другой — их уникальное трансграничное положение не находит применения при налаживании государственных отношений.

Проблема здесь, впрочем, даже не в политике властей КНР, которые относятся к присутствию в чувствительном приграничном регионе русского населения настороженно и не выказывают большой заинтересованности в усилении их роли в приграничном сотрудничестве. Гораздо обиднее то, что потенциал этой уникальной группы наших соотечественников практически не используется ни Казахстаном, ни Россией. И это притом что наличие лояльной к исторической родине диаспоры предоставляет воистину уникальные возможности. Сохранив в условиях иноязычного окружения память о своем происхождении, свой традиционный образ жизни, русскую культуру и русский язык, группа русских Синьцзяна могла бы превратиться и в послов доброй воли, которые способствовали бы укреплению связей России с Китаем, и в агентов ее коммерческих интересов за рубежом. В то же время они могли бы стать и представителями российской культуры в этом далеком, но при этом чрезвычайно важном с геополитической точки зрения регионе Евразии. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время этот ресурс почти никак не используется и о его существовании практически не известно.

При этом не вызывает сомнения, что основная проблема здесь заключается не в недостатке внимания со стороны властей, а в самих русских Синьцзяна. До настоящего времени им не удается продемонстрировать достаточный уровень сплоченности в отстаивании своих экономических интересов, в результате чего они остаются в подчиненном положении по отношению к китайскому, уйгурскому и казахскому капиталу, этим качеством обладающему. В том, что ситуация может сложиться по-иному для самого малого народа, легко убедиться на примере еще одной трансграничной этнической группы Китая, шэнхэнских бурят. Близость государственной границы с Россией, а также открытие зоны приграничного экономического сотрудничества в городе Маньчжурия, расположенном неподалеку от мест их традиционного проживания на территории Эвенкийского национального хошуна городского округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР, сыграли в их судьбе важнейшую роль. Их опыт самоорганизации в интересах собственного развития может оказаться крайне полезным для понимания того, как именно может

и должен быть использован этнический фактор в том случае, если Тува действительно превратится в «шлюзовой» регион на границе России со странами Восточной Азии.

Буряты оказались на территории Китая относительно недавно. Во время Гражданской войны в Забайкалье часть агинских бурят, преимущественно представители зажиточного сословия и буддийского духовенства, спасаясь от красных, перешли границу и попросили разрешения на переселение на территорию Китая у местных властей. В то время местность в районе реки Шэнэхэн-гол пустовала после эпидемии чумы, китайцы были заинтересованы в ее заселении и освоении, и такое разрешение было им в итоге предоставлено. К 1922 г. здесь обосновалось уже до 700 бурят, и в дальнейшем их число лишь продолжало расти. К 1931 г. на территории восьми хошунов, объединенных к тому времени в отдельный бурятский сомон, проживало уже около трех тысяч человек [Бороноева 2000: 51].

Судьба шэнэхэнских бурят поначалу складывалась непросто. Во времена марионеточного государства Маньчжоу-го они сотрудничали с оккупационными японскими властями, что, безусловно, сказалось на их дальнейших отношениях с китайским населением. Советские власти, со своей стороны, не оставляли попыток добиться возвращения бурят на историческую родину и для достижения этой цели не ограничивали себя в методах. Не сложились отношения у шэнэхэнцев и с оказавшимися в точной такой же ситуации, что и они сами, русскими Трехречья. Одновременно и при этом в силу схожих причин бежавшие от советской власти буряты и казаки так и не нашли в изгнании общего языка и вплоть до настоящего момента не поддерживают между собой контактов. Не общаются шэнэхэнцы и с окружающим их ханьским населением, сохраняя поразительную для современного Китая степень социальной и экономической автономии и демографической обособленности. Не стремятся к контактам с бурятами и сами китайцы.

Власти КНР не включают их в список официально признанных национальных меньшинств и регистрируют всех бурят как монголов, однако сами шэнэхэнцы не смешиваются даже с этим близкородственным им народом. Несмотря на то

что обучение в национальных школах вплоть до последнего времени велось на монгольском языке, им удалось отстоять и родной язык, и отдельное от монголов самосознание. Практически в неизменности дошел до наших дней и весь комплекс их духовной и материальной культуры, притом что степень этой сохранности вызывает настоящую зависть у тех бурят, что остались в России и в XX–XXI вв. во многом ее утратили. В противоположность им, часть шэнэхэнцев до сих пор ведут кочевой образ жизни, они являются удачливыми скотоводами и зарабатывают на жизнь, трудясь именно в этой сфере, в прошлом традиционной для большинства бурят. В повседневной жизни они все еще пользуются традиционной одеждой, бурятские свадьбы до сих пор играют по тому же обряду, что и столетие назад, песенный фольклор шэнэхэнцев с удовольствием изучают российские исследователи [Цыбикова 2016], а шэнэхэнские буузы, изготовленные по традиционному рецепту, давно стали настоящим символом этой небольшой этнолокальной группы. Их с удовольствием употребляют в пищу и китайцы в Хайларе, и русские в Улан-Удэ.

Однако самым удивительным во всей этой истории является не поразительная живучесть традиционной бурятской культуры на территории Китая, а то, что эта изолированная, автономная и сохранившая практически в неизменности свой традиционный образ жизни небольшая группа бурят является одним из самых процветающих этнических сообществ страны в целом. В отличие от тех же тувинцев, чей уклад и традиции выставлены на продажу в туристических резервациях, или от соседей монголов, на пути интеграции в китайское общество растерявших свою культуру, но так и не получивших взамен ни материального достатка, ни социального статуса, буряты вызывают восхищение поразительным сочетанием относительно высокого уровня жизни и верности традициям. Секрет же их успеха заключается в том, что они смогли использовать свою приверженность прошлому для строительства будущего, и тем волшебным ключом, который позволил им это сделать, оказались трансграничные контакты и деловые возможности, появившиеся вслед за созданием в Маньчжурии зоны приграничного экономического сотрудничества [Михалев 2017: 119].

Действительно, самый, возможно, важный ресурс шэнэхэнцев — это «использование опыта жизни в двух мирах, китайском и российском» [Балдано 2015: 293]. Благодаря крепости традиционных социальных связей, а также высокому уровню доверия между близкими и дальними родственниками бурятам удалось взять под свой контроль существенный процент трансграничной торговли. Не секрет, что китайцы и русские практически не понимают язык друг друга, а также испытывают к своим контрагентам по ту сторону границы сильное недоверие. Обратив этот факт себе на пользу, буряты, проживающие, кстати, не только на российской или китайской, но и на соседней с ними монгольской территории, смогли превратить Маньчжурию в своеобразный «бурятский треугольник», создав в трансграничье международные социальные сети, основанные на доверии. То обстоятельство, что российские буряты отлично говорят на русском и понимают менталитет сограждан, а китайские, в свою очередь, владеют монгольским и китайским и, кроме того, знают, каким именно образом следует вести бизнес с ханьцами, сыграло при этом решающую роль. В результате обычные буузные (пельменные), расположенные в Маньчжурии, превратились в неофициальные, но при этом на удивление эффективные центры трансграничной торговли, где прибывающие из всех трех граничащих друг с другом стран буряты общаются на своем языке, выстраивают полулегальные бизнес-схемы и осуществляют торговые операции.

Ни русские, ни монголы, ни китайцы не смогли создать действенного противовеса этой теневой трансграничной солидарности, основанной на этничности. Дело при этом оказалось не только в эффективности стихийно сложившейся «бурятской модели бизнеса», но и в том, что она по большому счету устраивает всех остальных участников международной торговли. Русские, положив руку на сердце, и так не заинтересованы в налаживании непосредственных контактов с китайцами в приграничье, предпочитая укреплять сбытовые сети во внутренних районах страны; китайские бизнесмены также делают ставку на свои связи в Центральном Китае, признавая таким образом за бурятами право на монополизацию трансграничного участка движения товаров. В какой-то мере все это

напоминает схему, существовавшую еще во времена Великого Шелкового пути, когда китайские и европейские купцы практически не встречались, предпочитая делегировать посреднические функции представителям центральноазиатских народов.

Безусловно, главными бенефициарами такого положения оказываются сами буряты, причем бенефициарами не только в сугубо экономическом смысле этого слова. Все дело в том, что трансграничная торговля помогает им раз за разом актуализировать свой этнический потенциал, который в результате оказывается востребован и в современной жизни. Знание языка, верность традициям, крепость семейных уз, совместные обряды и ритуалы — все это в условиях бойкой трансграничной торговли обретает и вполне утилитарный смысл, который, в свою очередь, укрепляет уверенность бурят в правильности избранного пути и усиливает их желание сохранять традиции. Этничность, которую до сих пор не удается использовать русским в Синыцзяне и которая являлась помехой для тувинцев еще во времена империи Цин, становится источником силы и богатства для небольшой этнолокальной группы бурят, проживающих по обе стороны российско-китайской границы, умело использующих ее для улучшения своего материального положения и для сохранения своей культуры.

Применим ли рецепт шэнэхэнцев в условиях современной Тувы или это скорее исключение из правил? Безусловно, любая прямая аналогия имеет свои недостатки, однако понимание того, что население буферной, приграничной зоны может извлечь из своего положения значительную выгоду — причем как материальную, так и символическую, — способно в корне изменить отношение и властей, и населения Республики Тыва к возможности внедрения на своей территории «шлюзовой» модели развития. Другими словами, у них может возникнуть осознание того факта, что именно особенности исторического развития Тувы и ее положение на границе России с регионом Внутренней Азии, часто воспринимаемое как досадное препятствие, может в действительности стать драйвером развития.

Это произойдет в том лишь случае, если инициатива переосмысления текущей модели развития станет исходить от жителей самой республики, а не из центра и не от властей сосед-

них с Тувой регионов. Последние при любом сценарии будут лишь стремиться превратить ее в легко проходимый транзитный участок транспортных коридоров, связывающих центральные районы страны с внешними рынками. В противовес этому сами тувинцы смогут превратить республику в относительно легко преодолимое, но при этом все-таки препятствие на пути товаров, людей и капитала, движущихся по ее территории. В препятствие — и в этом кроется рецепт их будущего успеха, — преодолеть которое сторонним игрокам можно будет только с помощью самих жителей Тувы.

Предпосылки для успешной реализации на практике подобной концепции, безусловно, существуют, и о них уже было сказано выше. Прежде всего, стоит упомянуть чисто географические препятствия, такие как горные хребты Восточных и Западных Саян, Танну-Ола и некоторые другие, разбивающие территорию Тувы на множество слабо связанных между собой котловин. Во-вторых, это негативный образ республики, сложившийся в России благодаря деятельности средств массовой информации и частично подкрепляемый данными статистики. Наконец, не стоит забывать о сложности и закрытости местной политической системы, неприкосновенность которой гарантируется в том числе и благодаря деятельности С.К. Шойгу. Все эти факторы в совокупности приводят к тому, что Тува в глазах внешних наблюдателей уже предстает территорией, на которую сложно проникнуть или освоить самостоятельно, без помощи местных жителей или властей региона.

В то же время растет осознание и того, что она обладает существенным геополитическим и транзитным экономическим потенциалом. Его наличие обуславливает, во-первых, история региона, который на протяжении довольно длительного периода входил в состав Китая и население которого знакомо с китайской системой управления, вело непосредственную торговлю с этой страной и не понаслышке знакомо с особенностями ведения бизнеса ее жителями. Во-вторых, сказывается тесная культурная связь с Монголией, выражающаяся и в единой религии, и в схожести традиционного образа жизни, и в одинаковых поведенческих моделях. Наконец, не стоит забывать и о лингвистической близости тувинцев и

населения Синьцзяна и Средней Азии. В условиях нынешней транспортной изоляции республики она не актуализована, но в случае вывода Тувы из логистического тупика, а также развития дорожной сети внутри республики и изменения статуса пограничных переходов она также способна сыграть свою важную роль.

Вкупе с тем неоспоримым фактом, что современные тувинцы являются одними из самых лояльных граждан большой России и ощущают себя неотъемлемой частью российского народа, все вышеперечисленные факторы взятые вместе означают, что транзитным потенциалом обладает не только и не столько *территория* Тувы, сколько ее *население*. Которое — и это очень важно — может и должно стать инициатором, реализатором и основным бенефициаром превращения республики в некое подобие перевалов на пересечении магистральных артерий Евразии. В этом и только в этом случае транспортные коридоры, необходимость строительства которых ни у кого не вызывает сомнения, смогут стать для региона коридорами развития. Иными словами, осевыми линиями роста, которые не будут лишь пронзать пространство, приводя к его постепенной деградации и к отторжению коренных жителей от среды их обитания, а насыщать его новыми смыслами, возможностями и ресурсами.

Для того чтобы это осуществилось, следует осознать, что Тува может превратиться из дотационного региона и источника головной боли для федеральных властей в процветающий приграничный регион, связывающий центральные регионы с рынками Восточной и, в перспективе, Центральной Азии, только в том случае, если ей самой будет предоставлена инициатива в этом вопросе. И что более важно, если власти Тувы и ее народ захотят и смогут взять эту инициативу в свои руки. До той поры, пока все упования Кызыла будут лишь на новые субсидии из федерального центра, республике гарантировано прозябание, а в том случае, если развитие ее транспортной отрасли будет отдано федеральному центру или на откуп крупным игрокам из соседних регионов, ей будет уготована участь «проходного двора» на далекой окраине страны.

В том случае если коренное население республики так и останется сторонним наблюдателем освоения своей террито-

рии, здесь гарантировано повторение ситуации времен заката империи Цин. Не имея доступа к принятию экономических решений и не являясь бенефициарами новой открытости, тувинцы окажутся в новой, еще более удручающей западне, выходом из которой будет лишь политическая независимость или внешний протекторат. Именно так разворачивались события более столетия назад, когда население Урянхая оказалось в зависимости от китайского и русского торгового капитала и фактически утратило собственную независимость. Именно это, в свою очередь, привело к окончательной утрате Китаем края и изгнанию с его территории всех китайских купцов.

Вне всякого сомнения, подобный ход событий не отвечает интересам ни жителей республики, ни федерального центра. По этой причине наиболее жизнеспособной альтернативой негативному сценарию выглядит создание на территории Тувы свободной *этноэкономической* зоны на манер Хоргоса, с той лишь разницей, что фактическое управление этой зоной будет сосредоточено в руках коренных жителей республики. Задачей власти в этом случае станет не только раскрытие предпринимательского потенциала местного населения, но и недопущение превращения Тувы в исключительно *транзитную* территорию. Иными словами, потребуются решения, не на словах, а на деле гарантирующие то, что основными игроками и выгодоприобретателями трансграничной экономической деятельности окажутся именно жители республики. Окажутся благодаря тому, что смогут в ходе ее осуществления реализовать свой этнокультурный и этносоциальный потенциал. Иными словами, то, что по форме должно напоминать Хоргос, по содержанию будет, наверное, больше походить на бурятскую буузную в центре Маньчжурии.

Гарантией же того, что в Туве удастся соблюсти баланс между политической самостоятельностью и центробежными тенденциями, с одной стороны, и экономической самостоятельностью и расцветом серых схем — с другой, должен стать консенсус между центром и регионом. В краткосрочной перспективе его основой может стать фигура крупного федерального политика, каким, к примеру, является С.К. Шойгу, который будет одновременно выступать и как поручитель во

взаимоотношениях республики с федеральным правительством, и как деятель, обеспечивающий невмешательство последнего в вопросы ее внутренней повестки. С одной стороны, он будет заинтересован в поступательном развитии республики, выступая гарантом его успешности в глазах ее населения, с другой — сможет не допустить ее излишней самостоятельности, являясь также гарантом управляемости внутренних процессов в глазах центрального правительства.

В долгосрочной перспективе подобная центрированность на конкретной личности может, однако, стать причиной неустойчивости всей конструкции. Потребуется постепенный отход от личных гарантий и постепенная институализация буферного статуса Тувы, которая в идеале может быть достигнута благодаря успеху «шлюзовой» модели на практике и дальнейшем законодательному закреплению сложившейся де-факто ситуации. В реальности же выбор дальнейшего пути развития будет зависеть от того, насколько грамотно смогут распорядиться власти республики и ее население той свободой, которая будет им гарантирована на первом этапе реализации такой модели. Зависеть, другими словами, от того, удастся ли им, благодаря покровительству со стороны федеральных властей и особому режиму самоуправления, трансформировать свой буферный, трансграничный статус в экономическую выгоду и направить ее на сохранение собственной культуры, или тувинцам вновь, как и столетие до этого, так и не удастся конвертировать его в свою пользу. В любом случае в настоящий момент переход Тувы к модели «шлюзовой» экономики, при которой основой развития является преграда, а той силой, что помогает ее преодолеть внешним игрокам, выступает коренное население, обладающее этнической спецификой и политической автономией, представляется наиболее релевантной моделью развития. Ее внедрение гарантирует достижение регионом истинной самодостаточности без необходимости смены политической парадигмы, что, безусловно, отвечает интересам как федеральных властей, так и населения самой Тувы.

Список литературы

- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Или-Казахский автономный округ Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. 2018. Сентябрь.
- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Тыва: г. Кызыл, Овюрский, Тес-Хемский и Эрзинский кожууны. 2020. Декабрь.
- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Тыва: г. Кызыл, Тес-Хемский и Эрзинский кожууны. 2022. Июнь.
- Индивидуальная программа* социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». 2020. 10 апреля. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564652912?marker=65C0IR>
- Об утверждении Порядка* предоставления государственной поддержки на реализацию проекта «Кыштаг» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». 2017. 5 июня. URL: <https://docs.cntd.ru/document/450243533>
- Байыр-оол М.С. Сторонники и противники союза Урянхайского края с Россией // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 20–30.
- Балакина Г.Ф., Анайбан З.В. Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 85–92.
- Балданов М.Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы — риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству / Ред. С.А. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 282–304.
- Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. 191 с.
- Башкуев В.Ю. Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Тувинской Народной Республике и становление тувинского здравоохранения (конец 1920-х — середина 1930-х годов) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 52–63.
- Бегзи А.Д. Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 94–108.
- Бичелдей К.А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 14–33.
- Бичелдей К.А., Монгуш Б.Б. Государственные символы Тувы: герб, флаг и гимн, денежные и почтовые знаки. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2019. 112 с.
- Бороноева Д.Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2000. 138 с.

- Василенко В.А. Тану-Урянхайский край в 1911–1912 гг. и рождение трех-стороннего соперничества // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 47–68.
- Васильев Д.Д. Очерк к итогам комплексных исследований древнеуйгурской крепости на озере Тере-холь в Туве // Мир Большого Алтая. 2016. № 2(2-2). С. 364–372.
- Васильчук Т., Докишин В. Пойди, Тува, не знаю куда // Новая газета. 2021. № 56. С. 11–13.
- В столице Тувы презентуют книгу, посвященную Герою России Сергею Шойгу [Электронный ресурс] // ARD. 2020, 11 декабря. URL: <https://asiarussia.ru/news/26160/>
- В Туве подвели итоги губернаторского проекта «Кыштаг для молодой семьи» [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2020. 21 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2020/05/21/v-tuve-podveli-itogi-gubernatorskogo-proekta-kyshtag-dlya-molodoy-semi.html>
- Глава Минвосточка заявил об идее создания с КНР новой зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2022. 31 августа. URL: <https://ria.ru/20220831/zst-1813312630.html>
- Государственный доклад «100-летие единения Тувы и России» [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2014. 10 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2014/09/10/gosudarstvennyy-doklad-100-letie-edineniya-tuvy-i-rossii.html>
- Граф Н. В Туве безработные сельчане смогут получить до 200 голов скота [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020, 16 дек. URL: <https://rg.ru/2020/12/16/reg-sibfo/v-tuve-bezrabotnye-selchane-smogut-poluchit-do-200-golov-skota.html>
- Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синыцзын-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО. 2011. № 3. С. 74–82.
- Дацышен В.Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. С. 127–138.
- Дацышен В.Г. Китайцы в Туве в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 143–159.
- Дацышен В.Г. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике как уникальный опыт российского регионализма // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 19–33.
- Донгак Б. Курс на кластерное развитие отраслей народного хозяйства Тувы в 2021 году должен быть продолжен [Электронный ресурс] // Институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. 2020. 30 декабря. URL: https://vk.com/wall-165241324_774
- Доржу З.Ю. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. // Власть. 2014. № 4. С. 157–161.
- Доржу З.Ю., Иргит О.Ю. «Дело девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской Народной Республики в го-

- ды политических репрессий // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2(34). С. 32–39.
- Дубровский В.А. Конституции Тувинской Народной Республики // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. IV. С. 276–304.
- История Тувы: в 3-х томах. Т. I / Ред. С.И. Вайнштейн, М.Х. Манай-оол. Новосибирск: Наука, 2001. 363 с.
- История Тувы: в 3-х томах. Т. III / Ред. Н.М. Моллеров. Новосибирск: Наука, 2016. 455 с.
- Как в Сергее Шойгу увидели воплощение духа военачальника Чингисхана. Интервью К.А. Бичелдея [Электронный ресурс] // Реальное время. 2017. 23 февраля. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/49747-kaadyr-oool-bicheldey-o-lyubvi-sergeya-shoigu-k-istorii>
- Кужугет А., Татаринцева М. Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 году // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 74. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 20 с.
- Кузьмин С.Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. 2018. № 3(37). С. 2–14.
- Ламажаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. М.: Восход-А, 2008. 497 с.
- Ламажаа Ч.К. Волны архаизации постсоветской Тувы // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 11–26.
- Ламажаа Ч.К. Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194.
- Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.
- Ли Чжоу. Развитие отношений Китая и Казахстана имеет важное стратегическое значение [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр. 2012. 11 января. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-01/11/content_24378549.htm
- Марсадоллов Л.С. Курган Аржан-1 в центре Азии (геополитический и астрономический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. С. 187–195.
- Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4 (25). С. 108–120.
- Михалев М.С. Протекторат как шаг к самоопределению: переосмысление истории Тувинской Народной Республики в год ее столетия // Вестник Российской нации. 2021. Спецвыпуск. С. 72–78.
- Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 149 с.
- Моллеров Н.М. Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1989. 143 с.

- Моллеров Н.М. О смене властной элиты и политического курса в конце 1920-х годов в связи с китайскими и монгольскими событиями // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 24–37.
- Моллеров Н.М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 47–57.
- Молчанов Л.А. Урянхайский край под протекторатом антибольшевистских властей Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). С. 84–93.
- Монгольские рынки в Туве опустели [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2007, 24 января. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2007/01/24/rynok.html>
- Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 360 с.
- Мунге Б.В., Монгуш А.М. Становление и развитие кинофикации в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 81–100.
- Ондар Г.А. Российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг.: Автореф. дисс. ...кандидата исторических наук: 07.00.02. Кызыл, 2000. 22 с.
- Ондар Е.М. Исторические особенности формирования тувинской государственности // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016а. № 1(26). С. 137–143.
- Ондар Е.М. К вопросу об особенностях политического развития Тувинской Народной Республики в 1920–1930-е годы // Вестник ТГПУ. 2016б. № 12 (177). С. 158–164.
- Оплаканская Р.В. История Тувы советского периода: проблемно, объективно, корректно // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 137–142.
- Островских П.Е. Оленные тувинцы // Северная Азия. М., 1927. № 5–6. С. 79–94.
- Отрощенко И.В. Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 36–76.
- Посохин А. «Лунсин»: взгляд изнутри // Тувинская правда. 2013, 10 янв.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Резолюция научно-практической конференции «О роли амбын-нойонов в становлении тувинской государственности и в единении Тувы с Россией». Самагалтай, 2013, 28 марта.
- Рейтинг регионов по доходам населения — 2020 [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 07 июля. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200707/630174723.html>
- Рейтинг регионов по качеству жизни — 2021 [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2022. 15 февраля. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>
- Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей). СПб.: [Б.и.], 1910. 206 с.

- Самдан А.А. Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве // Вестник КИГИ РАН. 2018. № 5. С. 2–13.
- Сафьянов И.Г. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 155–172.
- Сишлек О.М. Мемориальное наследие амбын-нойонов Тес-хемского кожууна Республики Тыва: выявление и описание // Сб. трудов конф. «Наследие — музей — туризм: мифы и современные реалии», г. Улан-Удэ, 20–24 июня 2016 г. / Ред. О.Э. Мишакова. Улан-Удэ: Восточно-сибирский государственный институт культуры, 2016. С. 181–189.
- Сувандии И.М. Улусчу тудуг — Калдак-Хамар: барымдаалыг тоожу [Народная стройка — Калдак-Хамар]. Кызыл: ТывНУЧ, 2009. 88 с. (на тув. яз.).
- Топоров А. Тува: часть России, которую продолжат покидать русские [Электронный ресурс] // Царьград. 2018. 09 июля. URL: https://tsargrad.tv/articles/tuva-chast-rossii-kotoruju-prodolzhajut-pokidat-russkie_145103
- Тувинским борцам разрешили бороться на монгольском Наадаме [Электронный ресурс] // Тува-онлайн. 2022. 21 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2022/05/21/tuvinskim-borcam-razreshili-borotsya-na-mongolskom-naadame.html>
- Тулуш Д.К. Пор-Бажын — образец древнекитайской архитектуры в Саяно-Алтайском регионе // Наследие и современность. 2019. Т. 2. № 1. С. 27–39.
- Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н.э. — первая половина XX в.): в 7 томах / Редкол.: К.Д. Аракчаа, С.К. Шойгу. М.: Слово, 2007–2008.
- Харунова М.М., Харунов Р.Ш. Создание национальной денежной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 208–221.
- Хертек А.С. Первая художественная коллекция Тувинского Государственного музея // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. С. 326–333.
- Ховалыг С.С. История чиновничества Танну-Тувы (середина XVIII — конец XIX в.) // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 155–173.
- Хомушку О.М. Религия в истории культуры тувинцев. М.: ИЭА РАН, 1998. 177 с.
- Хоргос: планы развития стратегического объекта и перспективы для Казахстана [Электронный ресурс] // Strategy 2050. 2019. 12 июля. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/53452/>
- Шабаетв М.Г. Очерки истории здравоохранения Тувы. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1975. 195 с.
- Цыбикова Б.-Х.Б. Фольклор шэнээнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 311 с.
- Aiyzhy E., Mongush A., Mongush A. et al. The Problems of Livestock Theft in Tuva: History and Modernity (Ethnic and Legal Aspects) [Электронный ресурс] // Pastoralism: Research, Policy and Practice. 2021. No. 11:32.

Глава 4

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ. ФОРПОСТ МЯГКОЙ СИЛЫ

Прошлое:

Край Земли, или Баргуджин-Токум

Республика Бурятия является субъектом Российской Федерации и в настоящее время входит в состав Дальневосточного федерального округа. Административно-хозяйственный и культурный центр региона — город Улан-Удэ, в котором проживает почти половина населения республики, составляющего немногим менее одного миллиона человек. Бурятия занимает площадь 351,3 тыс. кв.км и граничит с Монголией на юге, Забайкальским краем на востоке, Иркутской областью на севере и северо-западе и Республикой Тыва на западе. С точки зрения физической географии территория республики входит в горную страну, занимающую значительную часть юга Восточной Сибири и характеризующуюся мощными хребтами и обширными, глубокими и почти замкнутыми межгорными котловинами. Площадь гор в Бурятии более чем в четыре раза превышает площадь, занимаемую низменностями. Основные массивы: Витимское плоскогорье на востоке, хребты Станового нагорья на севере, хребет Хамар-Дабан на юге и Восточный Саян на западе. Территория республики относится к лесостепной зоне, при этом в ее пределах находится 60% береговой линии озера Байкал, крупнейшего пресноводного озера планеты.

Ранняя история Бурятии изучена недостаточно по причине того, что основными источниками для ученых до сих пор являются отрывочные сведения китайских летописей и скудные

данные археологических раскопок, которые в состоянии дать лишь самое приблизительное представление о событиях, происходивших на этой земле в глубокой древности. Принято считать, что в середине II тыс. до н.э. в районе озера Байкал сформировалась так называемая глазковская археологическая культура, носителей которой в дальнейшем сменили племена культуры плиточных могил [Доржиев 2010: 43–48]. В летописное же время территория современной Бурятии входила, на правах далекой окраины, в состав кочевых империй хунну, сяньби и жуаней, которые последовательно сменяли друг друга в центральных районах Внутренней Азии. В том же статусе периферии территория Бурятии позднее являлась частью Тюркского, а затем и Уйгурского каганата. Несмотря на то что некоторые ученые считают «плиточников» Бурятии далекими предками уйгуров [Окладников 1950–1955], а тюркский этнический пласт прослеживается даже у современных насельников края, большинство ученых сходятся на том, что автохтонное население Байкальского региона все-таки следует связывать с предками современных тунгусо-маньчжурских народов [Буряты 2004: 14].

Необходимо отметить, что по причине удаленности территорий, окружающих озеро Байкал, от политических процессов, определявших ход истории в узловых регионах Азии, на протяжении большей части своей древней истории они сохраняли ярко выраженный фронтирный характер. Именно здесь, в подвижной контактной зоне, где соприкасались судьбы более южных, преимущественно скотоводческих народов Внутренней Азии и населяющих северные регионы данной части земной поверхности народов, в жизни которых важную роль играли охота и собирательство, находили убежище отдельные родо-племенные группы, которым по каким-то причинам требовалось сохранить автономность и самостоятельность.

В этом они, как правило, достигали успеха, чему способствовали особенности физической географии региона, представляющего собой, как уже было отмечено, сочетание обширных, но при этом труднодоступных горно-таежных пространств и классических степных ландшафтов, характерных для межгорных котловин. В то время как первые гарантировали надежное укрытие в случае преследования и обеспечивали

условия для подсобной охоты и собирательства, вторые предоставляли возможность заниматься более привычным для степных народов Азии скотоводством. Немаловажно и то, что пересеченный характер местности затруднял осуществление какого-либо государственного контроля и таким образом препятствовал полноценной интеграции населения прибайкальских территорий в состав той или иной кочевой империи. Не способствовали ему и суровые климатические условия, характерные для большей части территории современной Бурятии. Зима здесь суровая и продолжительная, абсолютный минимум температуры составляет -55 градусов по Цельсию.

С рубежа I тыс. н.э. на территорию современной Бурятии начинают проникать монголоязычные племена, в итоге образовавшие здесь племенной союз *байырку-баргут*. Именно его члены в дальнейшем и становятся ядром, вокруг которого, как утверждают современные ученые, начинает формироваться бурятский этнос [Буряты 2004: 25]. Название это созвучно названию самого Байкальского региона, который становится известным монголоязычным народам как *Баргуджин-Токум*¹, что обычно переводят на русский язык как *Край Земли*. В течение многих столетий Баргуджин-Токум и в самом деле является дальней окраиной и самым северным форпостом формирующегося монгольского мира, где на основе синтеза тунгусских, тюркских и собственно монгольских элементов закладывается фундамент будущего бурятского народа.

Первым государственным образованием, созданным монголоязычными народами, считают державу киданей Ляо, существовавшую в течение трех столетий, с X по XIII в., и оставившую значительный след в истории региона. Основным достижением киданей стало то, что они впервые в истории кочевых народов Внутренней Азии в течение продолжительного времени управляли северной частью Китая, благодаря чему смогли заимствовать у проживающего там оседлого населения навыки государственного управления и некоторые

¹ «Этноисторическая область в северной части монгольской метаэтнической общности, пребывавшая в средние века на стадии сложения в этническую целостность вокруг Байкала, исконная древняя родина бурят, будущая этническая (или этнографическая) Бурятия» [Коновалов, Цыбикдоржиев 2017: 129].

другие аспекты культуры. С одной стороны, это заложило основу для создания в дальнейшем Чингис-ханом собственно Монгольской империи. С другой же — привело к тому, что внутри монгоязычного мира произошло разделение на тех, кто приобщился к достижениям цивилизации и одновременно стал жертвой ее пороков, и тех, кто либо отверг и то и другое, либо просто оказался на обочине процессов государственного строительства. По той причине, что контакты с оседлым населением Китая ограничивались *южными* районами державы Ляо, *северные* пределы монгольского мира, включая и Баргуджин-Токум, остались тогда одной из таких периферийных зон развития. Край Земли, со всех сторон окруженный труднопроходимыми горными хребтами, стал пристанищем для не имевших возможности или желания принимать активное участие в государственном строительстве представителей степных народов.

Периферийное положение имело свои важные преимущества. К примеру, проживавшие здесь родо-племенные группы смогли намного лучше сохранить свойственный кочевникам боевой дух и, в отличие от киданей, реализовавших свою историческую миссию и вскоре после этого исчерпавших себя, стали основой, возможно, самого успешного имперского проекта всей истории Великой Степи. Точное место появления на свет легендарного лидера монголов Чингис-хана, создавшего крупнейшее сухопутное государство в мировой истории, до сих пор является предметом спора ученых из разных стран, однако тот факт, что он был родом именно из северных пределов монгольского мира, сомнению не подвергается. Не вызывает серьезных споров и то, что мать будущего «сотрясателя Вселенной» происходила из местности Баргуджин-Токум, которая, как уже было отмечено, находилась на территории современной Бурятии. Самому создателю государства, кстати, приписывают следующие слова, сказанные им о родине предков: «Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум... будет мужественным и отважным, сведущим и сметливым без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убранства, причесывания и румян и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна» [Рашид ад-Дин 1952: 264].

Несмотря на столь лестную оценку, а также тот факт, что территория Баргуджин-Токума вошла в состав их коренного улуса, внимание монголов, как и внимание всех остальных создателей кочевых империй до этого, было приковано к богатому Югу и многообещающему Западу. Процессы бурного развития их государства, корни которого находились в контактной зоне на границе степей и лесов, практически не затронули его северные окраины. Эти земли, как и прежде, продолжали оставаться заповедной территорией кочевой свободы и надежным укрытием для всех тех, кто стремился к автономии и независимости. «Баргуджин-Тукум оказывается как бы за пределами внимания феодальной Монголии... В своей внутренней жизни прибайкальские племена становятся обособленными» [Доржиев 2010: 106–107]. Уклад жизни местного населения и характер политических процессов здесь претерпевают лишь самые незначительные изменения, а территория вокруг озера Байкал продолжает сохранять свой фронтирный, независимый характер.

В свою очередь, закат монгольского государства, сопровождавшийся разрушительными для всего кочевого мира процессами, также не оказал на его северную окраину серьезного воздействия. Смуты в степи привели лишь к тому, что в этот отдаленный горно-таежный край продолжили стекаться как отдельные беглецы, так и целые родо-племенные группы, которые находили здесь убежище и получали шанс сохранить обособленность. С одной стороны, эти процессы закладывали основу для формирования в будущем отдельной бурятской народности в составе монголоязычного мира. С другой же — до тех пор пока между отдельными его частями сохранялась возможность беспрепятственных перемещений, а его целостность не была нарушена государственными границами, процессы эти сохраняли бессистемный характер. О настоящем обособлении бурят речь в то время не шла.

Ситуация в Байкальском регионе начинает меняться коренным образом лишь спустя несколько столетий, в первой половине XVII в. Именно в это время в его пределы начинают проникать передовые отряды русских казаков с запада, а одновременно с этим на востоке значительной силой становятся маньчжуры. Последним удастся подчинить своей власти Ки-

тай и в результате создать в Восточной Азии мощное государство, соединявшее в себе лучшие управленческие, военные и производственные практики скотоводческих и земледельческих народов [Барфилд 2009]. Как результат встречи двух этих противоположных волн экспансии, регион к западу, к востоку и к югу от озера Байкал, в течение многих столетий бывший далекой политической периферией Внутренней Азии, неожиданно становится одним из ее центров и ареной продолжительной, ожесточенной борьбы.

В связи с тем, что борьба эта шла не за контроль над определенной территорией, а скорее за контроль над населением, которое в ту эпоху являлось наиболее ценным ресурсом, проживавшие на территории нынешней Бурятии народы оказались между молотом и наковальней. Не имея возможности отстоять свою независимость или автономию, они были вынуждены выбирать из двух зол. Районы к западу от озера Байкал находились далеко от собственно маньчжурских владений и оставались обособленными даже в рамках монгольского мира. Единственной возможностью избежать присоединения к России для проживающих здесь родо-племенных групп бурят оказывались бунты или бегство в Монголию, а несправедливости представителей русской власти воспринимались особенно остро. В результате именно в Предбайкалье сопротивление было самым ожесточенным. Несмотря на это, уже к середине семнадцатого столетия большая его часть была интегрирована в состав Российского государства.

В то же время ситуация в регионе к востоку от озера Байкал складывалась по-иному: туда русские первопроходцы начали проникать еще в 50–60-х годах XVII в. и вскоре после этого он покрылся целой сетью острогов. «В отличие от западнобайкальских бурят, большинство забайкальских родов и родовых групп решило мирным путем принять российское подданство и платить яsak» [Доржиев 2010: 118–119]. С одной стороны, реальная угроза монгольского или маньчжурского владычества действовала на местное население отрезвляюще, и оно видело в присоединении своих земель к России меньшее зло. С другой стороны, и «русские отдавали себе отчет в том, что население Забайкалья находилось под более тесным сюзеренитетом монгольских феодалов, которые были несравненно могу-

щественнее бурятских князьцов... [и они] легко могли уйти в случае возникновения конфликтных ситуаций» [Буряты 2004: 43]. В свою очередь, это приводило к тому, что политика в отношении коренного населения здесь была более мягкой и продуманной, чем в Прибайкалье.

Стоит отметить, что к моменту прихода русских в Байкальский регион его население не представляло собой политического или социального единства и состояло из нескольких родов и родо-племенных объединений, территориальные и политические границы между которыми были размыты и легко преодолимы. В условиях внутренней раздробленности геополитическая ориентация той или иной группы зачастую зависела от множества случайных, субъективных факторов, поэтому говорить о какой-то исторической предопределенности в случае с вхождением той или иной группы в состав Российского государства следует с осторожностью. Дипломатичный подход конкретного казачьего предводителя или, наоборот, мздоимство и самоуправство со стороны правительственного служащего приводили к тому, что та или иная группа «бращих людей», как стали называть русские все монголоязычное население Байкальского региона, номинально принимала российское подданство или, наоборот, от него отказывалась, откочевывая за пределы зоны его контроля. Схожие процессы проходили и на фронтирных, до конца не присоединенных и не интегрированных в состав Цинского Китая халхасских землях. Здесь монгольские князья и отдельные племенные лидеры зачастую столь же свободно меняли свое подданство, то откочевывая ближе к русским острогам, то возвращаясь назад, под прикрытием стремительно расширявших свое влияние маньчжуров.

Ситуация стабилизировалась, да и то неокончательно, лишь после 1727 г., когда между официальными представителями России и Китая был подписан Буринский договор, на столетия вперед определивший границу между двумя крупнейшими государствами Азии. «По Буринскому договору все роды, племена, кочевавшие в пограничных районах, признавались подданными того государства, на территории которого находились в момент подписания договора. Перебежчики на другую сторону границы возвращались обратно. Переход грани-

цы разрешался только по разрешению пограничных властей» [Доржиев 2010: 122]. В реальности технической возможности обеспечить строгий контроль за исполнением достигнутых договоренностей не было ни у одной из сторон, потому перекочевки отдельных групп бурят и монголов продолжались и после подписания договора, хотя и с гораздо меньшей интенсивностью. В связи с тем, что сам этот процесс стал по сути нелегальным, он был сопряжен с существенными трудностями, которые редко перевешивали те выгоды, что сулила смена подданства.

Принято утверждать, что именно подписание Буринского договора послужило основой для консолидации в единый народ до того момента сильно отличавшихся друг от друга хонгодоров, эхиритов, булагатов, хори и других монголоязычных групп, оказавшихся на российской территории. С одной стороны, это было связано с тем, что «установление Россией устойчивых пограничных рубежей с Монголией и Китаем привело к обособлению бурятских племен от остального монголоязычного мира, к разрыву их традиционных хозяйственно-культурных связей с народами Центральной Азии» [Буряты 2004: 57]. С другой — оказавшись на территории России и проживая теперь бок о бок с русскими и другими народами империи, отдельные монголоязычные группы, несмотря на разницу в происхождении, различающиеся говоры и ярко выраженную родо-племенную идентичность, стали ощущать внутреннее единство, основанное на своей непохожести.

Вплоть до середины XVIII в. выражение «быть бурятом» для местных жителей означало скорее «не быть монголом». Основой же для собственной идентичности выступали особенности материальной культуры и системы жизнеобеспечения населения северных пределов монголоязычного мира, которая включала в себя наряду со скотоводством охоту и собирательство, а также наличие в языке и культуре отдельных тунгусских элементов. А после того как Байкальский регион окончательно вошел в состав России, выражение «быть бурятом» стало все больше и больше означать «не быть русским». В условиях постепенно укреплявшегося политического единства многонациональной и многоконфессиональной Российской империи осознававшим свое неразрывное единство с монголо-

язычным миром бурятам пришлось заново формулировать и отстаивать свою автономность, причем в этот раз автономность культурную и духовную.

Фактически они оказались в составе сразу двух окраин. С одной стороны, их периферийность в системе координат монголоязычного мира после присоединения байкальских земель к России лишь усилилась, с другой же — и для российских властей Бурятия также являлась далеким приграничьем, населенным народами, имевшими мало общего с остальным населением государства. Монгольский Баргуджин-Токум в каком-то смысле оказался теперь еще и российским Краем Земли. Данная перемена в статусе привела к довольно неожиданным последствиям. Оказавшись отрезанными новой государственной границей от родственных им монголоязычных народов и вынужденные с этого момента заново формировать и отстаивать свою идентичность в иноязычном и иноконфессиональном окружении, буряты смогли превратить исторический вызов в исторический шанс.

Ученые единодушны в том, что именно российско-китайское пограничное разграничение стало тем триггером, который запустил процесс этнической консолидации и в конечном счете позволил разрозненным родо-племенным группам сплотиться в единый этнос [Буряты 2004: 60]. Жизненная сила этого нового этноса, образовавшегося благодаря политическим событиям на окраине двух империй, до сих пор вызывает восхищение. Начиная со второй половины XVIII в., т.е. с момента вхождения в состав Российского государства, численность бурятского населения неуклонно возрастает, и эта тенденция продолжается вплоть до настоящего времени. В то время как количество живших по соседству с ними эвенков, на момент вхождения в состав России даже превосходивших их по численности [Долгих 1960: 615–617], постоянно снижается, буряты к началу XXI в. стали вторым по численности коренным народом Сибири. По этому показателю они лишь немного уступают столь же стремительно растущему якутскому населению².

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживало более 461 тыс. бурят и 480 тыс. якутов.

Цифры, безусловно, говорят за себя, однако стоит обратить внимание не только на количественные, но и на качественные показатели. Несмотря на значительное расстояние от основных политических и культурных центров и существенное отличие от остального населения страны, представители бурятского народа всегда играли и продолжают играть важную роль в жизни Российского государства. Их значительный вклад в политику, а также культуру, науку и искусство России невозможно переоценить. Ученый Д. Банзаров, доктор П. Бадмаев, дипломат и общественный деятель А. Доржиев, востоковед Г. Цыбиков, а в наши дни еще и скульптор Д. Намдаков, политик Б. Жамсуев, военный прокурор В. Петров внесли и вносят существенный вклад в развитие нашей страны. Эти имена лишь малая часть тех представителей относительно небольшого народа, проживающего на дальней периферии России, которые добились заслуженного признания на национальном и даже на международном уровне. При этом стоит отметить и то, что буряты в настоящее время являются вторым среди народов России по числу обладателей диплома о высшем образовании на душу населения³.

Тот социальный прогресс, который был продемонстрирован коренными обитателями Байкальского региона за последние три столетия, сказался даже на положении бурят, в разные исторические периоды оказавшихся за пределами России — в особенности тех, кто ныне проживает на территории Республики Монголия и в Китае, в Автономном районе Внутренняя Монголия. Представители окраинного, причем как в понятиях середины XVIII в., так и в современных политических реалиях, населения этих стран оказались чрезвычайно успешны в рамках большого монгольского мира. Шэнэхэнские буряты, проживающие в КНР, являются, к примеру, одной из самых преуспевающих с экономической точки зрения групп коренных малочисленных народов этой страны [Михалев 2017]. Число же этнических бурят, занимавших в прошлом

³ «Перепись 2010 года продемонстрировала... буряты вновь подняли свой образовательный уровень до 297 человек с высшим образованием на каждую тысячу. Тем самым буряты вошли в первую тройку самых образованных народов РФ (на сей раз уступив осетинам, показавшим 299 на тыс.)» [Цыбиков-доржиев 2016].

и занимающих ныне важные государственные посты в Монголии, а также тех из них, кто оказал серьезное влияние на ход истории и на процессы развития этой страны в XX в., уже давно вызывает смешанную, на грани зависти и неприятия, реакцию со стороны основного населения этой страны [ПМА 2019].

Размышляя о предпосылках и определяющих факторах того беспрецедентного количественного и качественного роста, который показали и продолжают показывать жители отдаленного *Баргуджин-Токума* после вхождения в состав России, следует особо отметить фактор государственной границы, которая оказала самое плодотворное влияние на их развитие в рамках нового для них государства. Прежде всего, свою роль сыграло то, что уже на самых ранних этапах обустройства новых рубежей власти России осознали необходимость и даже желательность привлечения местного населения к охране своих границ. Прекрасное знание местности, навыки выживания и ведения боевых действий в условиях гористой лесостепной зоны, личная храбрость и выносливость, а также желание новых подданных России обезопасить себя как от набегов монгольских властителей, так и от маньчжурского владычества делали из бурят отличных стражей границы.

Бурятские конные отряды начинают охранять восточные рубежи Российского государства уже с конца XVII в., помогая русским служилым людям отражать набеги монгольских и маньчжурских ханов [Маргоева 2022: 101–102]. Целенаправленная же работа с целью институализации этой практики начинается с середины XVIII в. Стимулом к созданию воинских подразделений, состоявших из инородцев, стал успех внешнеполитической миссии графа С.Л. Рагузинского-Владиславича, добившегося выгодных для России условий при подписании Буринского договора в немалой степени благодаря тому, что ему удалось привлечь на свою сторону местное население [Гармаев 2014: 6]. Именно этот российский посланник сербского происхождения и встал у истоков бурятского казачества. С учетом хрупкости новых российских рубежей в далеком Забайкалье, формально с санкции императора Петра II в 1728 г. была принята его идея о формировании здесь на постоянной основе инородческих частей, после чего бурятские конные дружины были официально признаны воинским фор-

мированием и им выданы знамена за прилежную службу [Дабайн, Батуев 2019: 9–10].

В 1764 г. выходит указ, в соответствии с которым бурятское казачество реорганизуется в четыре полка, Цонгольский, Ашебагатский, Атаганский и Сартульский, названия которых отражали родо-племенную структуру присягнувшего на верность Российскому государству приграничного населения. Несмотря на то что российское правительство, относившееся к инородческим частям с некоторым недоверием, одновременно направляет в регион и русских казаков-переселенцев из центральных районов страны [Высотина 2007: 44–45], а также ограничивает перечень доступного бурятам вооружения, их значительный вклад в защиту рубежей государства не подлежит сомнению. Стоит упомянуть и о том, что они также принимали активное участие в военных операциях за пределами России — в частности, бурятские части отметились при подавлении Боксерского восстания в Пекине, а также в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. При этом необходимо отметить, что, несмотря на то что буряты-казаки были освобождены от выплаты ясака и выделены в отдельное сословие, это не давало им каких-то существенных выгод с точки зрения улучшения их материального положения. Скорее наоборот: казак был вынужден самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым вооружением и обмундированием, не получал за свою службу жалованья и при этом должен был быть готовым в любой момент взвалить на себя все тяготы службы вдали от дома. Добровольный же выход из казачьего сословия не предусматривался.

С другой стороны, ставшие казаками инородцы занимали более высокое положение в общественной иерархии, и именно они в дальнейшем явились той прослойкой, из рядов которой вышли многие выдающиеся представители дореволюционного бурятского общества. Можно сказать, что во многом благодаря привлечению бурят к военной службе была не только обеспечена безопасность государственных рубежей, но и заложена основа последующей их интеграции в российское общество. При этом необходимо специально подчеркнуть, что причиной инициирования и залогом успешности этого проекта стало периферийное, приграничное положение забай-

кальских бурят, которое давало им преимущество перед теми коренными народами Сибири, которые населяли ее внутренние районы.

Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на судьбы бурятского населения Забайкалья, стала трансграничная торговля, которая в XVIII–XIX вв. во многом определяла характер этнических процессов в этом регионе [Буряты 2004: 61]. Уже 25 августа 1728 г. в Кяхте, основанной С.Л. Рагузинским-Владиславичем, состоялся первый международный торг. На противоположной стороне границы тем временем вырос китайский торговый город Маймачен. В 1743 г. Кяхтинский форпост получил статус торговой слободы [Необычайная Кяхта 2018: 15]. В 1772 г. Кяхта становится единственным пунктом, через который могла осуществляться легальная торговля между Россией и Китаем, и уже «в 1775 году ее удельный вес составил 8,3% (2644 тыс. руб.) в общем внешнеторговом товарообороте России» [Силин 1947: 187]. После этого и сама эта торговая слобода, стоявшая непосредственно на границе, и расположенный неподалеку Троицкосавск, где находилась, помимо прочего, таможенная служба, стали стремительно развиваться. Быстрый рост был обусловлен тем, что вплоть до середины XIX в. пользовавшийся огромным спросом китайский чай и в Россию, и в Западную Европу практически эксклюзивно поставлялся именно через Кяхту. При этом если в 1755–1760 гг., на заре чайной торговли, ежегодный оборот этого товара составлял всего лишь 10–11 тыс. пудов, то через столетие этот показатель уже достиг отметки в 405 тыс. пудов [Необычайная Кяхта 2018: 59]. О феномене кяхтинской торговли, как известно, писал и К. Маркс. Лишь с окончанием опиумных войн между Великобританией и Китаем (1856), постройкой Суэцкого канала (1869), открытием движения по Транссибу, первый поезд по которому прибыл в Верхнеудинск в 1898 г., и с запуском КВЖД (1903) экономическое значение Кяхты стало снижаться. В конечном счете она превратилась из торгового в военный и научный форпост на дальних рубежах империи.

Безусловно, и чайная торговля, и торговля пушниной и ревенем, которыми также славилась в те годы Кяхта, приносила наибольшую прибыль сибирским купцам и купцам из других

регионов страны, для которых далекие монгольские степи оказались эдаким Клондайком. Однако не стоит забывать, что и для местных жителей, в том числе для коренного населения региона, бурят, развернувшаяся поблизости от их кочевий трансграничная торговля также оказалась выгодной. В частности, всем тем караванам, что шли от границы в сторону Иркутска и в обратном направлении в монгольскую Ургу, требовались надежные проводники и охрана. Как и в случае с охраной государственной границы, превосходное знание местности и владение монгольским языком, которые давали бурятам преимущество перед приезжими жителями, оказались в этой ситуации широко востребованными. С большим желанием и немалой пользой для себя они стали принимать участие в обеспечении безопасности и бесперебойности международной торговли.

В то же время жесткое регулирование торговли со стороны Российского государства, а также порожденный этим расцвет коррупции на границе привели к тому, что чрезвычайно прибыльным занятием стала контрабанда. При этом нелегальным промыслом занимались не только простые буряты, имевшие родственников или знакомых в Монголии, но и высокопоставленные служители ламаистского культа, обладавшие хорошими связями по ту сторону границы [Чимитдоржиев 1978]. «Растянутость линии давала населению возможность обходить таможенные посты, тем более что китайская сторона доверила охрану учрежденной границы монголам, а Россия — бурятам и тунгусам. При наличии родственных связей надеяться на строгий таможенный контроль было невозможно», — отмечает в связи с этим российский исследователь С. Кириллова [2018: 139]. На самом деле подобная нелегальная деятельность не просто обеспечивала рост материального благосостояния коренного населения приграничных районов. В неменьшей степени способствовала она и сохранению их трансграничных родственных связей, и интеграции их в российское общество, что, в свою очередь, означало большую открытость к восприятию новых идей, концепций и технологий.

Здесь стоит отметить, что развитие трансграничной торговли в районе Кяхты приводило еще и к тому, что традиционное скотоводство селенгинских бурят стало приобретать

товарные черты. «Кочевники постепенно втягивались в торговые отношения, экономика бурятских хозяйств понемногу стала ориентироваться на рынок» [Бабаков 2018: 63]. Осознав, что продукты животноводства можно использовать не только для собственного потребления, но и для приобретения на вырученные от их продажи других товаров, обычно остававшихся недоступными простым кочевникам, те стали охотно разводить скот на продажу. В свою очередь, активное вовлечение бурят в систему товарно-денежных отношений означало, что их кругозор расширялся, потребности возрастали, внутренний мир усложнялся, а необходимость в знаниях об окружающей их действительности становилась императивом.

Многие российские путешественники отмечали, что забайкальские буряты обладают пытливым умом и стремятся к знаниям, при этом они отличаются еще и природной сметливостью [Потанина 1895]. Все эти качества, однако, не нашли бы себе достойного применения в том случае, если бы они проживали в глубинных районах страны. Близость же Кяхты, а также характер местного купечества, которое предпочитало вкладывать значительную часть прибыли, полученную от осуществления торговой деятельности, в просвещение и строительство школ, музеев и театров, оказались в этом случае настоящей удачей, ибо стремление кочевых скотоводов к европейскому знанию удачно сочеталось в приграничных районах с возможностью его здесь получения. «По количеству образовательных учреждений Кяхта в середине XIX века занимала одно из первых мест не только в Сибири, но и в европейской России» [Необычайная Кяхта 2018: 114]. При этом в местном училище китайского языка, к примеру, преподавал не кто-нибудь, а известный синолог Н.Я. Бичурин (отец Иакинф). В 1833 г. и вовсе была учреждена Троицкосавская войсковая русско-монгольская школа, которая содержалась на средства бурятских казачьих полков и в которой могли обучаться дети бурятских казаков и ясачных бурят.

Именно эта школа, кстати, дала стране этнографа-востоковеда Доржи Банзарова — на тот момент самого, возможно, известного российского ученого из числа «инородцев». В течение долгого времени он оставался символом возможности и желательности приобщения аборигенного населения окраин-

ных районов империи к европейскому образованию. Сын бурята-казака Ашебагатского полка, он смог поступить на философский факультет Казанского университета, после окончания которого блестяще защитил диссертацию, посвященную шаманству у монголов. Несмотря на то что в дальнейшем судьба оказалась к нему не столь благосклонной и Д. Банзаров так и не смог в полной мере реализовать свой талант, его пример стал источником вдохновения не только для земляков-бурят, но и для многих других представителей коренных народов Российской империи. Его успех, как и успех еще одного выдающегося ученого, казаха по национальности Ч. Валиханова, указал «русскому обществу на ошибочность мнения, будто племена, из которых вышли эти лица, не имеют другой исторической задачи, как только населять непригодные для земледелия... степи» [Банзаров 2011: XXXI].

Уникальный сплав степной культуры, европейского образования и коммерческих возможностей, предоставляемых близким соседством с крупнейшей торговой площадкой Сибири, привел к появлению и такого специфического явления, как проводники географических экспедиций, о котором необходимо упомянуть отдельно. Как было отмечено выше, ко второй половине XIX в. Кяхта превратилась из чисто торгового в крупный военный и научный центр. Все дело в том, что в ходе так называемой Большой Игры, или, иными словами, соперничества России и Великобритании за раздел сфер влияния в Азии, определенные круги в руководстве страны присматривались к окраинным территориям Китая и вынашивали планы усиления здесь роли России с возможностью включения их в ее состав [Ухтомский 2011]. Вполне в духе того времени в авангарде движения на Восток находились ученые, которые под прикрытием географических экспедиций должны были собирать ценные военные и политические сведения о тех территориях Срединной империи, о которых у европейцев не было никакой надежной информации. В этой ситуации именно Кяхта как основные ворота России на Восток и важный культурно-экономический центр ожидаемо превратилась в средоточие научно-исследовательской деятельности.

Перипетии личных судеб и хроники экспедиций Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, М.В. Певцова, В.И. Роборовского,

Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.А. Обручева, Г.Н. Потанина и А.В. Потаниной, а также ряда других российских исследователей Центральной Азии детально изучены и широко известны. В 2020 г. на территории бывшей Кяхтинской торговой слободы, откуда начиналось и где заканчивалось большинство их экспедиций, в их честь была установлена памятная арка «Исследователям Центральной Азии» [В Бурятии открыли... 2020]. Однако тому примечательному факту, что проводниками многих из этих экспедиций были местные уроженцы, русские и буряты-казаки Троицкосавского уезда, которые во многом и обеспечивали их успех, уделяется не так много внимания.

На самом деле, принимая во внимание особенности характера местных жителей, а также уникальность их положения на краю одновременно монгольского и русского миров, в этом нет ничего удивительного. Выносливые, привычные к кочевой жизни в условиях степей и полупустынь, казаки были неоценимыми помощниками в непривычных для путешественников из центральных районов страны географических условиях. Их знание местных троп и способность находить воду и правильный путь в самых безвыходных ситуациях не раз спасали жизнь остальных членов экспедиции. Владение же монгольским, а иногда еще и тибетским языком вкупе с пониманием особенностей жизненного уклада и менталитета кочевых народов Востока, которое было присуще бурятам, помогали исследователям и ученым налаживать взаимодействие с местными жителями и при этом избегать ненужных конфликтов. В то же время опыт казачьей службы, знакомство с передовыми образцами науки и техники, а также понимание европейских порядков и обычаев, которое достигалось благодаря ежедневному взаимодействию с представителями государства и возможности получения образования в учебных заведениях Кяхты, гарантировали взаимопонимание между проводниками и руководителями экспедиций.

Отношения эти иногда не оканчивались с завершением путешествия и могли продолжаться долгие годы. К примеру, Дондок Иринчинов, бурят-казак из расположенной непосредственно на границе местности Цаган-Челутай, оставался верным другом и спутником Н.М. Пржевальского на протяжении всех его четырех экспедиций по Центральной Азии. Его отказ

отправиться с ним в последнее, так и не состоявшееся пятое путешествие произвел на великого исследователя столь удручающее впечатление, что тот так и не смог от него полностью отойти. Заслуги Иринчинова были отмечены бронзовой медалью Русского географического общества, а сам Николай Михайлович посвятил своему проводнику немало благодарственных строк в своих отчетах и дневниках. Такого же признания удостоились еще два забайкальских казака, Гомбо Шагдуров и Элбек-Доржи Чердонов, которые были откомандированы сопровождать знаменитого шведского исследователя Свена Гедина и разделили с ним все тяготы его путей по пустыням и плоскогорьям Тибета и Центральной Азии. Великий путешественник в итоге посвятил им свою книгу «Тарим — Лоб-Нор — Тибет: Путешествие по Азии. 1899–1902 гг.» [Гедин 1904], а шведский король Оскар II даже наградил двух бурятских казаков золотыми медалями [Раднаев 2020].

В то время как Иринчинов, Шагдуров и Чердонов в конце концов вернулись после научных экспедиций к своей обычной жизни, для еще одного представителя бурятского казачества, уроженца станицы Глагольческой Цопто Бадмажапова, сотрудничество с В.И. Роборовским и П.К. Козловым оказалось лишь началом блестящей административной карьеры. По мнению современных исследователей, именно он открыл развалины столицы государства тангутов Хара-Хото [Андреев 2020], и лишь «политическая целесообразность» не позволила отдать бурятскому казаку, служившему представителем кяхтинского торгового дома во Внутренней Монголии, первенство в этом важнейшем географическом открытии. Несмотря на этот факт, личные отношения между Козловым и Бадмажаповым продолжали оставаться дружескими на протяжении всей жизни последнего, при этом ему удалось добиться высоких постов уже в социалистической Монголии, дослужившись здесь до должности председателя Монголстроя.

С определенной натяжкой можно сказать, что драматическая судьба Ц. Бадмажапова⁴ явилась наглядным примером того, как сплав восточной культурной традиции, крупного рос-

⁴ К сожалению, нельзя не упомянуть и о том, что в 1937 г., как и многие его земляки, Цопто Бадмажапов был репрессирован.

сийского капитала, европейского образования и государственного интереса к приграничным делам в ходе внешнеполитической экспансии в Азии привел к появлению в Забайкалье, в этом монгольском Баргуджин-Токуме и одновременно российском Краю Земли, особого типа человека. Человека, который оказался способным совместить в себе все лучшее из соприкоснувшихся на территории его малой родины миров и обеспечить их взаимопроникновение и взаимообогащение с максимальной выгодой для себя.

Не секрет, что подобный предприимчивый и открытый внешним влияниям человек *двойного фронтира*, обладающий свободой действий и передвижения, которую ему дает близость пограничного рубежа, ставит государство перед сложным выбором. С одной стороны, оно может использовать в своих интересах эти его особые качества, с другой — эти же качества могут быть использованы против государства в том случае, если жители приграничных районов окажутся агентами влияния внешних сил. В свою очередь, это диктует необходимость применения таких инструментов управления, которые бы обеспечивали лояльность приграничного населения государству, одновременно с этим позволяя таким людям в полной мере реализовать свой особый потенциал [Михалев 2022].

Как уже было отмечено, многие забайкальские буряты вошли в состав казачьего сословия и благодаря государственной службе смогли извлечь выгоду из своего приграничного положения, значительно повысив свой социальный статус. Перед жителями приграничных регионов России открылись и экономические перспективы, которые предоставляла близость такого крупного центра международной торговли, каким являлась в тот период Кяхта. В то же время самым способным из них оказались доступны еще и социальные лифты благодаря тому, что в расположенном поблизости Троицкосавске существовали школы, в которых могли обучаться грамоте в том числе и представители коренного населения. Всего этого, однако, было недостаточно для того, чтобы гарантировать полную лояльность бурят, которые были культурно и исторически связаны с населением Восточной Азии, а в духовном плане находились под влиянием тибетской традиции буддизма,

центры которого располагались на территории империи Цин, соперничавшей с Россией за влияние в регионе [Лялина, Мошкина 2013: 4].

Несмотря на попытки некоторых современных исследователей доказать, что буддизм был знаком предкам современных монголов и бурят чуть ли не со времен державы хунну [Буряты 2004: 410], никаких документальных свидетельств тому не обнаружено. Столь же сомнительным следует признать и популярное в последнее время теоретизирование по поводу того, что в среде кочевых тюрко- и монголоязычных народов, включая и предков современных бурят, уже в далекой древности практиковалась монотеистическая религия, основанная на поклонении верховному божеству Тенгри [Тендрякова 2008]. Современные адепты тенгрианства, или тенгризма, таким образом пытаются искусственно удлиннить историю религии в регионе, одновременно отказывая в подобном статусе шаманизму. В реальности же именно он и должен считаться предшественником буддизма если не в качестве религии, то как гибкая система верований, имманентная мировоззрению народов, проживавших в районе озера Байкал, и при этом тесно вплетенная в систему их общественных отношений [Михайлов 1987; Галданова 1987].

Оставляя за скобками схоластический спор о том, являлся ли шаманизм религией в научном понимании этого слова, следует признать, что его родо-племенная сущность всегда плохо сочеталась с потребностями государственного строительства. Система верований, в которой центральное место занимал непосредственный контакт и преданное служение целому сонму соперничающих между собой духов, была внутренне слишком противоречива, чтобы на нее могли опираться власти, и при этом чрезвычайно раздроблена, чтобы стать основой консолидации общества. Именно поэтому одновременно с началом процессов формирования бурятского этноса заинтересованное в успехе этих процессов Российское государство обратило внимание на буддизм, до того времени относительно чужеродную для бурят религию.

Несмотря на то что первые документальные свидетельства его распространения на территории Забайкалья зафиксированы русскими первопроходцами уже в середине XVII в.

[Абаева 2008: 43], сфера его бытования до поры до времени ограничивалась родо-племенной верхушкой, в свою очередь находившейся под влиянием монгольской знати [Буддизм в истории... 2014: 6]. Только после окончательного вхождения в состав Российского государства и только благодаря его поддержке буддизм получил в Забайкалье по-настоящему мощный стимул к развитию. С одной стороны, оказавшимся в окружении православного населения бурятам для сохранения своей идентичности требовалась религия, которая не отличалась бы сравнимой с православием доктринальной проработанностью, наличием продолжительной исторической традиции и развитой культовой практикой. Но при этом она должна была давать им ощущение принадлежности к большому монгольскому миру, который неожиданно оказался для них отрезанным. Буддизм в этой ситуации выглядел единственным возможным вариантом, ибо позволял защитить свою инаковость в иноэтническом окружении и при этом сохранить связь с обширным культурным ареалом кочевников Внутренней Азии. «Находясь в составе империи, в которой царило абсолютное господство православного христианства, буряты видели в буддизме самый мощный стержень, вокруг которого они могли мобилизовывать свою этническую идентичность» [там же: 62].

Власти, со своей стороны, также осознавали государственный потенциал этой древней восточной религии. Не секрет, что буддизм, проповедующий покорность судьбе, смирение и отстраненность от мирских забот, хорошо сочетается с потребностями государственного управления. История взаимовыгодного сотрудничества видных представителей данного вероучения и мирской власти знает немало ярких примеров того, как совместными усилиями им удавалось обуздывать даже самые «строптивые» народы, направляя их природную энергию в созидательное, с точки зрения государства, русло. С одной стороны, успеху их сотрудничества способствовало то, что буддийские проповедники не гнушались тесного взаимодействия со светскими властями, рассматривая их в качестве инструмента для достижения максимально широкого распространения своего учения. С другой — представители государства использовали духовенство для сакрализации своей власти, обеспечения лояльности и покорности подданных, а также

преодоления их родо-племенной раздробленности. Так происходило и в Китае, и в Тибете, и в Монголии — так, в конце концов, произошло и в Бурятии.

В то же время «царское правительство видело и опасность, которая заключалась в том, что буддийское духовенство было тесно связано с религиозными центрами в Монголии и Тибете, которые, в свою очередь, зависели от политики Китая» [Бардуева 2011: 136]. Серьезную озабоченность вызывало, в частности, то, что и до и после пограничного разграничения с Китаем монгольские и тибетские ламы легко проникали на территорию Забайкалья и при этом чувствовали себя здесь относительно вольготно [Вашкевич 1885]. В подобной ситуации основной целью российской администрации стало завоевание лояльности бурятского населения через всемерную поддержку их религии при одновременном ограничении контактов с соседним государством по духовной линии. Фронтирный характер жизни забайкальских подданных России, а также связанные с этим возможности и риски проявились в этой ситуации во всей своей полноте. При этом благоприятное стечение обстоятельств и политическая прозорливость в конечном счете не только помогли Российскому государству купировать потенциальную опасность внутреннему единству, которую несла в себе духовная зависимость части приграничного населения империи от внешних сил, но и позволили ему поставить буддизм себе на службу.

Существует распространенное мнение о том, что буддизм был признан «официальной религией» уже в 1741 г. специальным указом императрицы Елизаветы Петровны. Некоторые современные исследователи не без основания ставят под сомнение и эту дату, и прямую вовлеченность в проблемы буддийского духовенства царствующей на тот момент императрицы, и даже наличие какого-либо официального документа по этому поводу [Цыремпилов 2014]. При этом сомнений в плане того, что взаимовыгодные контакты Российского государства с местными бурятскими ламами начали завязываться вскоре после вхождения Бурятии в состав России, быть не должно. Интересно, что инициаторами данного процесса являлись сами представители буддийского духовенства, стремившиеся к легитимации своего статуса и видевшие в свет-

ской власти источник своего эксклюзивного положения. «Задача буддийских элит заключалась в том, чтобы сделать царя и его министров союзниками», — подчеркивает в связи с этим Н.В. Цыремпилов [2013: 205]. Не выглядит случайным и то, что история с признанием буддизма официальной религией максимально полно отражена именно в бурятских хрониках, в то время как российские источники того времени серьезного внимания на этот факт не обратили.

Интересно, впрочем, что документ, который, как утверждают, официально легитимировал буддизм в России, носил скорее запретительный и регулирующий, чем разрешительный характер. Важнейшими его положениями были установление лимита на число практикующих лам, необходимость постановки учета и контроля над их деятельностью, а также, что особенно важно, запрет на сношения с представителями других государств. В этой озабоченности без труда читается желание использовать потенциал буддийской веры в интересах государственного строительства, при этом поставив жесткий заслон на пути любого возможного иностранного влияния, которое всегда омрачало взаимоотношения бурятских священнослужителей с российской властью.

Граф С.Л. Рагузинский-Владиславич и в данном вопросе был одним из первых, кто обратил внимание на возможность решения этой непростой задачи через учреждение в Забайкалье автокефалии [Жамсуева 2008: 63]. В том же, что касается реализации этой идеи на практике, особое место занимает фигура первого Пандито Хамбо-ламы Дамба-Доржо Заяева. Уроженец Забайкалья, он отправился на учебу в Тибет, где с успехом прошел полный курс обучения в дацане Гоманг монастыря Дрепунг, после чего вернулся в родные края «не только облеченным высокой ученой степенью (самой высокой на тот момент), но и официально уполномоченным высшими буддийскими иерархами проповедником» [Буддизм в истории... 2014: 16]. Спустя несколько лет после своего возвращения Заяев, в числе прочих делегатов, был приглашен Екатериной II в Москву для выработки нового свода законов Российской империи [Жуковская 2001].

Талантливый и дальновидный политик, в ходе аудиенции с императрицей он смог убедить ее в том, что буддизм может

стать эффективным проводником интересов империи в Забайкалье, однако лишь в том случае, если будет внутренне сплочен и при этом пользоваться поддержкой верховной власти. Екатерина II, в свою очередь, оказалась достаточно прозорливой, чтобы разглядеть в буддизме силу, на которую центральная власть действительно может опереться в этом отдаленном регионе страны. Необходимым условием для достижения данной цели, однако, должна была стать зависимость религиозной власти от светской, что в конечном счете означало бы фактическую лояльность местного населения не иерархам из Тибета или Монголии, а Российскому государству, контролирующему религиозные дела в Забайкалье с помощью назначения и утверждения своими указами местных духовных лидеров.

В результате этой исторической встречи, продемонстрировавшей наличие взаимного интереса у представителей российской власти и бурятского духовенства, в том же, 1764 г. была учреждена должность Пандито Хамбо-ламы как главы всех буддистов Бурятии. Он, и это очень важно, получал свой пост из рук государства, которое подобным образом гарантировало его исключительную компетенцию в вопросах веры. Интересно, что в знак признания за столь высокое доверие и сама Екатерина II, и упоминавшаяся ранее Елизавета Петровна стали, по широко распространенному, но документально не подкрепленному убеждению, считаться воплощениями Белой Тары, важнейшей фигуры буддийского пантеона. Безотносительно того, является ли это историческим фактом или более поздней легендой, не вызывает сомнения, что историческая сделка между государством и буддийской церковью действительно оказалась взаимовыгодной.

С одной стороны, российская власть обеспечивала себе в глазах подданных, исповедующих буддизм, по-настоящему сакральный статус и одновременно, провозглашая фактическую автокефалию Забайкалья, устраняла предпосылки для оказания влияния на своих подданных из-за рубежа. С другой же — местные представители тибетской буддийской школы Гелуг гарантировали себе поддержку административного аппарата империи. С теми возможностями, что предоставляло в их распоряжение государство, они могли бороться за сердца верующих и с сохранявшими влияние шаманами [Михайлов 1987:

180–181], и с представителями конкурирующего, заезжего духовенства. «Бурятам-простолюдинам оставалось только повиноваться поставленным над ними властям, ибо в противном случае им предстояла опасность попасть под кару новосоставленного закона. Став под защиту русского закона, буддизм, естественно, начал расти с удвоенной силой» [Позднеев 1887: 169–170].

Буддизм и государство как две мощные силы, одинаково заинтересованные в консолидации бурятского населения и формировании на его основе надежного буфера на восточных рубежах страны, быстро нашли общий язык. Можно сказать, что вплоть до конца 20-х годов прошлого столетия они продолжали работать в тесной связке, при этом временами их сотрудничество принимало крайне специфические формы. В связи с этим можно вспомнить, к примеру, об интересном обычае отправки портрета царствующей особы в Анинский дацан, расположенный на старом Читинском тракте [Анинский дацан... 2020: 70]. Начало этой традиции, по еще одной популярной легенде, было положено Екатериной II, передавшей в дар бурятской делегации свой бюст, который был затем доставлен в дацан и стал почитаться здесь в качестве важной реликвии. Последующие российские императоры, как уже было сказано, ограничивались тем, что высылали в Забайкалье свои портреты, однако постепенно формировавшаяся в бурятских степях коллекция живописи все равно стала основой для возникновения своеобразного культа православных российских правителей, центр которого размещался в буддийском храме. Подобным образом они оказывались не только помазанниками божьими в православной традиции, но и приобретали сакральный статус в глазах иноверческого населения сибирских окраин [там же].

Буддийские священнослужители принимали активное участие и в тех сутобо мирских процессах, свойственных приграничной жизни, о которых было рассказано выше. Так, не осталось обделенным их вниманием забайкальское казачество, которое в специфических условиях Бурятии не могло быть исключительно православным. Современные интерпретаторы исторического наследия даже настаивают на том, что в прошлом существовали особые казацки дацаны [Олзоева 2017], ламы которых несли воинскую службу. Интересно, что они

исполняли еще и хозяйственную функцию. С одной стороны, наличие среди прихожан значительного числа представителей казачьего сословия давало им возможность предоставлять квалифицированную охрану для купеческих караванов, двигавшихся в направлении от китайской границы и в сторону Монголии, в то время как обширные помещения, построенные на пожертвования верующих, могли быть использованы в качестве постоянного двора или товарного склада. С другой — и само духовенство, как уже было упомянуто выше, весьма охотно принимало участие в легальной и нелегальной международной торговле, пользуясь связями по духовной линии по ту сторону границы, в Монголии, Китае и Тибете.

Взаимовыгодное сотрудничество государства и буддийской церкви в Забайкалье продолжали омрачать лишь упомянутые выше трансграничные связи. С одной стороны, с введением в Бурятии должности Пандито Хамбо-ламы она стала фактически автокефальной, ведь ее глава был подотчетен исключительно генерал-губернатору Восточной Сибири. С другой — тибетские и монгольские ламы продолжали проникать на территорию Забайкалья легально и нелегально, к примеру по торговым билетам [Лялина, Мошкина 2013: 6], а духовный авторитет Далай-ламы среди населения оставался незыблемым. При этом сам верховный первосвященник тибетского буддизма, в свою очередь, проживал на территории Китая и был во многом зависим от политики светских властей этой страны. С приходом же в Индию англичан и постепенным ростом уровня их вмешательства в дела Тибета он рисковал оказаться и под их влиянием также.

Вопрос контроля международных контактов сибирских буддистов волновал российское правительство в продолжение всей истории Бурятии, а виновные в связях с заграничными ламами иногда даже подвергались денежному взысканию и переселению в отдаленные места Восточной Сибири [Вашкевич 1885]. Однако не все видели в этом исключительно лишь опасность. Так, «князь Ухтомский, горячий сторонник сближения России со странами Азии, полагал, что принадлежность большей части бурят буддийскому вероисповеданию должна стать козырем в руках российской наступательной политики в Азии» [Цыремпилов 2014: 99]. Несмотря на оче-

видное наличие у коренного населения Забайкалья внешне-политического потенциала, присущая им «духовная трансграничность», однако, превратилась для государства из головной боли в благоприятную геополитическую возможность лишь на рубеже XIX и XX вв.

Подобная перемена в подходах стала заметной почти исключительно благодаря активной деятельности одного из выдающихся представителей бурятского народа, религиозного и общественного деятеля Агвана Доржиева [Буддизм в истории... 2014: 72]. Уроженец бурятского улуса Хара-Шибирь Хоринской степной думы, он смог сделать головокружительную карьеру в Тибете, не только став в результате одним из наставников Далай-ламы XIII, но и заняв ключевой пост министра финансов в его правительстве. Влияние его на буддийского первосвященника было столь велико, что ему удалось уговорить того искать поддержки императора Николая II в его усилиях балансировать между Пекином и Калькуттой. В 1898 г. Доржиев прибыл в Петербург в ранге полномочного представителя Тибета и в этом качестве получил аудиенцию у Николая II [Дамдинов 2010]. Несмотря на то что российский самодержец отнесся к предложению верховного буддийского иерарха с интересом, непростое международное и внутреннее положение страны, а также необходимость поддерживать хорошие отношения с Великобританией не позволили тогда А. Доржиеву вывести российско-тибетские связи на новый уровень. Более того, в определенной степени именно активная дипломатическая деятельность на «Крыше мира» российского подданного развязала руки Лондону и Калькутте. Вызванная его посольством наигранная обеспокоенность по поводу втягивания Тибета в сферу влияния России вылилась в итоге в интервенцию 1904 г. и оккупацию части территории Тибета британским экспедиционным корпусом.

До того момента, пока англичане не вывели из Лхасы свои войска, Далай-лама XIII большую часть времени оставался в Монголии, в Урге. Здесь он находился в тесном контакте с российскими дипломатическими представителями, а также встречался с известными учеными, путешественниками и паломниками из России. Рядом с ним постоянно был и Агван Доржиев, который настойчиво склонял буддийского иерарха

к тому, чтобы искать помощи России в том затруднительном положении, в котором тот оказался. Обсуждался даже вопрос о переносе его резиденции в Забайкалье, в Селенгинск [Шаумян 2017: 98]. Подобное развитие событий, однако, не устраивало уже российскую дипломатию, рассматривавшую такой резкий шаг как потенциальный источник конфликта с Пекином и Лондоном, который Санкт-Петербург в то время просто не мог себе позволить. В конечном счете Россия и Великобритания договорились о том, что только Китай может обладать полным суверенитетом над территорией Тибета, и Далай-лама XIII вернулся в Лхасу. Миссия же А. Доржиева по налаживанию российско-тибетских связей осталась нереализованной.

В дальнейшем этот масштабно мыслящий и в чем-то предвосхитивший свое время религиозный и общественный деятель сделал еще многое как для развития буддизма в самой России, так и для его пропаганды за рубежом. При этом его связь с Лхасой не ослабела даже тогда, когда в результате Октябрьской революции 1917 г. к власти в стране пришли большевики. Доржиев, который стал одним из лидеров обновленческого движения в буддизме и призывал лам идти в народ, проводя параллели между традиционной религией бурят и коммунизмом, был и теперь вхож в самые высокие кабинеты, где продолжал добиваться того, чтобы отношения новой России с Тибетом стали более близкими. Несмотря на то что его миссия «нужна была большевикам... для продвижения „мировой революции“ на буддийский Восток» [Амоголонова 2015: 23], ситуация в стране и мире и в этот раз не позволила Доржиеву вовлечь Страну снегов в сферу влияния России. Неудачей закончились также все его усилия по реформированию буддизма. С одной стороны, с конца 20-х годов прошлого века власти взяли курс на его окончательное искоренение, с другой же — идеи обновленцев не нашли отклика и в сердцах верующих в самой Бурятии [Буддизм в истории... 2014: 81].

Казалось, что очередная неудача внешнеполитической миссии Доржиева, его арест и трагическая смерть в 1938 г. поставят крест на международных перспективах бурятского буддизма в ситуации, когда само его существование было поставлено под вопрос антирелигиозной политикой советского

государства, решившего полностью порвать с двухвековой традицией сотрудничества буддийских и светских властей России. Гонения на религию в 30-е годы в Бурятии оказались даже более сильными, чем в других частях страны, и к началу 40-х годов на территории республики не осталось ни одного действующего дацана. Храмы были разрушены, предметы культа уничтожены или реквизированы, ламы репрессированы либо прекратили религиозную деятельность, проведение обрядов каралось законом. Схожие события происходили в это время и в соседних странах, Туве и Монголии.

Ближе к окончанию Великой Отечественной войны ситуация, однако, начинает постепенно меняться, и уже в 1946 г. в СССР создается Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ), а также открываются для посещений верующих первые два дацана — Агинский и Иволгинский. Постепенно начинает восстанавливаться буддийская традиция, и уже к середине прошлого столетия становится возможным говорить о том, что в диалоге церкви и государства снова присутствуют оба участника, хотя их общение пока еще и не идет на равных. Государству в то время не требовалась сакрализация собственной власти, и оно не считало церковь важным союзником в том, что касалось обеспечения лояльности приграничного населения. В этом вопросе оно полагалось исключительно на себя. При этом в плане внешних угроз и внешних возможностей правительство СССР оказалось верно именно «заветам» Агвана Доржиева. Потребность в расширении идеологического влияния в Азии диктовала необходимость активной работы на «религиозном фронте», и наличие в этой ситуации значительного числа последователей школы Гелуг, а также их давние связи с Монголией и Тибетом оказались тем дополнительным козырем, в котором остро нуждался СССР.

Уже начиная с 1950-х годов деятельность ЦДУБ СССР была переориентирована на международное направление [Митыпов 2006: 126], а его задачей стали налаживание взаимодействия с буддистами за рубежом и пропаганда достижений тех народов Советского Союза, что исповедовали эту религию. После того как в 1969 г. была создана Азиатская буддийская конференция за мир (АБКМ) со штаб-квартирой в г. Улан-Батор, ЦДУБ СССР стало выполнять координирующую меж-

дународную функцию, оказывая финансовую поддержку АБКМ [Бакаева 2012: 42]. Интересно, что, несмотря на то что буддизм в России исповедуют также калмыки и тувинцы, эта деятельность вплоть до распада СССР фактически ограничивалась территорией Бурятии. Можно сказать, что подобным образом представители данной республики приняли эстафету у своих предшественников, также внесших свой немалый вклад в установление и поддержание интенсивных и взаимовыгодных духовно-политических контактов в Азии. В связи с этим будет уместно процитировать высказывание российского исследователя И.Р. Гарри: «С определенного момента они стали видеть себя в качестве авангарда просвещенной Европы в родственной Азии, посредником в продвижении глобальных идеологических проектов Российской империи и Советского Союза... будучи подданными Российской империи, бурятские интеллигенты были вольно или невольно эмиссарами во Внутренней Азии царской и советской политики» [Буддизм в истории... 2014: 72].

Международную деятельность ЦДУБ при этом вряд ли можно назвать успешной. Ему так и не удалось преодолеть традиционную периферийность российских буддистов на международной арене, что, вероятно, было неизбежным в условиях одновременной конфронтации и с КНР, фактически контролирующей территорию Тибета, и с США, напрямую поддерживавшими Далай-ламу XIV в его изгнании. В этих условиях находившееся в прямой зависимости от официально атеистического советского государства и напоминавшее скорее бюрократическую структуру, чем духовное заведение, ЦДУБ не имело в своем распоряжении ни финансовых, ни управленческих, ни идеологических ресурсов, чтобы вести действительно успешную деятельность на международной арене. Таким образом, несмотря на то что острый конфликт начала века между государством и буддийской церковью был в конечном счете преодолен в его второй половине, на протяжении всего советского периода речь не могла идти о возвращении буддизма в качестве консолидирующей внутренней силы или тем более в качестве силы, направленной вовне. Силы, иными словами, обеспечивающей надежное связывание опасного потенциала фронта и одновременно направляющей его избыточную энергию в сторону внешней экспансии.

Настоящее: автономный буддизм

Буддийская церковь оказалась далеко не единственным социальным институтом, чья роль в советский период была сведена к минимуму. Аналогичная судьба постигла в Бурятии и казачество, которое из важнейшего фактора приграничной жизни и влиятельного проводника интересов государства в Забайкалье превратилось сначала в его же врага, а затем и в изгоя. Вызвано это было в основном ролью казаков в Гражданской войне, шрамы которой здесь оказались особенно глубоки и продолжают оставаться важным фактором общественной жизни даже в наше время. Как и в большинстве других регионов России, казаки в Забайкалье оказались по разные стороны фронта, при этом большая их часть все же поддержала Белое движение [Басаев 2021]. Регион превратился в арену яростного противоборства, при этом приграничное положение гарантировало его затяжной характер, по мере того как поначалу чисто внутреннее, российское противостояние затягивало в свой омут также народы и сопредельных государств. Особая роль выпала Монголии, на территорию которой переносили свои боевые действия и красные, и белые. В конечном счете деятельность атамана Семенова и барона Романа фон Унгерн-Штернберга [Кузьмин 2011], с одной стороны, и активность противостоящих им большевистских сил — с другой, во многом предопределили судьбу этого государства в XX в.

Кровавые междоусобицы не просто подорвали единство и истощили силы забайкальского казачества, многие представители которого погибли или эмигрировали из страны, но и поставили его в оппозицию к новым, советским властям, которые так и не смогли простить им поддержку Белого движения. Казачество стало восприниматься как полностью реакционная прослойка, а его история и культура подвергались систематическому искоренению. Безусловно, в некоторых отдаленных, труднодоступных районах республики оно смогло сохранить историческую память и часть традиций. Однако связь поколений была прервана даже на самой дальней периферии, и речь, конечно же, не могла идти о возвращении той важной роли, которую казачество когда-то играло в социаль-

ном, экономическом и политическом развитии забайкальского фронта. Несмотря на то что в конце 80-х годов прошлого века, на волне демократизации общественной жизни и повсеместного стремления к воссозданию традиций в Бурятии также началось движение по возрождению казачества, оно так и не смогло ни вернуть себе былое положение, ни стать новым ключевым фактором общественного развития.

Причин подобной неудачи было несколько. С одной стороны, в настоящем возвращении казачества на историческую арену не было заинтересовано государство, опасавшееся его превращения в еще один очаг сепаратизма и этнических конфликтов. Недостаточная четкость юридического статуса, крайне ограниченные и при этом не подкрепленные необходимыми ресурсами функции, которые ему при этом вменялись, а также серьезный урон, нанесенный институту передачи традиций, стали причиной того, что постсоветское казачество превратилось в своего рода «реконструкторское движение». Внешним атрибутам стало придаваться большее значение, чем вопросам практической службы на пользу обществу и государству, в результате чего образ казака как праздношатающегося мужчины средних лет с нагайкой в руках приобрел почти карикатурные черты. Единственной сферой применения сил в этой ситуации оказались фольклорные ансамбли, а также работа на потеху массового туриста, падкого на всякого рода китч.

В Забайкалье, оторванном от основных казачьих центров страны, эта тенденция оказалась особенно ярко выраженной, и казачество здесь теперь ассоциируется лишь с патрулями, которые в середине 90-х годов «терроризировали» местные поезда, да различного рода доморощенными фестивалями самодеятельности [ПМА 2022]. Попытки отдельных лидеров превратить возрожденное казачество в реальную политическую или общественную силу, как правило, оказываются тщетными — как из-за организационной слабости и раздирающих движение междоусобных конфликтов, так и по причине низкой в этом заинтересованности и в целом отстраненной позиции государства. К охране границы казаков, к примеру, сейчас практически не допускают, и они вынуждены заниматься приущим им исторически родом деятельности лишь после серии

длительных проверок и при этом сугубо на добровольной основе. В свою очередь, это не способствует ни росту их авторитета у населения региона, ни привлечению в казачество новых членов. В то же время широко анонсировавшиеся льготы для казачьих поселений привели к тому, что в казаки стали записываться целыми селами, жители которых ни в прошлом, ни в настоящем не имели к казачеству никакого отношения. Дело доходило до анекдотических ситуаций⁵, при этом итог кампании оказался плачевным. Обещанные льготы так и не были предоставлены, после чего идея возрождения казачества в Забайкалье оказалась дискредитированной полностью.

В результате, как отмечает в своем исследовании антрополог А. Маргоева, потомственные бурятские казаки стали избегать каких-либо ассоциаций с казачеством [Маргоева 2022: 107]. Движение в конечном счете превратилось в сомнительное прибежище для не реализовавших себя людей, увидевших в нем альтернативную возможность продвижения по социальной лестнице [ПИМА 2022]. В связи с тем, однако, что такой возможности не существовало в действительности, разочарование внутри самого казачества постоянно росло, что приводило ко все более ожесточенным конфликтам. Они, в свою очередь, усиливали и без того негативный образ современного бурятского казачества.

Еще одной причиной того, что этот эффективный в прошлом механизм канализации избыточной энергии приграничного населения в государственных интересах не может исполнять подобную функцию в настоящий момент, является то, что забайкальское казачество стремительно теряет свой мультиконфессиональный характер, который являлся его важнейшей характеристикой с момента появления на исторической арене. Во многом под влиянием аналогичных процессов, протекающих в других регионах традиционного расселения казачества,

⁵ Так, к примеру, выглядел этот процесс в Кяхтинском районе Бурятии: «Администрация Кяхтинского района Бурятии торопится: до Нового года нужно успеть составить список сел, готовых войти в реестр казачьих поселений РФ. Решили, что в этот реестр должны войти все села Кяхтинского района — и исконно казачьи, и обычные, которые никогда не несли государственную службу. Что будет дальше, мало кто себе представляет, но на селе говорят: „Хуже уж точно не будет“. Авось, пойдут федеральные деньги на казачьи поселения, тогда и жизнь на селе наладится» [Самойлова 2004].

оно начинает ассоциироваться исключительно с православной верой, что в условиях Бурятии не просто исторически некорректно, но и чревато отторжением со стороны коренного населения региона. Как было показано выше, буддийская составляющая местного казачества была сильна изначально, а веротерпимость, отличавшая данную сословную группу, всегда способствовала ее внутреннему сплочению. Несмотря на то что в некоторых районах местные атаманы продолжают настаивать на равенстве вер и освобождают казаков буддийского вероисповедания от публичного следования православным обрядам, представление о казаках исключительно как о христианах все еще широко распространено, в том числе и среди нехристианского населения Забайкалья [ПМА 2022].

В этих условиях буряты, в том числе и являющиеся прямыми потомками местных казаков, испытывающие желание быть полезными Отечеству так же, как это делали их предки, выбирают уже не казачество, а службу в регулярной российской армии, а также другие силовые структуры, не имеющие четкой привязки к охране и освоению приграничных районов. Казачество же в этих условиях окончательно превращается в фольклорно-этнографический феномен, что, в свою очередь, означает, что и возрождение казачьих дацанов [Дабаин 2018; Бултурмур дацан... 2017], и любые иные попытки апелляции к исторической памяти оказываются искусственными и по своей сути бесплодными.

В этой ситуации речь, к сожалению, уже не может идти о том, чтобы взять на вооружение дореволюционную практику использования казаков-бурят в качестве тех же проводников. Или, с поправкой на особенности современной социально-политической ситуации, использовать уникальные знания и навыки, проистекающие из особенностей их приграничного существования, для организации взаимодействия со странами Восточной Азии. Несмотря на то что и в наши дни немалое число бурят служат в российской армии, а также задействованы на дипломатическом фронте, их личный успех и продвижение по службе ныне целиком и полностью зависят от степени их интегрированности в общее социальное, культурное и экономическое пространство страны, а не обуславливается их знанием обычаев, традиций, культуры и языков жителей

родного региона. Другими словами, зависит от того, насколько далеко отошли они от своей трансграничной уникальности и усвоили общепринятые в российском социуме ценности и знания, а не от того, насколько глубоко они укоренены в традициях и культурной специфике Восточной Азии.

Парадоксально, но в этих условиях продуктивная трансграничность, которая в течение почти двух столетий позволяла бурятам не просто не потеряться на просторах обширной империи, но и вырасти количественно и качественно, а также оставить свой значительный след в истории страны, иногда оказывается под негласным запретом. Ситуация с наследием Агвана Доржиева, о вкладе которого во внешнеполитические успехи России на Востоке много говорилось в предыдущем разделе, лучше всего иллюстрирует трансформацию парадигм и приоритетов, характерную для современной Бурятии. Несмотря на то что официально никем не оспаривается тот факт, что Доржиев является одним из величайших представителей бурятского народа, его имя в республике ныне предпочитают не упоминать в общественных дискуссиях, а обширное наследие, им оставленное, исследуется лишь эпизодически и по личной инициативе тех или иных ученых. Это тем более удивительно, что Доржиев был уже давно реабилитирован [Дамдинов 2020: 200]. Несмотря на это, в наши дни даже его прямые родственники предпочитают не афишировать факт своего родства с ним [ПМА 2022], а научные дискуссии по вопросам его политического и культурного наследия вынесены за рамки официальной повестки.

Многие в республике связывают этот факт проявления «культуры отмены» в отношении Агвана Доржиева с неоднозначной позицией по данному вопросу XXIV Пандито Хамболамы Д. Аюшеева, который не один раз и притом публично подвергал сомнению его историческое наследие. «Иркутских бурят опасно пускать в буддизм. Нам хватило одного Агвана Доржиева!» — как-то, к примеру, воскликнул он в сердцах [Хамбо лама... 2017: 21]. Подобная настороженность со стороны буддийского иерарха действительно имеет место, что связано в том числе и с современной трактовкой предпосылок, хода и последствий обновленческого движения в буддизме начала XX в., одним из лидеров которого как раз и являлся

Доржиев. Несмотря на это, представляется, что истинной причиной дистанцированности современных бурятских элит от его имени является то, что он вел активную деятельность за пределами Бурятии и даже России, реализуя подобным образом свою трансграничность вовне. Многими в республике в наши дни это трактуется как работа на внешние силы.

Как было уже отмечено выше, одним из факторов, в свое время обусловившим быстрое развитие бурятского казачества в приграничных районах Забайкалья, было его симбиотическое партнерство с крупным торговым капиталом, формировавшимся на основе торговли чаем. К сожалению, потенциал международной экономической деятельности, которая в прошлом позволяла трансформировать энергию Баргуджин-Токума в экономическое чудо, обеспечивавшего базу и для развития казачества, и для внешней экспансии государства, в настоящее время почти не используется. Свидетельством тому плачевное положение, в котором пребывает некогда процветавший приграничный город Кяхта. Зброшен монументальный Гостинный двор, на территории которого когда-то кипела международная торговля, постепенно приходят в негодность величественные купеческие особняки, соборы, музеи и театры «песчаной Венеции», и лишь средоточие представительств силовых ведомств гарантирует, что прославленный приграничный город окончательно не превратится в живописные развалины, расположенные прямо посреди бескрайних забайкальских степей. Строительство Суэцкого канала и открытие движения по Транссибу, которые упоминались выше, вряд ли способны дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему этот ключевой приграничный город, расположенный в одной из узловых точек глобальной системы транспортных коридоров Евразии, которые воссоздает в рамках своей внешнеполитической инициативы «Один пояс — один путь» Китай, продолжает приходить в запустение и в наше время.

Самое плачевное, что при стечении благоприятных внешних обстоятельств Кяхта способна вновь стать важным перевалочным пунктом на пути товаров и капитала из Азии в Европу. Однако даже в этом случае ни для самого города, ни для региона в целом это не изменит магистрально негативную экономическую тенденцию. Проблема в том, что, в отличие,

к примеру, от Тувы или Алтая, Бурятия давно и надежно интегрирована в народное хозяйство и транспортную сеть страны. В свою очередь, это означает, что ей в любом случае не избежать транзитного статуса, который не позволит той же Кяхте стать самостоятельной точкой роста за счет участия в прибыли от прохождения глобальных торговых путей по ее территории. Возможный рост товаропотока не сможет способствовать развитию региона еще и потому, что, в отличие от XVIII–XIX вв., современная Кяхта не является сколько-нибудь значимым центром образования и культуры. По этой причине она не способна привлечь амбициозных и активных граждан, которые предпочтут уехать в соседние регионы и именно там развивать свой бизнес или строить карьеру.

Подводя итог, приходится констатировать, что, в отличие от дореволюционного периода, ни казачество, не имеющее в наши дни социальной и экономической базы и при этом раздираемое внутренними противоречиями, ни трансграничная торговля, центр которой находится теперь за пределами региона по причине его избыточной интегрированности в транспортную сеть страны, не в состоянии стать драйверами внутреннего роста Бурятии. Внешняя же экспансия, возможность которой в свое время обеспечивала фронтирная предприимчивость ее коренных жителей, подкреплённая солидной образовательной базой, в наши дни технически невозможна. При этом даже идея такой экспансии не пользуется популярностью у правящих кругов Бурятии.

В этих условиях единственной силой, на основе которой все еще сохраняется возможность ускорить социальное и экономическое развитие региона с учетом его культурных и исторических особенностей, оказывается, как это ни парадоксально, буддизм. Связано это с тем, что, в отличие от экономической и военной, в религиозной сфере Бурятия смогла вернуть себе утраченные позиции и даже в чем-то их немного усилить. Так же как и в остальных регионах страны, конец XX в. ознаменовался в республике процессами религиозного возрождения. Восстанавливались разрушенные в 30-е годы дацаны, вспоминались давно забытые обряды, рос авторитет буддийской сангхи. При этом, в отличие от Тувы и Калмыкии, где схожие процессы приходилось начинать практически с нуля,

буддийский ренессанс за Байкалом имел под собой хотя бы минимальную базу. Как уже было отмечено, еще в 1946 г. для верующих были открыты Иволгинский и Агинский дацаны, а немногочисленные бурятские священнослужители были интегрированы в государственный аппарат благодаря деятельности Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ).

Впрочем, в сравнении с дореволюционной ситуацией все это было лишь каплей в море, и хлопот все равно хватало. Прежде всего требовалось восстановить и обеспечить всем необходимым дацаны. Ключевая проблема при этом заключалась в том, что, несмотря на то что в советский период религиозная деятельность в республике полностью не прекращалась, для работы там требовались официально обученные ламы, которых было абсолютно недостаточно, в связи с чем остро встал вопрос подготовки кадров. «В 1991 г. духовенство Бурятии получило право на открытие Буддийского института при Иволгинском дацане для подготовки священнослужителей и интерпретаторов буддийской канонической литературы» [Буряты 2004: 414], он даже получил федеральную лицензию университета [Намсараева 2008: 69], однако этого все равно было недостаточно.

В этих условиях взгляды верующих и духовенства обратились за границу, что стало особенно заметным после того, как в 1992 г. Бурятию в очередной раз посетил Его Святейшество Далай-лама XIV. Его пастырский визит не просто способствовал популяризации буддизма, но и открыл своеобразный ящик Пандоры. Вслед за тибетским первосвященником в Россию потянулось значительное число его соотечественников, появление которых изголодавшиеся по общению с единоверцами из-за рубежа буряты встречали с радостью и надеждой [Ванчикова 2012]. Государство, и в дореволюционное, и в советское время пристально отслеживавшее деятельность иностранных лам на своей территории, на этот раз не просто не вмешалось в ситуацию, но и стало всеми доступными ему способами поощрять их прозелитскую деятельность. Отдавая дань духу времени, местные власти демонстрировали предпочтение импортному в ущерб отечественному. Одновременно с этим, вскоре после открытия границ страны возобновилась

практика направления перспективной молодежи на обучение в заграничные монастыри. Возобновилась с той лишь разницей, что к давно привычным для бурятских юношей Монголии и Тибету теперь добавились монастыри, расположенные в Индии. Там молодые буряты могли получить духовное образование под руководством тибетцев, эмигрировавших в 50-е годы из Китая вместе со своим учителем Далай-ламой XIV.

Ситуация в высших слоях российского буддийского духовенства оставалась при этом нестабильной. Многие священнослужители стали уходить в политику, что вызывало осуждение со стороны верующих и кривотолки среди коллег. Можно вспомнить политическую активность безвременно ушедшего из жизни Федора Самаева, который был депутатом Народного Хурала Республики Бурятия, а также деятельность дид-хамбо-ламы Доржожапа Мархаева, бывшего членом Конституционного собрания Российской Федерации. В то же время после кончины в 1992 г. XXI Хамбо-ламы Мунко Цыбикова, ламы старшего поколения, ЦДУБ утратило контроль над ситуацией внутри организации. Всего за несколько лет были избраны на должность, а затем отстранены сразу несколько Хамбо-лам. «Любопытно, что вслед за избранием каждого из них на должность Хамбо-ламы происходила смена „команды“: заместителей (*дид-хамбо*), членов совета ЦДУБ, настоятелей дацанов, точь-в-точь напоминая смену власти в государстве, республике, крае или области» [Жуковская 2013: 56]. Ни одному из иерархов в этих условиях так и не удалось консолидировать даже сангху в родной для них Бурятии. Пользуясь центробежными тенденциями, характерными для того исторического периода в целом, от ЦДУБ отделились калмыки и тувинцы, заявившие о своем прямом подчинении Далай-ламе.

В этих условиях влияние иностранных и прежде всего тибетских лам в Бурятии резко усилилось. С согласия и даже при поддержке светских властей республики им были выделены лучшие земельные участки в Улан-Удэ. Наличие же финансовой подпитки из-за рубежа, а также усвоенные при жизни там современные «методы работы с паствой» позволили им сформировать и удачно «продать» населению республики обновленный, более понятный и при этом эстетически привлекательный образ традиционного буддизма. «Наиболее извест-

ными из тибетских монахов, достигшими особенных успехов в России, [оказались] Ело-ринпоче и гешэ Тинлей. Они, обладая незаурядными ораторскими и организаторскими талантами, создали свои собственные центры с обширным кругом последователей не только в Бурятии, но и по всей России» [Ванчикова 2012: 132]. Можно сказать, что по популярности они успешно соперничали с официальными буддийскими организациями республики, и лишь избрание в 1995 г. нового Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева не позволило религиозной ситуации в Бурятии полностью выйти из-под контроля и развиваться по калмыцкому сценарию.

Как известно, там, в приволжских степях тибетскому лидеру в изгнании удалось извлечь из своих частых посещений долгосрочную и притом существенную политическую выгоду. Во многих отношениях он смог восстановить тот уровень прямых контактов с Калмыкией, который был утрачен даже не в 1917 г., а скорее полутора столетиями ранее, в 1771 г. В результате вновь, как и во времена Аюки-хана, глава школы Гелуг превратился в значимую фигуру калмыцкого политического ландшафта, неформальное признание со стороны которого стало критичным для поддержания авторитета светского главы республики, являющейся, помимо прочего, одним из субъектов Российской Федерации. Традиция получать неформальное благословение тибетского первосвященника пошла уже от первого главы Республики Калмыкия Кирсана Илюмжинова⁶, посетившего резиденцию первосвященника в Дхарамсале и даже предлагавшего тому политическое убежище в Элисте, и была затем продолжена его преемником [Алексей Орлов... 2011].

Резко усилилось влияние Далай-ламы XIV и на умонастроения простых граждан республики, причем именно в тот период, когда калмыки, как и буряты, находились в поиске

⁶ «Первое паломничество Илюмжинов организовал в 1993 г. в Индию, в Дхарамсалу, где находится резиденция Его Святейшества Далай-ламы. Он сам его и возглавил, а в составе делегации было 20 человек: председатель парламента Республики Калмыкия, министр образования, министр культуры. Телевидение Калмыкии снимало отчет о данном паломничестве. С этого момента и началось подлинное возрождение буддизма в Калмыкии» [Буваев 2018].

духовных скреп для воссоздания своей идентичности, сильно пострадавшей за годы советской власти. При этом политическим инструментом для актуализации этого влияния оказался молодой американец калмыцкого происхождения Эрдни Омбадыков⁷, который сопровождал Далай-ламу XIV в ходе его визитов в республику в 1991–1992 гг. Неожиданно для многих этот совсем еще юный выходец из семьи политических эмигрантов, объявленный перевоплощением средневекового индийского тантрика Тилопы, был назначен официальным представителем тибетского первосвященника в Калмыкии. В 2014 г. он же стал почетным представителем Его Святейшества в России, странах СНГ и Монголии. В результате этими назначениями Далай-лама, по сути, вернул Калмыкии статус важнейшего буддийского центра северной Евразии. Следует, впрочем, оговориться, что этот статус так и не был признан российскими властями. В Москве все это время продолжали делать ставку на Бурятию и на главу Буддийской традиционной сангхи России (БТСР) Д. Аюшеева⁸, конфликтующего и с самим Далай-ламой XIV, и с его почетным представителем в странах СНГ и Монголии Э. Омбадыковым.

Одной из причин настойчивого нежелания российских властей признавать выбор главы школы Гелуг стала сама фигура его молодого протеже, первые годы пребывания которого на калмыцкой земле были отмечены многочисленными скандалами. Образ его жизни резко контрастировал с тем, как обычно выглядит фигура влиятельного религиозного лидера. Так и не овладевший ни калмыцким, ни русским языком, экстравагантный молодой человек в бейсболке вызвал много вопросов и у самих калмыков, и в 1994 г. он фактически сбежал из вверенного ему тибетским первосвященником региона обратно в США, оставив свою российскую паству в недоумении и без попечения. Аргументы Далай-ламы XIV, который упорно ставил на молодого американца, оказались, однако, достаточно убедительными, и Э. Омбадыков, к тому времени обзаведшийся семьей, спустя два года вернулся в Калмыкию для

⁷ В 2023 г. признан в России иностранным агентом.

⁸ Стоит отметить, что и Калмыкия, в свою очередь, не входит в БТСР и не признает авторитет Д. Аюшеева.

того, чтобы исполнить свой пастырский долг. Если же говорить точнее, то вернулся он даже не в Калмыкию, а в Москву, предпочитая проводить большую часть времени в столице страны, где при его непосредственном участии был создан Фонд «Сохраним Тибет». По некоторым сведениям, он является российским аналогом американской общественной организации «Международная кампания за Тибет», стоящей на антикитайских позициях и при этом тесно связанной с американским истеблишментом [Реинкарнация... 2021].

Сам тибетский первосвященник все это время также не забывал про Калмыкию и спустя десятилетие вновь посетил Элисту в конце 2004 г. Целью того краткого визита стало освящение места под строительство самого крупного в России и Европе буддийского храма «Золотая обитель Будды Шакьямуни» [Болдуринова 2004]. Можно сказать, что и самим этим визитом, и последовавшим вслед за ним открытием этого величественного сооружения на окраине Элисты Калмыкия, при прямом содействии и при личном участии Далай-ламы XIV, обозначила свои претензии на то, чтобы вернуть себе утраченные еще в XVIII в. позиции влиятельного центра тибетского буддизма на нынешнем постсоветском пространстве. Центра, и это очень важно подчеркнуть, связанного с тибетской традицией напрямую, а не через посредников, и при этом самостоятельного в своих решениях и в международных контактах.

Сам по себе факт примечательный, однако требующий более глубокого осмысления в контексте современной международной ситуации. Прежде всего, не стоит забывать о том, что США, гражданин которых в течение трех десятилетий являлся главой буддистов в одном из российских регионов, находятся в жесткой конфронтации и с Россией, и с Китаем. При этом в контексте этого противостояния фигура Далай-ламы XIV вовсе не является нейтральной. Не секрет, что американское правительство давно и активно использует так называемый «тибетский вопрос» для оказания давления на Пекин, и изгнаннику в Дхарамсале отводится в этом запутанном внешнеполитическом сюжете далеко не последняя роль.

Остроту проблеме добавляет и тот факт, что и высокопоставленное духовенство, и многочисленная паства тибетского буддизма уже давно облюбовали для себя США. Именно на их

территории проживают ныне и многие влиятельные иерархи, и их могущественные покровители, включая популярного в Калмыкии Роберта Турмана, который считает своим духовным учителем калмыка геше Вангъяла [Павлов 2016]. Не стоит забывать и о влиятельной калмыцкой диаспоре в США, которая изначально находилась в оппозиции к московским властям [Басхаев 2021: 401–403]. В совокупности все это означает, что любая общественная деятельность на территории России американского гражданина, являющегося представителем Далай-ламы XIV, а тем более его работа в качестве главы буддистов важнейшего с геополитической точки зрения региона юга России [Джеваков 2010] является сильным раздражающим фактором в условиях ее усиливающегося противостояния с Западом⁹.

Как уже было отмечено, в отличие от Калмыкии, в сложный исторический момент в Бурятии роль лидера взял на себя не иностранный гражданин, а местный священнослужитель, уроженец Красночикойского района Забайкальского края Дамба Бадмаевич Аюшеев. На заре своей профессиональной карьеры работавший учителем физкультуры, он и сейчас, как иногда кажется со стороны, относится к своим духовным регалиям с долей доброго юмора. *Я не лидер, я партизан*, заявляет Аюшеев, и многим в республике кажется, что в этой самоиронии есть определенная доля правды. Известный прямотой суждений и взрывным характером, он резко контрастирует с устоявшимся в общественном сознании образом буддийского иерарха, который предполагает мягкость, обходительность и способность к нахождению компромиссов. В противоположность этому, Д. Аюшеев не стесняется провокационных, а иногда и попросту оскорбительных заявлений в адрес своих коллег, представителей государства, а также отдельных этнических и социальных групп. Так, он без обиняков называет незамужних женщин дурами, а иркутских бурят считает «пещерными коммунистами-шаманистами» [Андреева 2013].

⁹ В очередной раз это стало очевидным в 2022 г., когда с началом специальной военной операции на Украине представитель Далай-ламы сначала надолго пропал из поля зрения верующих и властей страны, а потом отметил резонансным заявлением с поддержкой позиции Украины, которое он сделал, находясь уже на территории Монголии [Мельников 2022].

Все это, однако, не просто сходит ему с рук, но и способствует росту популярности фигуры Хамбо-ламы среди прихожан, которые ценят его желание и способность вникать в их повседневные проблемы и заботы, а также непоказную близость к народу [Беляева-Сачук 2020: 62]. Импонирует населению Бурятии и бескомпромиссность Аюшеева в том, что касается его взаимоотношений со светскими властями республики. Широко известен его конфликт с бывшим руководителем региона Л. Потаповым по поводу «Атласа тибетской медицины», который вылился в острое противостояние сил правопорядка и лам, пытавшихся помешать временному вывозу реликвии за пределы страны [Жуковская 2008: 25]. Сложно складывались отношения Хамбо-ламы и с другими руководителями республики, включая ныне действующего ее главу А. Цыденова.

На самом деле за всеми этими эпатажными выходками, которые, конечно же, не красят лидера столь серьезной официальной религиозной организации, какой является созданная им вместо ЦДУБ Буддийская традиционная сангха России (БТСР), кроется почти не скрываемое желание Д. Аюшеева сделать ее важнейшим центром принятия решений в республике. Причем не только и не столько в духовной сфере, сколько в сфере светской. «Половина людей, которые приходят ко мне, приходят не как к ламе-священнослужителю, а как к общественному деятелю», — не без гордости заявляет по этому поводу действующий глава бурятских буддистов [Хамбо лама... 2017: 101].

И если желание религиозных лидеров играть важную роль в политике имеет многочисленные параллели в других регионах страны и в мире в целом, то отыскать аналоги заинтересованной погруженности XXIV Пандито Хамбо-ламы в хозяйственную жизнь региона будет непросто. Он не только с видимым удовольствием вникает во все рутинные экономические аспекты деятельности руководимой им организации, но и является, возможно, самым активным животноводом республики за всю ее историю. Запущенная по его инициативе кампания по увеличению поголовья мелкого рогатого скота в республике, для которой используется неловкий эвфемизм «социальные отары», стала характерной особенно-

стью и без преувеличения знаковым проектом всего «аюшевского» периода буддизма республики. «Общеводство — это наш локомотив. Социальная отара — это наша прорывная идея», — во всеуслышание заявляет религиозный иерарх [там же: 54]. Именно на проекты в области животноводства он получает финансирование едва ли не с самого верха, именно успехам в сельском хозяйстве часто посвящается ежегодный традиционный календарь БТСР. Именно в росте поголовья овец, как иногда кажется, видит смысл своего пребывания в должности и сам духовный пастырь республики.

Иногда подобная его увлеченность проблемами животноводства вызывает у наблюдателей недоумение, иногда — осторожную критику или даже насмешки, однако представляется, что фиксированность на «социальных отарах» не просто дань своей нереализованной ипостаси хозяйственника со стороны Д. Аюшеева, который, похоже, действительно скупает по сугубо практической, мирской деятельности. Сам он утверждает, что только овцы способны помочь бурятскому народу сохранить свой исконный образ жизни, и в этом небесспорном для религиозного деятеля утверждении гораздо больше скрытого смысла, чем это может показаться на первый взгляд. На самом деле посыл Д. Аюшеева становится более понятным в том случае, если проанализировать другие виды многогранной «непрофильной» деятельности верховного главы буддистов Бурятии. Так, сразу же бросается в глаза его увлеченность еще и спортивными состязаниями. «Для нас важны национальные виды спорта — борьба, стрельба из лука и конные скачки», — заявляет Аюшеев, тут же поясняя для сомневающихся: «Проводя борцовские турниры, мы преподносим свою благодарность Бодхисатве» [там же: 62, 65]. Действительно, «в Бурятии уже стало традицией постсоветской эпохи проводить спортивные состязания под эгидой буддийских организаций, причем ламы тоже оказываются участниками соревнований» [Амоголонова 2009: 131]. Сангха, однако, не просто организует или спонсирует эти соревнования. На территории главного дацана Бурятии, Иволгинского, был, к примеру, построен целый стадион для национальных видов спорта, а верховный буддийский иерарх инструктирует подчиненных на местах, настаивая на том, чтобы борцов-

ским турнирам оказывалась с их стороны вся возможная поддержка.

В связи с этим не стоит забывать, что столь же много внимания Д. Аюшеев уделяет и вопросам сохранности и развития бурятского языка и даже отдельных его диалектов. Лингвистическое разнообразие Бурятии занимает его, похоже, намного больше, чем абстрактная буддийская догматика, к которой он до сих пор относится с некоторым недоверием. В результате именно «буддийская церковь Бурятии встала на защиту бурятского языка как важнейшего показателя этничности, предлагая планы по повышению престижа и функциональной сферы этнического языка, в реализацию которых БТСР готова вносить собственные финансовые и интеллектуальные средства» [Амоголонова 2017: 39].

Все эти факты, взятые вместе, подталкивают к мысли о том, что XXIV Пандито Хамбо-лама стремится стать *лидером бурятского народа*, заняв в общественном сознании нишу поборника и защитника его уникальной культуры и образа жизни. Его деятельность при этом направлена на возрождение «образа жизни бурят, основанного на традиционном скотоводстве, национальных видах спорта, культуре и, конечно, религии» [Хамбо лама... 2017: 5]. Задача эта, заметим, не просто несвойственна обычному положению буддийской церкви в структуре общества, но и в чем-то ей даже противоположна, ведь буддизм гораздо чаще выступает механизмом вовлечения населения того или иного региона в глобальные, общемировые процессы, предоставляя для этой цели свои обширные организационные и идеологические ресурсы.

Со своей стороны, Д. Аюшеев, как можно заключить из его высказываний, настаивает на том, что буддизм должен быть национальным и по форме, и по содержанию. «Бурятский буддизм идет особым, таинственным путем, аналогов которому нет», — утверждает он в своих выступлениях. «Бурятский буддизм вполне самодостаточен на протяжении столетий и достиг небывалых высот», — подкрепляет он свою точку зрения эмоциональной отсылкой в легендарное прошлое [там же: 21, 13]. Безусловно, за всем этим стоят личные амбиции нынешнего бурятского религиозного лидера, стремящегося занять более значительное положение в российской религиоз-

ной иерархии [Амоголонова 2009: 135]. Однако то, как в результате этого строятся отношения Хамбо-ламы с федеральными властями и с тибетским духовенством, а также теми силами, что за этим духовенством стоят, становится наглядной иллюстрацией тезиса о том, что личные амбиции истинного лидера всегда находятся в согласии со стратегическими интересами государства и народа.

Возможно, точнее всего по этому поводу выразился сам Аюшеев, который в интервью «Русскому репортеру» заявил буквально следующее: «Когда мне люди говорят: „Кого ты больше любишь, Далай-ламу или президента?“ — я говорю: „Слушайте, дорогие товарищи, кто меня кормит-то, кто моим старикам деньги дает — иностранный большой лама или президент страны?“» [Андреева 2013]. Несмотря на некоторую прямолинейность и необязательное в данном случае противопоставление Президента России и тибетского первосвященника, в этой фразе в сжатом виде сформулирована шкала приоритетов нынешнего лидера бурятских буддистов. С одной стороны, бросается в глаза отсутствие какого-либо пиетета к фигуре Далай-ламы XIV, который в среде российских буддистов наделен столь бесспорным авторитетом, что о невозможности его посещения России принято говорить лишь с нескрываемым сожалением. Аюшеев же, рискуя вызвать гнев многих последователей буддизма, прямо указывает на то, что тибетский иерарх, избравший местом своего постоянного пребывания Индию, в его личной табели о рангах занимает менее значительное место, чем руководитель Российского государства.

«Дамба-Доржо Заяев получил буддизм от Будды Шакьямуни», — идет дальше в своем отрицании иностранных авторитетов Аюшеев [Хамбо лама... 2017: 16]. Подобным образом он по сути отрицает тот факт, что на самом деле первый Пандито Хамбо-лама учился в Тибете и вернулся распространять веру на территории этнической Бурятии, будучи уполномоченным на это именно тибетскими властями. В подобной интерпретации истории распространения буддизма на территории России читаются одновременно и отказ признавать авторитет нынешнего Далай-ламы XIV в вопросах веры, и попытка лишить легитимности тибетских учителей, которых все еще до-

вольно много на территории Бурятии. И если против самого тибетского первосвященника Д. Аюшеев все же не решается высказываться открыто и, как итог, «придерживается позиции равноудаленности от Пекина и Дхарамсалы», то «неподконтрольная деятельность тибетских священнослужителей в республике» вызывает у него по-настоящему серьезную озабоченность [Намсараева 2008: 76, 73]. Позиция же властей республики, покровительствующих духовным гостям из-за рубежа, часть которых давно осела в Бурятии, получив вид на жительство и обзаведясь семьями и недвижимостью, вызывает у Хамбо-ламы открытое возмущение. Возможно, несогласие с поддержкой иностранных лам укрепляет его авторитет в высших эшелонах российской власти¹⁰.

В этом тесном союзе церкви и государства, который в наше время олицетворяет собой фигура Хамбо-ламы Д. Аюшеева, можно без труда разглядеть исторический прецедент. Как уже было отмечено, своему бурному развитию и главенствующему положению в регионе бурятский буддизм с самого начала был обязан помощи со стороны Российского государства. При этом и сами буддийские иерархи никогда не оставались перед ним в долгу, всеми силами поддерживая курс центральной власти. В этом смысле ничего не изменилось и в наши дни, и когда бурятские ламы призывают граждан оплачивать счета за электроэнергию, поясняя, что в этом заключается долг верующего человека [Закон кармы... 2005: 8], здесь нет ничего принципиально нового.

Создается впечатление, что Хамбо-лама, сознательно или по наитию, стремится к тому, чтобы буддизм окончательно стал в Бурятии той единственной силой, на которую сможет опереться здесь государство и на основе которой регион может и будет развиваться в дальнейшем. Силой при этом не только и не столько нравственной, сколько еще и политиче-

¹⁰ Аюшеев, по крайней мере на словах, выданный ему кредит доверия оправдывает и почти всегда поддерживает и федеральное правительство, и ту политику, которую то проводит [Глава буддистов... 2022]. Его высказывания, впрочем, иногда звучат излишне нарочито. Так происходит, когда, к примеру, Хамбо-лама вдруг называет главу государства божеством или начинает утверждать, что Президент России создал семь федеральных округов по аналогии с Белой Тарой, у которой было семь глаз [Колесников 2013].

ской, и экономической. В соответствии с замыслами Д. Аюшеева, внутри страны подобный национальный по содержанию и по форме *бурятский* буддизм должен стать механизмом дифференциации для коренного населения республики. Благодаря своей конфессиональной несхожести оно сможет лучше сохранить свою этническую специфику и черпать в ней силы для дальнейшего развития. Причем, что характерно, развития не только в духовной сфере, но и благодаря деятельности БТСР по защите родного языка, развитию национальных видов спорта и традиционного отгонного скотоводства, в экономической и культурной. В то же время дистанцирование Д. Аюшеева от фигуры буддийского первосвященника Далай-ламы XIV и одновременно с этим публичная критика тесно связанных с ним тибетских учителей призваны помочь бурятам избежать поглощения со стороны монгольского и, шире, буддийского мира Азии. В конечном счете вся деятельность нынешнего Пандито Хамбо-ламы, который по сути мечтает о строительстве «теократической республики в составе РФ», возвращает Бурятии ее исконный, двойственный статус Края Земли — Баргуджин-Токума. Когда-то именно он благодаря появлению казачества, росту приграничной торговли и соединению европейского образования с восточной мудростью, хранителем которой выступал буддизм, стал основой для бурного развития региона в составе России. Возможно, в таком прочтении он может стать фундаментом социально-экономического развития Бурятии в будущем.

В принципе модель «автономного буддизма», контуры которой прослеживаются в Бурятии благодаря деятельности харизматичного XXIV Пандито Хамбо-ламы Д. Аюшеева, действительно может стать прототипом для разработки и претворения в жизнь такой модели социально-экономического развития этого приграничного региона, которая принимала бы в расчет этнический фактор и одновременно позволяла бы укреплять безопасность страны. Это станет возможным, однако, лишь в том случае, если под такой проект будет заложен настоящему прочный идеологический фундамент и при этом будут преодолены последствия, вызванные противоречивостью личности самого руководителя Буддийской традиционной сангхи России. Этот проект будет оставаться актуальным

лишь до того момента, однако, пока во внешней политике России будут торжествовать чисто оборонительные подходы, а приграничные регионы вызывать у федеральных властей лишь постоянную тревогу и озабоченность. В случае же перехода к более активной деятельности России на международной арене и в особенности на восточном направлении воссоздаваемая таким образом непроницаемость Бурятии для монгольского и тибетского мира станет скорее досадной помехой, чем хорошим подспорьем.

Будущее: «северное возрождение»

В недалеком прошлом прогресс Баргуджин-Токума обеспечил сплав государственного буддизма, трансграничной торговли, высококачественного образования и военной силы бурятского казачества. В наше время задачу превращения двойного фронта в новую точку роста вынужден брать на себя обновленный бурятский буддизм. В результате в Бурятии происходит, как утверждает российский социальный антрополог С.А. Соколова, создание некоего подобия «теократического субъекта федерации» [Соколова 2022: 97]. В какой-то степени с этим утверждением можно согласиться, принимая во внимание активную деятельность Пандито Хамбо-ламы Д. Аюшеева в вопросе этнизации бурятского буддизма, повышенную вовлеченность возглавляемой им БТСР в мирские дела республики и ее же непосредственное участие в процессах национально-культурного возрождения бурят.

Нынешний глава сангхи уже внес свой вклад в историю, обеспечивая развитие бурятского буддизма и его превращение в реальную политическую и социальную силу в то время, когда другие традиционно влиятельные приграничные институты Бурятии находятся в упадке. Однако характер взаимоотношений между государством и буддизмом, монополизировавшим благодаря его деятельности весь этнический ресурс Баргуджин-Токума, в идеале должен зависеть от того, находится ли государство на этапе геополити-

ческого «сжатия» или, наоборот, входит в период расширения своего международного влияния. В первом случае оптимальным выбором останется сугубо интровертный подход нынешнего главы БТСР, который предполагает обособление региона и гарантирует неприкосновенность внешних контуров страны через его духовную и культурную самодостаточность. В случае же перехода к активной стадии, симптомы которого все отчетливее проявляются в наше время, предпочтительнее окажется направленное вовне мышление уверенного в себе экстраверта, способного трансформировать собственную уникальность в инструмент наступательной политики.

В этом смысле можно согласиться с А.А. Беловым, автором статьи, опубликованной в 2020 г. в «Независимой газете» и посвященной деятельности XXIV Пандито Хамбо-ламы. «Аюшеева, безусловно, любят и уважают многие буряты и подконтрольные БТСР буддисты за его хорошую игру на беспроигрышном поле национального самосознания. Его популизм реализуется в призывах к возрождению бурятского языка и фольклора, проекте предоставления каждой бурятской семье отары овец местных пород. Есть еще особый культ „нетленного ламы“ Итигэлова. Поддержка Аюшеева Кремлем тоже понятна: он удобный и свой в доску во всех отношениях буддийский „патриарх“. Но если он не перестанет гнуть свою линию закоснелой патриархальности и регулярно ссориться с каждым новым главой республики, позиции несменяемого хамбо-ламы могут и пошатнуться» [Белов 2020]. Можно с этим согласиться с той лишь оговоркой, что дело здесь не в особенностях личности самого Д. Аюшеева, а в той динамике исторических процессов, что выдвигает на передний план лидеров то одного, то другого типа.

Главная проблема в настоящий момент заключается в том, что в основе концепции «автономного буддизма», главным двигателем которого, как считают специалисты, в России является действующий Пандито Хамбо-лама, лежит положение о том, что буддизм в Бурятии следует всеми возможными методами ограждать от иностранного влияния, одновременно с этим придавая ему яркие этнические характеристики. В свою очередь, это неизбежно приводит к обособлению и автономии-

зации этнической Бурятии и внутри страны, и в рамках большого монголо-тибетского мира. Этому, в частности, способствует получение БТСР гарантий формальной или неформальной автокефалии местной версии буддизма, а также любое ограничение деятельности на территории республики тибетских и других иностранных лам. На самом же деле настоящего интенсивного развития Бурятии можно достигнуть лишь в том случае, если берущие на себя ответственность за ее дальнейшую судьбу религиозные лидеры не побоятся большей вовлеченности своих прихожан в общие политические и социальные процессы страны. При этом в поисках направления будущего роста им следует устремить свой взор и за ее рубежи.

Фундаментом более открытого варианта бурятского буддизма, который использует тесные связи с государством не для того, чтобы гарантировать себе автономию в его же пределах, а чтобы распространить свое и его влияние за эти пределы, может стать концепция «северного возрождения». Она не была пока никем сформулирована официально, однако, несмотря на это, набирает популярность в республике [Bernstein 2011: 629]. Вкратце ее суть заключается в том, что сакральный центр буддизма, зародившегося в центральных районах Индии две с половиной тысячи лет назад, медленно мигрирует. По мере того как из-за политической конъюнктуры или под натиском иных религий число буддистов в традиционных районах его распространения снижается, центр постепенно смещается в отдаленные районы к северу, где древнее учение вновь расцветает. Именно подобным образом в VII–VIII вв. центр буддизма переместился в Тибет после того, как полностью утратил популярность на тех землях, где когда-то обрел просветление Будда Шакьямуни и где его учение процветало со времен династии Маурьев. Благодаря, с одной стороны, действиям таких подвижников, как гуру Падмасамбхава, с другой же — покровительству светских правителей Тибета, нуждавшихся в крепкой государственной религии, буддизм смог стать доминирующей силой в Стране снегов, считавшейся до того территорией язычников [Урбанаева 2013: 214]. Видоизменившись и впитав в себя целый сонм местных богов, ритуалов и мировоззрений, он вскоре достиг здесь новых высот, не ут-

ряв при этом прочной духовной связи со своей исторической родиной, Индией [Davidson 2005].

В соответствии с этой логикой схожие процессы наблюдаются в Азии и в наши дни. Ситуация в самом Тибете складывается так, что надежд на то, что он останется главным мировым центром буддизма, практически не осталось. Связан этот пессимизм, конечно же, с внутренней и внешней политикой властей КНР. Правительство этой страны хотя и отказалось на словах от эксцессов «культурной революции» 60–70-х годов прошлого века, в ходе которой буддийские храмы и реликвии Тибета уничтожались, а монахи подвергались репрессиям, однако до сих пор продолжает настойчиво вмешиваться в дела верующих. Контроль над деятельностью монастырей, запрет на использование изображений Далай-ламы XIV, цензура и политические преследования верующих — многочисленные факты притеснений тибетцев в КНР хорошо известны, хотя зачастую и преувеличиваются западными СМИ, использующими внутрикитайские противоречия в собственных целях.

Основным же аргументом в пользу того, что Тибет, в его нынешнем состоянии, более не в состоянии исполнять роль мирового центра буддизма, является то, что его духовный, а в прошлом и политический лидер, глава школы Гелуг Далай-лама XIV уже много десятков лет находится в изгнании, избрав местом своего пребывания Индию. Страну, другими словами, население которой давно отошло от буддизма и вряд ли способно воспринять его вновь, несмотря на то что количество тибетских монастырей, расположенных на ее территории, постоянно растет. Растет оно, к слову говоря, и в странах Запада, однако ни в одной из них буддизм также не является выбором большинства населения, оставаясь скорее манящей экзотикой и модным аксессуаром. Говорить всерьез о том, что в той же Дании, с территории которой начал свою прозелитскую деятельность популярный буддийский проповедник Оле Нидал, или в США, куда на постоянной основе перебираются многие тибетские ламы, буддизм укоренен в народной культуре, конечно, нельзя. Без этого же ни о каком новом центре тибетского буддизма ни в Индии, ни в Америке, ни в Европе говорить попросту невозможно.

На самом деле наиболее подходящим кандидатом на это звание до сих пор является Монголия, исторически связанная тесными духовными и политическими узами с тем же Тибетом и при этом также расположенная к северу от него. Страна, где, несмотря на годы коммунистического правления и долгий период преследований веры, традиции тибетского буддизма все еще очень сильны. Не стоит, однако, забывать о том, что в стране уже давно и при этом успешно действуют самые разнообразные протестантские миссии. Буддистов в Монголии все еще большинство, однако именно протестанты являются тут самой быстрорастущей религиозной группой. К христианским миссионерам, действующим с позволения и при поддержке правительства страны, вынужден был обратиться даже Далай-лама XIV, попросив их позволить монголам и дальше практиковать веру предков [Михалев А.В. 2012]. Как итог, в глазах многих верующих, причем не только в России, но и за рубежом, именно Бурятия, неразрывно связанная с миром тибетского буддизма, но при этом избежавшая, в отличие от Монголии, засилья протестантов, может стать территорией его нового возрождения в ситуации, когда его выживание в самом Тибете поставлено под вопрос действиями властей Китая.

В том случае, если вслед за изменениями внутренней динамики или по причине появления новых внешних факторов государство решит перейти во внешнеполитическое наступление, двойственный характер забайкальского фронта, всегда использовавшего свое уникальное положение для того, чтобы лавировать между политическими центрами, может оказаться востребованным для решения несколько иных задач. Задач, подобных тем, что ставил перед ним князь Ухтомский, или же тем, что ставились перед ЦДУБ в период позднего СССР. Задач, иными словами, схожих с теми, которые формулировал для себя Агван Доржиев, стремившийся сблизить Россию с Тибетом и предлагавший превратить захолустный Верхнеудинск в новую Лхасу. Тенденция эта в настоящее время лишь намечается. Однако при соответствующей поддержке со стороны государственных институтов и при появлении в самой республике плеяды глобально мыслящих местных религиозных лидеров, заинтересованных, подобно Агвану Дор-

жиеву, в росте влияния их родной Бурятии в Восточной и Центральной Азии, его политическое наследие может быть вновь актуализировано в самом ближайшем будущем.

Одним из них является Легцок Дарижапов, настоятель уже упоминавшегося на страницах данной работы Анинского дацана. Несмотря на то что он сходится с Д. Аюшеевым по большинству вопросов внутренней политики и при этом они часто поддерживают инициативы друг друга, склад характера, образ действий и мировоззрение двух представителей современного бурятского духовенства существенно различаются. Главное из этих отличий состоит в том, что чаяния настоятеля Анинского дацана направлены не на изоляцию и этнизацию бурятского буддизма, а на полноценное встраивание его в общественно-политические процессы в России и, одновременно с этим, на рост его авторитета в мире. При этом Дарижапов, как и Аюшеев, полностью лоялен федеральным властям, и надо отметить, что эта его позиция абсолютно искренняя. У нынешнего Хамбо-ламы лояльность часто проявляется в экстравагантном выражении верноподданнических чувств и формальном следовании актуальному политическому курсу, взамен предполагающему административную и финансовую поддержку со стороны центра. В противоположность этому Легцок-лама мыслит скорее в исторических и культурных категориях и при этом придает существенно большее значение символическим аспектам проблемы, в ответ рассчитывая на идеологическую, а не только лишь на финансовую поддержку.

Являясь настоятелем «романовского» дацана, он, к примеру, уделяет повышенное внимание сохранности исторической памяти о последней династии российских государей. По его инициативе в Хоринске проводятся мероприятия, освещающие деятельность Петра I, а несколько лет назад непосредственно с берегов Невы в Анинский дацан был торжественно доставлен бронзовый бюст Екатерины II, выполненный мастерами Санкт-Петербурга по заказу его настоятеля [Буддийская община... 2019]. Здесь же, в алтарной части центрального дугана можно увидеть и штандарт Российской империи. С одной стороны, он призван напоминать посетителям об особом статусе этого буддийского монастыря, с другой же — проде-

монстрировать, что и его нынешний настоятель также предан интересам Российского государства.

Требуется пояснить, что в данном случае речь не идет о его приверженности монархическим взглядам. Скорее следует говорить о выражении Дарижаповым четкой государственнической позиции. Ничуть не смущаясь, Легцок-лама, чей прадед, в соответствии с семейной легендой, был переводчиком у Богдо-гэгэна VIII, а дацан разгромлен в ходе репрессий 30-х годов, рассуждает о величии Иосифа Сталина. СССР и Российская империя едины для него в том, что символизируют собой по-настоящему сильное государство, которому и он также готов служить всем сердцем. Те же исторические личности, для которых интересы страны оказались важнее личных, становятся на этом пути служения его союзниками безотносительно той идеологии, которой они в свое время придерживались.

В связи с этим не кажется удивительным и то, что в алтарной части главного дугана, по соседству с уже упомянутым выше штандартом Российской империи, можно увидеть современные гербы Российской Федерации и Республики Бурятия. Рядом же с обязательным портретом Далай-ламы XIV, аккуратно прикрытым белым хадаком от посторонних глаз, стоит фотографический портрет действующего Президента России В.В. Путина, которому посетители храма и местные ламы также оставляют подношения. Склонный к резким заявлениям и всеми силами стремящийся к духовной независимости от Дхарамсалы, Д. Аюшеев в своих высказываниях, как известно, всегда противопоставляет две эти выдающиеся фигуры. Для настоятеля же Анинского дацана в близком соседстве двух его современников нет никакого противоречия, ведь именно в этом своем единстве они одновременно символизируют и сильную государственную власть, и глобальное влияние школы Гелуг, и способность бурятского буддизма совместить в себе и то и другое.

Представляется возможным провести определенные аналогии между настоятелем Анинского дацана и Агваном Доржиевым в том, что касается их позиции по вопросу места и роли бурятского буддизма в жизни общества. Последний, как известно, был не только искусным дипломатом, способство-

вавшим укреплению позиций России в Тибете, но и лидером обновленческого движения внутри страны. Он ратовал за то, чтобы буддийские священнослужители принимали более активное участие в экономическом и социальном развитии своих регионов и не ограничивались лишь духовным самосовершенствованием. Хамбо-лама Аюшеев стоит на схожих позициях, однако видит роль духовенства исключительно в сохранении традиционного образа жизни бурят, включая, как уже было отмечено, возрождение отгонного скотоводства и национальных видов спорта. В отличие от него, Дарижапов обращает внимание в основном на патриотическое воспитание молодого поколения в духе служения интересам России в целом, подавая в этом вопросе и личный пример. Так, при его участии в Хоринской общеобразовательной школе № 2 был реализован проект по созданию на территории учебного заведения мемориального комплекса «Города-герои» [Торжественная церемония... 2021], в результате чего школьников района связали тесные дружеские узы с их ровесниками в городах-героях России.

Для того чтобы претендовать на статус нового центра мирового буддизма, Бурятии требуются не только новые лидеры, но и соответствующие этому статусу реликвии. На протяжении всей истории человечества они, как известно, играли значительную роль в легитимации претензий тех или иных сил на власть и в определении самого ее характера. Ключевую роль реликвий в государственном строительстве иногда даже обозначают специальным термином «агиократия», который обычно переводится как «власть святынь» [Иванов 2006: 168]. Габсбурги, к примеру, полагали, что священные артефакты наделяют их владельца сакральной силой, что, в свою очередь, оправдывает его претензии на власть. Успех империи, созданной ими во многом благодаря обладанию ключевыми реликвиями христианского мира, служит отличным подтверждением этого тезиса. Политический вес того же Владимира-на-Клязьме резко возрос после того, как Андрей Боголюбский перевез туда из Киева святыню, ныне известную как Владимирская икона Божией Матери, — факт, который до сих пор не могут простить ему современные украинцы.

Таких примеров в политической истории разных стран мира и вправду немало, однако в религиозной сфере роль реликвий оказывается еще важнее, ведь именно они придают тому или иному духовному центру святость в глазах верующих. Не случайно, что любой монастырь, любой крупный город и даже некоторые региональные лидеры уделяют вопросу обретения святынь самое пристальное внимание. История знает немало случаев полномасштабных военных кампаний за обладание реликвиями или отдельными территориями, приравненными к таковым (взять хотя бы средневековые Крестовые походы). Можно здесь также вспомнить иногда детективные, а иногда и попросту анекдотичные истории о том, как те или иные сокровища выкрадывались, обменивались, выторговывались, подделывались, фальсифицировались или попросту изобретались. Будет ошибкой полагать, что современный мир стал настолько рациональным, что факт обладания реликвиями полностью утратил в нем свое значение. Тем более в тех случаях, когда речь идет о претензиях на духовное влияние или региональную самостоятельность, о которых идет речь в данном разделе.

Понимает это и Д. Аюшеев, который в попытках легитимизировать концентрацию духовной и светской власти в Бурятии в своих руках также часто прибегает к инструментам из арсенала агиократии. В основе его претензий на автономию бурятского буддизма, в частности, лежит факт обретения верующими республики нетленного тела Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэлова. Согласно данным официальной биографии, в 1927 г. Д.-Д. Итигэлов, которому в то время исполнилось 75 лет, добровольно покинул этот мир, находясь в состоянии глубокой медитации. Незадолго до этого он наказал ученикам вскрыть собственное захоронение спустя следующие 75 лет, т.е. в 2002 г. Уцелев и в сталинские репрессии, и за весь советский период истории Бурятии, захоронение Итигэлова было действительно вскрыто в указанный им срок. К удивлению людей, принимавших в этом участие, среди которых был и Хамбо-лама Д. Аюшеев, тело Итигэлова прекрасно сохранилось и практически не показывало признаков разложения. Со всеми необходимыми предосторожностями оно было извлечено из

земли и, после проведения соответствующих обрядов, доставлено в Иволгинский дацан. Спустя шесть лет после этого примечательного события был построен и освящен дворец Хамбо-ламы Итигэлова, где его тело было помещено в специальный стеклянный саркофаг, находящийся в алтарной части.

Благодаря повышенному вниманию со стороны средств массовой информации, ученых, общественных и политических деятелей изначально чисто религиозный феномен обретения нетленного тела быстро вышел за все возможные границы — как территориальные, так и конфессиональные. Об Итигэлове был снят интереснейший документальный фильм, несколько раз демонстрировавшийся на одном из общероссийских каналов, его феномену стали посвящать научные конференции и публичные чтения. По инициативе Д. Аюшеева в Бурятии даже стали проводить Итигэловские спортивные игры, а на сцене Бурятского театра оперы и балета японским балетмейстером Морихиро Ивата был поставлен балет «Итигэлов, благословение трех Драгоценностей» [Мировые известности... 2018].

Во дворец Хамбо-ламы Итигэлова, где на главные буддийские праздники нетленное тело теперь выставляется для показа, стремятся попасть десятки тысяч верующих, жаждущих помощи и исцеления, а также любопытствующие туристы, для которых Итигэлов скорее очередной модный «бренд». Среди последних, впрочем, встречается достаточно много людей, облеченных властными полномочиями, а также представителей крупного российского бизнеса. Считается, что первым «тропу к Итигэлову» протоптал известный в прошлом политический деятель и государственный служащий А. Чубайс, вслед за которым Иволгинский дацан посещали и бывший глава РЖД В.И. Якунин, и лидер КПРФ Г.А. Зюганов, и президенты России В.В. Путин и Д.А. Медведев. Не отстают от политиков и деятели культуры. Можно сказать, что Хамбо-лама Итигэлов, по крайней мере в виде своего нетленного тела, ныне принадлежит миру искусства точно так же, как он принадлежит миру политики и крупного бизнеса.

Ученые также попали под «обаяние» нетленного тела этого религиозного деятеля прошлого. К изучению феномена Итигэлова подключились и представители естественных наук, ко-

торые стремятся найти объяснение происходящим с его телом физиологическим, химическим и биологическим процессам, и представители наук гуманитарных. Последних, впрочем, больше интересуют социальные, культурные и этические аспекты проблемы, в частности место и роль феномена Итигэлова в современном российском обществе. Особая роль здесь принадлежит руководству и сотрудникам Российского государственного гуманитарного университета, благодаря усилиям которых комплексное изучение феномена обретения нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова было поставлено на твердую научную основу.

Парадоксально, но чем больше ученые и примкнувшие к ним атеисты пытаются объяснить феномен Итигэлова в чисто рациональных, научных терминах, тем больше их путаные построения (см., к примеру [Большаков 2015]) придают ажиотажу вокруг нетленного тела характер встречи с настоящим чудом, которое даже «современная наука не в состоянии объяснить». Как пишет по этому поводу бурятский исследователь Д.Д. Амоголонова, «явная неудача рационального объяснения активизирует усилия сторонников противоположной точки зрения, состоящей в том, что объяснение феномену Итигэлова можно найти только и исключительно в контексте буддийской религии и философии» [Амоголонова 2012: 66].

Несмотря на то что историю с обретением нетленного тела тиражируют и региональные, и федеральные СМИ, охочие до любых подобного рода сенсаций, тело XII Пандито Хамбо-ламы, возможно, так и оставалось бы предметом околонуточных спекуляций и народных слухов, а также туристической достопримечательностью республики, если бы не активное участие в популяризации его имени и наследия нынешнего, XXIV Пандито Хамбо-ламы, Д. Аюшеева. Он был первым, кто начал использовать историю с обретением нетленного тела для того, чтобы доказать уникальность и самодостаточность бурятской версии тибетского буддизма. В ход были пущены все возможные аргументы, включая временную близость данного события с приходом к власти В.В. Путина [Амоголонова 2009: 135], однако по-настоящему интересной находкой стала предпринятая под руководством главы БТСР рутинизация

и идеологизация религиозного чуда, которая продолжается вплоть до настоящего времени.

Как утверждал в своих интервью Д. Аюшеев, на необходимость эксгумации тела и на его точное местоположение ему указал лама Бимба Доржиев [Интервью с Хамбо-ламой... 2018], который, что интересно, после этого не просто не отошел от дел, но и взял на себя функцию оракула и ретранслятора мыслей XII Пандито Хамбо-ламы. Утверждается, что последний постоянно высказывает свою точку зрения по тем или иным вопросам актуальной повестки дня, при этом право фиксации и донесения этих пророчеств до широкой публики остается эксклюзивно за Б. Доржиевым и стоящим за ним Д. Аюшеевым. Оставляя за скобками вопрос аутентичности подобных регулярных посланий из прошлого, следует подчеркнуть, что благодаря постоянной коммуникации с безусловным, в глазах верующих, духовным авторитетом последнему удастся не только легитимировать свой взгляд на ситуацию, но и повышать авторитет бурятского буддизма в целом.

Как отмечают по этому поводу исследователи, растиражированная СМИ «исключительность чуда Итигэлова вдохнула в бурятскую национальную идею новую жизнь, поскольку это чудо подтверждает нерядовую роль бурятского сообщества в России» [Амоголонова 2009: 67]. На самом деле список потенциальных чудес, которые могли бы придать этим претензиям еще больший вес, не ограничивается «феноменом Итигэлова». Во-первых, «несмотря на то что Итигэлов — самый известный лама, после своего возвращения хранящийся под стеклом, подобные эксгумации проводились и для большинства предыдущих хамбо-лам» [Соколова 2022: 95]. Во-вторых, репертуар современных «охотников за сокровищами» не ограничивается нетленными телами религиозных деятелей, но включает в себя довольно широкий ассортимент потенциальных реликвий.

В результате историями счастливых обретений пестрят страницы местных газет и туристические брошюры Бурятии. При этом сохраняется ощущение, что в данном случае отсутствует какой-то специальный план или заказ со стороны. Скорее и священнослужители, и миряне действительно ощущают

острую потребность в чудесах, и в конечном счете эти чудеса случаются с ними практически на ровном месте. Возможно, самую широкую известность в этом контексте получил обнаруженный лично Д. Аюшеевым валун с изображением лика богини Янжимы у подножия Баргузинского хребта в районе с. Ярикто. Находка сразу же стала популярным местом паломничества, причем не только коренных жителей Бурятии, но и русского населения республики, а также гостей из других регионов страны. Так же как и в случае с Итигэловым, чудо обретения Янжимы ассоциируется с фигурой Д. Аюшеева, а время его обнаружения — с периодом становления Бурятии в качестве важного духовного центра России.

Еще одно священное изображение на камне было обнаружено в Кяхтинском районе, неподалеку от Мурочинского дацана, настоятелем которого в 90-е годы XX в. был не кто иной, как Д. Аюшеев. Несмотря на то что сам он никак не связывает себя с проявившейся здесь на скале молитвой «Ом мани падме хум», молва приписывает и этот факт его религиозному подвижничеству [ПМА 2022]. Связано же это с распространенным в республике мнением, что воплощением *первого* Пандито Хамбо-ламы Заяева был именно *двенадцатый* Пандито Хамбо-лама Итигэлов, который, как считается, воплотился в нынешнем, *двадцать четвертом* Хамбо-ламе. Магия числовых рядов подкрепляется историей о том, что при проходившем под непосредственным руководством Аюшеева восстановлении древнего Хилгантуйского дацана, предшествовавшего Мурочинскому, там были найдены предметы, принадлежавшие лично Итигэлову, который, в свою очередь, обнаружил здесь же реликвии, связанные с Заяевым [ПМА 2022].

В местных СМИ и в рекламных материалах туристических компаний иногда заявляется, что чудеса привлекают в Бурятию паломников со всей Центральной Азии¹¹. В последнее время действительно наблюдается некоторый рост числа верующих из соседней Монголии, специально приезжающих в Бурятию, чтобы поклониться нетленному телу Итигэлова.

¹¹ Об этом, к примеру, упоминается на сайте туристической компании «Байкал-трэвел» <https://baikaltravel.ru/tours/876/> и в материалах информационного агентства БМК <https://www.baikal-media.ru/news/society/360042/>.

Это, в свою очередь, делает потенциально возможным «активизировать тему буддийской культурной принадлежности бурят в глобальном аспекте», утверждает внучатая племянница Хамбо-ламы Итигэлова, Янжима Итигэлова. Рассуждая о феномене обретения нетленного тела, она также заявляет, что «обретение реликвии такого масштаба доказывает, что буддизм получит новый толчок развития в самой северной точке своего распространения, то есть в Бурятии» [Новая версия... 2007: 1]. Именно достижению этой цели способствует активная международная деятельность созданного и возглавляемого ею Института Итигэлова. Его сотрудниками, в частности, были организованы тематические выставки во многих странах Азии, включая Непал, Индию и Израиль, а в Соединенных Штатах Америки экспозицию, для большего эффекта, устроили прямо на пляже [ПМА 2022].

Несмотря на то что Институту в результате удалось привлечь внимание общественности к феномену нетленного тела Итигэлова, что, в свою очередь, позволяет использовать факт его обретения для обоснования исключительности бурятского буддизма уже на мировой арене, Д. Аюшеев, с благословения которого сам Институт и был в свое время создан, потерял всякий интерес к его деятельности. В результате все новые реликвии, включая и нетленное тело Итигэлова, остаются подчеркнута локальными и как таковые представляют некую ценность лишь в специфическом бурятском контексте, укрепляя авторитет исключительно главы БТСР. Существуют между тем и другие находки и чудесные обретения, актуальные в глобальном контексте и способные укрепить претензии Бурятии на особую роль и в большом буддийском мире в том случае, если они получат известность на международном уровне.

К таковым, например, относится знаменитый Сандаловый Будда, который считается единственным прижизненным изображением Будды Шакьямуни. История его появления в Бурятии запутанна и содержит множество неправдоподобных подробностей, однако сам факт того, что вывезенная во время Боксерского восстания из Пекина и ныне хранимая в Эгитуйском дацане Бурятии двухметровая статуя действительно представляет собой реликвию мирового масштаба, не подде-

жит сомнению. Размышляя о ее глобальном значении, востоковед В.М. Монтлевич подчеркивает: «Исполнители знали, что есть поверье: там, где находится Сандаловый Будда, там и центр буддийской религии... В общем, это чудесное предсказание о центре религии сбылось, ибо ни Китай, ни Тибет, где буддизм сейчас в упадке, уже не могут считаться регионами благоприятного развития Учения. И на всем гигантском пространстве Азиатского континента действительно Бурятия стала центром возрождения буддизма, обучения лам, буддийских художников, архитекторов, скульпторов» [Монтлевич 2008: 300].

Не столь значительная, но при этом не менее важная именно в международном контексте находка была сделана и в упоминавшемся выше Анинском «фамильном» дацане семьи Романовых. Посетителям здесь сейчас показывают небольшую ступу, которую, по легенде, сам Далай-лама XIII передал в знак признательности российскому императору Николаю II. Передал, между прочим, через своего представителя в России Агвана Доржиева, который затем и привез ее к себе на малую родину. «Это сокровище хранит тепло рук первосвященника Тибета, российского императора, а также того человека, который сделал многое для того, чтобы между этими двумя выдающимися людьми завязались дружеские, партнерские отношения», — поясняет настоятель дацана Легцок Дарижапов [ПМА 2022]. На самом деле в этой его немного наивной презентации реликвии можно обнаружить то, чего не хватает нынешнему Пандито Хамбо-ламе Д. Аюшееву и проводимому им курсу на автономизацию бурятского буддизма. Не хватает превращения его из закрытой, оборонительной по своей сути концепции, предназначенной исключительно для внутреннего пользования и призванной сохранить в республике существующий статус-кво, не допустив конкуренции со стороны иностранных лам, в направленную вовне идею, способную реализовать уникальный потенциал двойного забайкальского фронта в интересах как самого бурятского народа, так и Российского государства в целом.

Подводя итог, следует еще раз напомнить о том, что в рамках обширного мира евразийских степей Забайкалье всегда

оставалось далекой, неуправляемой окраиной. Эдаким вечным *Баргуджин-Токумом*, или *Краем Земли* — тем местом, иными словами, где обретали убежище те, кому по каким-либо причинам не находилось места в центральных его районах. Со второй же половины XVII в., т.е. уже после того, как регион стал ареной противостояния Цинской и Российской империй, Бурятия превратилась в уникальный в своем роде двойной фронт. Не утратив своего звания окраины кочевого мира, она стала еще и окраиной европейского по своей культуре и укладу жизни государства. Подобное двойственное положение, однако, не привело к маргинализации региона, но стало источником его впечатляющего рывка в будущее. Умело воспользовавшись теми возможностями, что предоставило в их распоряжение существование вдалеке от центров силы, и соединив при этом вместе все то лучшее, что можно было позаимствовать у каждого из них, буряты в результате вступили в период длительного роста. Статус двойной окраины — монгольского мира и России — оказался для них крайне выгодным.

Среди целой совокупности факторов, обеспечивших этот примечательный прогресс коренного населения Забайкалья, можно особо выделить следующие. Во-первых, это возможность несения военной службы по охране границ государства, которая была институализована в Забайкалье в форме бурятских казачьих войск. Во-вторых, формирование здесь же крупных центров международной торговли, таких как Кяхта, которые не только предоставляли местным скотоводческим народам новые экономические возможности, но и способствовали распространению в их среде европейского образования. В-третьих, фактическая автокефалия, под защитой Российского государства, бурятского буддизма, который был независим от Тибета и Монголии, но при этом поддерживал с ними тесные отношения. Хозяйство кочевых бурят стало в результате приобретать черты товарности, а их доходы и качество жизни резко возросли. Уникальный же сплав восточной культуры, на страже сохранности которой продолжал стоять буддизм, и западного образования, которое пришло в регион вместе с крупной торговлей, позволил им взять на себя роль посредника во взаимоотношениях России со своими соседями в Восточной

Азии. Из среды бурятского казачества, которое в этой ситуации выступило авангардом развития, вышли как самые первые представители аборигенной науки, так и блестящие проводники и дипломаты. Основой их успеха стало то, что они могли наладить связи между хорошо им теперь знакомыми и понятными благодаря пребыванию в составе единого государства русскими и теми народами Востока, что оставались им близкими по вере, языку и культуре.

Двадцатый век принес важные перемены в жизнь многих народов Российской империи, включая и коренное население Баргуджин-Токума. Далеко не все из них были к лучшему. Так, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали привело к постепенному затуханию трансграничной торговли в Забайкалье, что, в свою очередь, сказалось на уровне образования, доступного коренному населению в приграничных регионах. Синьхайская революция в Китае и последовавшее за ней обретение независимости Монголии снизили важность местного участка государственной границы, а события Гражданской войны в России привели к тому, что бурятское казачество практически сошло с исторической арены. Антирелигиозная кампания 30-х годов, сопровождавшаяся репрессиями против духовенства, означала, в свою очередь, что роль тибетского буддизма в жизни простых бурят была сведена к минимуму.

Несмотря на то что в период демократизации страны, который пришелся на конец прошлого столетия, многие из этих перекосов были устранены, речи о том, чтобы полностью вернуться в прошлое, быть уже не могло. Попытка возрождения казачества потерпела неудачу. Современные бурятские казаки, лишённые какой-либо социальной функции и давно утратившие традиции, представляют собой ныне скорее элемент фольклора, чем реальную военную, экономическую или общественную силу. Несмотря на постоянный рост торговли с Монголией, а также планы Китая возродить континентальные торговые коридоры, один из которых должен пройти по территории Бурятии, надежда на то, что Забайкалье вернет себе славу крупнейшего торгового центра Сибири, призрачна. Проблема заключается в том, что высокий уровень интеграции транспортной сети республики в общероссийскую озна-

чает, что она при любом сценарии остается лишь транзитным коридором для тех товаров, что будут перемещаться по ее территории. В сфере образования, несмотря на то что буряты продолжают оставаться одним из самых образованных народов России, процент владения родным языком среди них ныне один из самых низких в стране¹². В свою очередь, это означает, что нынешние жители Баргуджин-Токума достигают успеха не за счет умелой конвергенции нескольких культур и традиций, а за счет полного забвения одной из своих ипостасей в пользу другой.

В этих условиях единственной силой, способной вернуть Бурятии статус двойного фронта и при этом стать основой для такой модели развития, которая позволяла бы жителям республики использовать свое уникальное географическое положение и особенности своего прошлого ради строительства будущего, оказался буддизм. В 80–90-х годах прошлого столетия эта религия пережила настоящий ренессанс, триумфально возвратившись как в жизнь простых жителей республики, так и в ее политику и даже в экономику. Во многом подобный успех стал возможен благодаря активной деятельности XXIV Пандито Хамбо-ламы Д. Аюшеева, возглавившего буддистов Бурятии в 1995 г. и вскоре после этого реорганизовавшего сангху таким образом, что та стала ведущей силой процессов национального возрождения.

Благодаря хорошим отношениям, сложившимся у него с представителями федерального центра, а также своей ярко выраженной патриотической позиции Дамба Аюшеев смог добиться того, что бурятский буддизм сохранил свою административную и духовную самостоятельность от внешних сил, включая и Далай-ламу XIV Тензина Гьяцо. При этом огромную роль в суверенизации бурятского буддизма сыграло обретение в 2002 г. нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова, что в теории позволяло Аюшееву претендовать и на особый статус в буддийском мире. В то же время рост социальной, политиче-

¹² «Буряты вошли в тройку национальностей с самым низким владением родным языком. 45 процентов не говорит на бурятском языке. Чуть хуже показатели у украинцев — 35 процентов, и белорусов — 24 процента» [Буряты стали вторыми... 2012].

ской и даже экономической роли буддизма в республике был обусловлен тем, что духовный лидер республики не только живо интересовался вопросами веры и исторического наследия, но и активно вникал во все остальные сферы жизни населения республики.

Его бескомпромиссность в отношениях с региональными властями, давно ставшая легендарной, явилась следствием его желания зафиксировать за БТСР статус важной политической силы. В то же время вовлеченность главы буддистов в развитие традиционного животноводства, в вопросы сохранения бурятского языка, а также в поддержку национальных видов спорта привела к тому, что буддизм стал восприниматься в качестве единственной силы, способной сплотить бурятский народ на основе народных традиций, обеспечив таким образом его дальнейшее развитие на основе бурятской культуры. По аналогии с теократической монархией средневекового Тибета, в рамках которой духовный лидер исполнял еще и функции верховного администратора, а видные священнослужители являлись участниками и бенефициарами любых экономических проектов, модель развития, которую реализует в наши дни Д. Аюшеев, может с полным правом считаться попыткой построения на территории Бурятии «теократического субъекта федерации».

В целом подобная модель до сих пор актуальна и по-своему эффективна. С одной стороны, ее применение позволяет избежать калмыцкого сценария, при котором тот или иной регион ставится под внешнее управление в том, что касается вопросов веры. С другой — Бурятия получает отличную возможность для дальнейшего развития именно на основе этнического ресурса. Вместе с тем следует признать, что так называемый автономный буддизм в том виде, в каком он складывается при Аюшееве, в самом ближайшем будущем может превратиться в тормоз для дальнейшего развития республики. Дело в том, что фактическая инкапсуляция региона и стремление к полной его автономности не позволяют полностью актуализировать ресурс изначально присущей Забайкалью периферийности. Границы, естественные и искусственные, которые вплоть до настоящего момента помогают Хамбо-

ламе Аюшееву достигать существенной автономии в вопросах веры и национального возрождения, безусловно, способствуют накоплению Бурятией определенного потенциала и предотвращают его присвоение внешними силами, выполняя, таким образом, защитную функцию. В том же случае, однако, если они остаются *полностью* непроходимыми, этот потенциал никак не реализуется вовне и в результате не трансформируется в полезный фактор, работающий на благо страны и республики.

Думается, что в настоящее время необходимо сохранить те социальные и политические достижения, что явились следствием консолидации населения республики на основе буддизма, но при этом дополнить их некоторыми шагами, которые смогли бы направить аккумулированный в ходе этого процесса потенциал вовне. С этой целью успехи, достигнутые в вопросах сохранения народной культуры и языка благодаря принципиальной позиции Хамбо-ламы Аюшеева, следует сформулировать в виде уникального рецепта развития на основе религии и «подавать» его таким образом, чтобы это выглядело как ноу-хау, предназначенное на экспорт. В результате качественно изменится сам характер взаимодействия России с Далай-ламой XIV и стоящими за ним силами. Вместо глухой обороны, которая характеризует политику российских властей и той же БТСР на современном этапе, можно будет приступить к трансляции на зарубежную аудиторию плодов того сплава европейского и восточного образования, который до сих пор является визитной карточкой Бурятии. Подавать его при этом следует в качестве альтернативы изрядно коммерциализированному и политизированному образу тибетского буддизма, который олицетворяет собой нынешний Далай-лама XIV Тензин Гьяцо.

В конечном счете поколение современных наследников Агвана Доржиева, таких как Легцок Дарижапов, вооруженное грамотно сформулированной идеей «северного возрождения» буддизма, снабженное необходимыми для ее продвижения реликвиями и рассчитывающее на всестороннюю поддержку государства, может стать новыми «проводниками» российского опыта и во Внутренней Азии, и за ее пределами. Так же как

и сам этот легендарный религиозный, политический и общественный деятель прошлого, они могут в результате стать *учителями* большого буддийского мира, а не довольствоваться, в уютном уединении гарантированной государством автокефалии, скромной ролью его *учеников*. В этом будущем духовном прорыве на Восток, основу для которого подготовили процессы возрождения буддизма в Бурятии, видится и будущее самого Баргуджин-Токума, который, оставаясь Краем Земли, обладает достаточным потенциалом, чтобы в очередной раз трансформировать собственный образ осажденной крепости в форпост мягкой силы.

Список литературы

- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Монголия. 2019. Август.
- ПМА. Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Бурятия: г. Улан-Удэ, Хоринский, Заиграевский и Кяхтинский районы. 2022. Февраль.
- Абаева Л.Л. История формирования этноконфессиональной ситуации в Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 37–57.
- Алексей Орлов встретился с Его Святейшеством Далай-ламой 14 [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Вести Калмыкии». 2011. 16 августа. URL: <https://vesti-kalmykia.ru/news/aleksey-orlov-vstretilsya-s-ego-svyatejshestvom-dalaj-lamoj-14>
- Амоголонова Д.Д. Улан-Удэ — «буддийская столица России»: отражение религиозного возрождения в образах городского пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / Ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 119–140.
- Амоголонова Д.Д. Возвращение хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии // Вестник Бурятского госуниверситета. 2012. № 7. С. 65–70.
- Амоголонова Д.Д. Буддизм в Бурятии: российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. Вып. 36. Религии на Востоке. М.: Вост. лит., 2015. С. 5–41.
- Амоголонова Д.Д. Хамбо лама Дамба Аюшеев и его роль в современном буддийском возрождении Бурятии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 33–42.

- Андреев А.И. Мертвый город Хара-Хото был открыт дважды. Документальное расследование // Наука из первых рук. 2020. № 2(87). С. 72–95.
- Андреева О. Так говорит Хамбо-лама [Электронный ресурс] // Эксперт. 2013, 16 мая. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2013/19/tak-govorit-hambo-lama/
- Анинский дацан: прошлое, настоящее, будущее. Улан-Удэ: Экос, 2020. 288 с.
- Бабаков В.В. Влияние кяхтинской чайной торговли на товарность скотоводческого хозяйства селенгинских бурят в XVIII в. // Кяхта — национальное достояние России: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта (Кяхта, 10–12 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. С. 61–64.
- Бакаева Э.П. Центральное духовное управление буддистов: представления и реальность // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 4. С. 34–44.
- Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов / Под ред. Г.Н. Потанина. М.: URSS; Либроком, 2011. 128 с.
- Бардуева Т.Ц. Первый пандито хамбо лама Дамба-Даржа Заяев и его роль в распространении буддизма в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 134–139.
- Барфилд Т.Дж. Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова. СПб.: Нестор-история, 2009.
- Басаев С. Буряты и Гражданская война в России [Электронный ресурс] // ARD. 2021. 28 мая. URL: <https://asiarussia.ru/articles/27690/>
- Басхаев А.Н. История Калмыкии и калмыцкого народа с древнейших времен до конца XX века. М.: ТРП, 2021. 448 с.
- Белов А.А. Патриарх и овцы как скрепы бурятского буддизма [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2020, 18 февр. URL: https://www.ng.ru/people/2020-02-18/12_481_buddhism.html
- Беляева-Сачук В.А. XXIV Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев: духовный, этнический или региональный лидер? // Кунсткамера. 2020. № 3(9). С. 55–64.
- Болдуринова Е. Третий визит Его Святейшества Далай-ламы XIV // Известия Калмыкии. 2004, 30 нояб.
- Большаков Б.Е. Феномен Итигэлова и проблема исследования фундаментальных и прикладных свойств пространства-времени. Часть I. Феномен Итигэлова и философско-методологическая постановка проблемы // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 75–85.
- Буваев С. Далай-лама и Кирсан Илюмжинов [Электронный ресурс] // Официальный портал Кирсана Илюмжинова. 2018. 12 октября. URL: <https://kirsan.today/mnenie/item/2582-dalaj-lama-i-kirsan-ilyumzhinov.html>

- Буддизм в истории и культуре бурят* / Ред. И.Р. Гарри. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. 417 с.
- Буддийская община Петербурга передала Анинскому дацану в Бурятии копию бюста Екатерины II* [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 2019. 23 августа. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6792771>
- Булдумур дацан*. Улан-Удэ: [Б.и.], 2017. 39 с.
- Буряты* / Ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.
- Буряты стали вторыми по образованности и последними — по владению родным языком* [Электронный ресурс] // БМК. 2012, 26 июня. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/society/210996/>
- Ванчигова Ц.П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии республики* // Ученые записки ЗабГУ. 2012. № 2. С. 128–135.
- Вашкевич В.В. Ламаиты в Восточной Сибири*. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. 144 с.
- В Бурятии открыли памятник «Исследователям Центральной Азии»* [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020, 26 сентября. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9559363>
- Высотина Е.А. Казачество Бурятии в прошлом и настоящем*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 213 с.
- Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят*. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
- Гармаев В.Ч.-Д. История казачества Бурятии. Факты, документы, биографии, стихи*. Улан-Удэ: Весть, 2014. 342 с.
- Гедин С.А. Тарим — Лоб-Нор — Тибет: Путешествие по Азии, 1899–1902 гг.* СПб.: А.Ф. Девриен, 1904. 385 с.
- Глава буддистов России: «С нами — Будда!»* [Электронный ресурс] // Информ Полис online. 2022. 28 февраля. URL: <https://www.infpol.ru/239131-glava-buddistov-rossii-s-nami-budda/>
- Дабаин Б. И горит в долине священный огонь лампы* [Электронный ресурс] // Буряад Үнэн. 2018. 14 марта. URL: <https://burunen.ru/news/society/55547-i-gorit-v-doline-svyashchennyu-ogon-lampady/>
- Дабаин Б., Батыев Ц. Буряты-казаки на службе Отечеству*. Улан-Удэ: Нова-принт, 2019. 112 с.
- Дамдинов А.В. Агван Доржиев — выдающийся религиозный и общественно-политический деятель*. Улан-Удэ: Бэлиг, 2010. 75 с.
- Дамдинов А.В. Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха* // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: Сб. науч. статей / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Л.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2020. С. 190–201.
- Джеваков М.В. Региональная геополитика в современной России: угрозы и риски для национальной безопасности: на материалах Республики Калмыкия*. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 26 с.

- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Доржиев Б.Ш. История происхождения и становления бурятского народа. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2010. 204 с.
- Жамсуева Д.С. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Власть. 2008. № 11. С. 63–66.
- Жуковская Н.Л. К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II // Мир буддийской культуры. Материалы междунар. симпозиума. 10–14 сентября 2001 г. Улан-Удэ; Агинское; Чита, 2001. С. 82–87.
- Жуковская Н.Л. Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 9–36.
- Жуковская Н.Л. О буддизме и о буддистах: статьи разных лет, 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 474 с.
- Закон кармы на страже закона сохранения энергии. Буддийский священнослужитель пригрозил ворабедностью // Молодежь Бурятии. 2005, 23 марта. С. 8.
- Иванов А.В. Значение святынь в жизни народа и необходимость их защиты // 70 лет пакту Рериха: Материалы междунар. науч.-обществ. конф. 2005. М.: Международный центр Рерихов, 2006. С. 162–174.
- Интервью с Хамбо-ламой Дамбой Аюшевым в программе «Разбор полетов» [Электронный ресурс] // Радиостанция Эхо Москвы. 2018. 1 августа. URL: https://echo.msk.ru/programs/razbor_poleta/2249838-echo/
- Кириллова С.В. Беспощадная и контрабандная торговля России с Китаем и Монголией в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 138–141.
- Колесников А. Разговор по-дацански [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2013, 12 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2167821>
- Коновалов П.Б., Цыбикдоржиев Д.В. Исторический Баргуджин-Токум — исконная родина бурятского народа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 129–150.
- Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.
- Лялина Т.Н., Мошкина З.В. Геополитическое положение Забайкалья и его влияние на конфессиональную политику по отношению к буддийскому духовенству в XVII–XIX вв. // Вестник ЗабГУ. 2013. № 9(100). С. 3–12.
- Маргоева А.Р. Казаки-буддисты: трансформация традиционной культуры в современных условиях // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 101–110.
- Мельников А. Спецоперация вернула ламу Калмыкии к месту предыдущего рождения [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2022, 3 окт. URL: https://www.ng.ru/faith/2022-10-03/2_8555_mongolia.html

- Мировые известности* работают над спектаклем о пандито хамбо ламе Итигэлове [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бурятского театра оперы и балета. 2018. 26 января. URL: <https://uuopera.ru/mirovye-izvestnosti-rabotayut-nad-spe/>
- Митыпов В.М. Международная деятельность Центрального духовного управления буддистов СССР и Буддийской традиционной сангхи РФ (1970-е — первая половина 1990-х гг.) // Байкальский регион в переломные периоды истории (XIX–XXI вв.). Мат-лы Всероссийск. науч. конф. г. Улан-Удэ, 27–28 апреля 2006 г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 113–126.
- Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
- Михалев А.В. Христианство в современной Монголии: три сценария развития // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность: Сб. науч. статей / Ред. Б.З. Нанзатов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 122–135.
- Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4(25). С. 108–120.
- Михалев М.С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы России и Китая в государственной политике. М.: ИДВ — Вост. лит., 2022. 296 с.
- Монтлевич В.М. Сандаловый Будда // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения: материалы конференции (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г.) / Ред.-сост. Ц.А. Самбуева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 297–303.
- Намсараева С.Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 58–87.
- Необычайная Кяхта / Автор-сост. Л.Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 176 с.
- Новая версия феномена Итигэлова // АиФ в Бурятии. 2007. № 8. С. 1.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1955. 377 с.
- Олзоева В. Возрождается первый казачий дацан Бурятии [Электронный ресурс] // Информ Полис online. 2017. 14 июня. URL: <https://www.infpol.ru/101093-vozrozhdaetsya-pervyy-kazachiy-datsan-buryatii/>
- Павлов В. Элистинские лекции профессора Роберта Турмана [Электронный ресурс] // Ассоциация «Буддизм в Интернете». 2016. 2 мая. URL: <https://buddhist.ru/buddhist-news/site/7455-elistsinskie-lekcii-professora>
- Позднеев А.М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археоло-

- гического общества. Т. 1. 1886. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. С. 169–188.
- Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Географическое отделение Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895. 296 с.
- Раднаев Б. Забайкальцы в экспедиции Свена Гедина [Электронный ресурс] // Буряад Үнэн. 2020. 20 октября. URL: <https://burunen.ru/news/culture/72839-zabaykaltsy-v-ekspeditsii-svena-gedina/>
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой, ред. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 774 с.
- Реинкарнация как американская мечта [Электронный ресурс] // ARD. 2021. 20 марта. URL: <https://asiarussia.ru/news/26968/>
- Самойлова Н. Хуже не будет! // Номер один в Улан-Удэ. 2004. № 48. 1 декабря.
- Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1947. 204 с.
- Соколова С.А. Буддистские реликвии как основа создания политического мифа: новый взгляд на особенности религиозного возрождения в Бурятии // Традиционная культура. 2022. № 4. С. 92–100.
- Тендрякова М.В. Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / Ред. Н.Л. Жуковская. М.: Вост. лит., 2008. С. 133–158.
- Торжественная церемония передачи капсул и священной земли из городов-героев участникам проекта «Мемориальный комплекс: города-герои» [Электронный ресурс] // Сайт Хоринской СОШ № 2 им. Ю.А. Гагарина. 2021. 3 марта. URL: <https://maou-kho.buryatschool.ru/site/pub?id=928>
- Урбанаева И.С. Как и почему Тибет стал «центральной страной» буддизма // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, востоковедение. 2013. № 4(36). С. 212–223.
- Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. Конец XIX века. М.: URSS, 2011. 128 с.
- Хамбо лама. Мысли наедине / Сост. А. Махачкеев. Улан-Удэ: Новапринт, 2017. 144 с.
- Цыбикдоржиев Д. Почему в Бурятии вырос уровень образованности? [Электронный ресурс] // ARD. 2016. 6 апреля. URL: <https://asiarussia.ru/articles/11846/>
- Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 335 с.
- Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3(39). С. 96–109.

Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII-XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1978. С. 80–91.

Шаумян Т.Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. 204 с.

Bernstein A. The Post-Soviet Treasure Hunt: Time, Space, and Necropolitics in Siberian Buddhism // Comparative Studies in Society and History. 2011. Vol. 53. No. 3. P. 623–653.

Davidson R.M. Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture. New York: Columbia University Press, 2005. 616 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках популярного ныне цивилизационного подхода центральную часть Евразии практически никогда не рассматривают в качестве отдельного региона, предпочитая включать отдельные ее части в состав окраинных районов крупных цивилизаций. Не происходит этого и в рамках политического анализа, несмотря на то что Монголия, Афганистан, Казахстан и постсоветские республики Средней Азии давно являются суверенными, независимыми государствами. Это тем более странно, принимая во внимание то, что большинство срединных регионов континента, расположенных в пределах его обширной области внутреннего стока, характеризуются схожими географическими условиями, а их исторические судьбы неотделимы друг от друга. Важно и то, что населяющие центральную часть Евразии народы близки друг другу по образу жизни, а также по своим лингвистическим, антропологическим, культурным и мировоззренческим особенностям.

Для того чтобы откорректировать данную ситуацию, аналитически вычленив и затем объединить между собой глубинные районы Евразии, следует обратиться к термину «Внутренняя Азия». Как представляется, это позволит избежать путаницы, возникающей при использовании более распространенных словосочетаний, таких как Средняя или Центральная Азия, которые имеют разное смысловое наполнение в разных научных традициях. Будучи очерченной подобным образом и в результате наделенной субъектностью, Внутренняя Азия предстает как тот самый хартленд, узловой регион

в центре Евразии, за обладание которым, по мнению многих представителей политической науки, давно соперничают важнейшие периферийные по отношению к ней цивилизации континента, такие как Россия, Индия, Китай, Иран, а также другие, менее крупные державы. Несмотря на все их притязания, на протяжении большей части своей истории срединной части континента удавалось отстоять свою независимость и, что крайне важно, сохранить особый характер междумирья. Эти часто воспринимаемые в качестве ничейных территории обычно располагаются в промежуточных пространствах между крупными историко-культурными обществами и представляют собой вкрапления гостевой материи, отличной по характеру от социальной материи окружающих их цивилизаций.

Благодаря этому факту Внутренняя Азия в прошлом выполняла важнейшую историко-культурную функцию, оставаясь для Евразии «пульсирующим Римом» или «тиглем», одновременно держа в напряжении и вместе с тем гарантируя плодотворное смешение и «перекрестное опыление» создавших их оседлых земледельческих культур, расположенных очень далеко друг от друга. Ее обширная территория, оставшаяся фактически неподконтрольной, обеспечивала пространство диалога и делала возможным реальный обмен знаниями, идеями, товарами и технологиями. Ситуация кардинально изменилась лишь с приходом в регион России, в состав которой вошла западная часть Внутренней Азии и целиком ее северная периферия, а также с объединением под знаменами маньчжуров Китая и большинства восточных районов срединной части континента. В конечном счете практически вся территория Внутренней Азии вошла в состав двух современных централизованных государств, и значительная часть присущих ей изначально функций оказалась невостребованной.

Благодаря, однако, тому, что и для Китая, и для России этот регион так и остался далекой окраиной, это не привело к полной утрате Внутренней Азией своего статуса крупнейшего междумирья континента. Способность исполнять функции внутренней полости, обеспечивающей наличие животворящей пустоты в самом центре глобальной структуры и в ка-

кой-то степени позволяющей ей дышать и развиваться, оказалась под угрозой утраты уже в наше время. Резкий рост внешнеполитического влияния Китая вкупе с сильно возросшими возможностями его экономики, помноженный на достижения технического прогресса, позволяют Пекину вынашивать амбициозные планы инфраструктурного развития Евразии, выразившиеся в 2013 г. в мегаинициативу председателя Си, получившую название «Один пояс — один путь». Не вызывает сомнения, что в случае ее успешной реализации дальнейшее функционирование Внутренней Азии в качестве междумирья станет практически невозможным по той причине, что крупные транспортные коридоры, лежащие в основе ее идеологии, автоматически приведут к насильственной модернизации и унификации пространства, сквозь которое они прокладываются.

Единственной альтернативой планам интеграции континента под руководством и в интересах Китая, способным в конечном счете лишить Евразию возможности «дышать», является возведение на пути уже, по-видимому, неизбежных транспортных коридоров локальных преград, существенно замедляющих скорость перемещения товаров, людей и капитала. Лишь в этом случае удастся, по крайней мере на какое-то время, предотвратить полное поглощение хартленда римлендом, при этом сами эти преграды могут стать отдельными точками роста. Лучше всего на эту роль подходят лимитрофы, или, иными словами, территории вдоль линий соприкосновения Внутренней Азии с окружающими ее крупными цивилизациями.

Большая часть этого кольца находится достаточно далеко от границ России, однако северная периферия Внутренней Азии практически совпадает с приграничными районами России и Монголии. Именно этот регион в результате может взять на себя роль амортизатора на пути глобальных транспортных коридоров. При этом следует понимать, что географические, исторические, культурные, социальные и политические особенности каждой из составных частей Южной Сибири существенно разнятся. По этой причине необходим всесторонний учет их особенностей. В конечном счете только

модель, адаптированная под конкретную территорию, может оказаться действенной.

Именно подобным образом, на основе анализа информации по истории, культуре и географии каждого из регионов на границе России и Монголии и были разработаны представленные в данной книге модели пространственного развития для трех республик Южной Сибири — Алтай, Тувы и Бурятии. Каждая из них является ключевым районом как с точки зрения обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, так и в целях поддержания внешнеполитического баланса в центре Евразии в целом. По этой причине, с одной стороны, в основе представленных выше рекомендаций лежит императив максимально полного учета этнического фактора и особого культурного, политического и экономического потенциала жителей этих регионов в интересах обеспечения национальной безопасности страны и достижения устойчивого роста социально-экономических показателей в самих республиках южной части Сибири. С другой же — принимается во внимание и то, что Алтай, Тува и Бурятия находятся на периферии Внутренней Азии и, таким образом, являются ее составной частью. Стало быть, те преграды, что предлагается возвести здесь на пути транспортных коридоров и связанных с ними поясов развития, призваны не только способствовать росту уровня безопасности России и экономическому развитию трех республик, но и внести вклад в сохранение политического, экономического и культурного равновесия во всей остальной Евразии.

Способы достижения целей для каждой из южносибирских республик существенно различаются. В случае с Республикой Алтай целесообразной выглядит ее частичная изоляция и от остальной территории страны, и от сопредельных государств через регламентацию доступа туристов и введение ограничений на инвестирование в туристический сектор. Благодаря этой стратегии государство сможет предотвратить форсированное развитие региона, чреватое негативными последствиями и для него самого, и для страны, и для срединных регионов Евразии в целом. Конкретными целями при создании на Алтае особо охраняемой культурной территории являются

укрепление гармонии в межэтнических отношениях и сохранение цивилизационного буфера, существование которого в настоящее время находится под угрозой по причине неконтролируемого развития туризма.

Проблемы Республики Тыва несколько иного плана, и заключаются они не в ускоренном ее развитии, а скорее в слишком низких его темпах, что обусловлено в том числе и недоиспользованием того геополитического и геоэкономического потенциала, что изначально присущ этому уникальному со всех точек зрения региону в географическом центре Азии. Несмотря на то что и в данном случае предлагается усиление контроля над внутренними рубежами республики, делается это лишь для того, чтобы тем самым компенсировать более высокий уровень ее открытости в отношениях с Монголией и другим странами Восточной Азии. Целью этого двойного маневра является создание на дальних рубежах страны своеобразного «шлюза», который может стать точкой экономического роста и одновременно открыть и для России, и для Монголии, и для Китая новые, соседние рынки, не приводя при этом к их поглощению какой-либо одной из сторон. Этого предлагается достигнуть через использование этнического фактора.

Наконец, в Бурятии благодаря политике Российского государства уже давно сформировался своеобразный вариант автономного буддизма. На самом деле эта религия не только выступает механизмом этнической дифференциации для коренного населения, но и может превратиться в драйвер политического и экономического роста для всего приграничного региона. При этом бурятский буддизм в состоянии существенно обогатить религиозную традицию и других регионов Внутренней Азии, вернув ей таким образом статус «пульсирующего Рима» хотя бы в религиозном аспекте. Произойдет это лишь в том случае, однако, если ему удастся выйти за пределы республики и за рубежи страны, превратившись в предмет ее духовного экспорта. Несложно догадаться, что это станет возможным только благодаря перенаправлению его активности вовне, в тибето-монгольский или, еще шире, в буддийский мир Внутренней и Восточной Азии.

Несмотря на существенные различия в деталях, в основе трех предлагаемых моделей развития несложно разглядеть общий базовый принцип, на котором все они зиждутся. Принцип этот заключается в том, что государство, используя свой административный ресурс, вычленяет приграничный регион из общего политического и культурного пространства страны и фиксирует тем или иным способом его границы с ее же внутренними районами. В дополнение к четко определенной международными договорами государственной границе, которая выступает здесь в роли внешнего контура, линиями внутреннего контура для подобным образом вычленяемых сегментов в случае с Южной Сибирью как раз и является неформализованная северная граница Внутренней Азии. Отдельные ее участки могут при этом оставаться полностью условными, как это происходит с буддийской Бурятией, выделяемой из общего тела страны сугубо по конфессиональному признаку. В других случаях они могут быть практически блокирующими, как этого, к примеру, требует современная ситуация на Алтае.

В любом случае речь идет о том, что благодаря очерчиванию внутренних рубежей сибирской части российского сегмента Великого восточного лимитрофа возвращается изначально присущая ему буферность, которую вплоть до настоящего момента государство всеми силами пыталось ликвидировать, ссылаясь на необходимость сохранения единства и целостности страны. Вопреки распространенному мнению, свойственному, впрочем, скорее политологам, нежели антропологам, результатом такой довольно условной сепарации региона становится не его сецессия, а наоборот, укрепление и даже диверсификация его связей с внутренними районами страны.

Связано это с тем, что искусственная преграда, целенаправленно формируемая государством на своих внутренних, административных границах, превращается во внутреннюю точку роста и гарантию поступательного развития, которое приграничный регион, однако, может реализовать лишь через усиление межрегиональных контактов внутри страны. Это означает, что преграда, с одной стороны, должна быть

достаточно серьезной, для того чтобы высветить и благодаря этому превратить в фактор внутренней и внешней конкурентоспособности историческую и культурную уникальность того или иного региона. С другой же — она должна быть возведена и поддерживаться таким образом, чтобы эта уникальность не оказалась лишенной возможности реализовать себя во взаимодействии с иноэтничным окружением внутри страны.

Конкретная же «высота», а вместе с ней и характер преграды и, как итог, выбор конкретной модели пространственного развития зависят от того, в каком именно исконном положении по отношению к соседним регионам и соседним странам находится тот или иной приграничный регион. В том случае если он уже является культурно и экономически самодостаточным, максимальная польза и для него самого, и для государства в целом будет достигнута, если стенки создаваемой для него властями капсулы окажутся максимально тонкими — причем как на внешнем, так и на внутреннем контуре. Пестуя свою уникальность лишь при минимальной поддержке центра, ограждающего его от избыточного влияния со стороны, периферия сможет одновременно направить свою сконцентрированную силу и вовнутрь страны, что приведет к культурному обогащению ее граждан, и вовне ее пределов, увеличивая таким образом ее внешнеполитический и внешнеэкономический потенциал. Именно такая ситуация наблюдается в Бурятии, которой сейчас достаточно формальных гарантий автокефалии со стороны центральной власти и которая в состоянии стать форпостом мягкой силы страны на восточном направлении при условии снятия негласных ограничений на внешние контакты.

В том же случае, если регион внутренне слаб, экономически и политически хрупок и по этой причине легко подвержен внешнему влиянию, задачей государства становится его максимальная изоляция от воздействия со стороны иных акторов как изнутри страны, так и из-за ее пределов. Связано это с тем, что только так государство может гарантировать сохранение культурной самостоятельности региона и в дальнейшем использование его уникального потенциала на его собствен-

ное и на общее благо. Речь идет в данном случае о Республике Алтай, сохранность культуры коренного населения которой находится ныне под серьезной угрозой и требует более решительных действий со стороны федерального правительства. Что же касается Республики Тыва, то она в этом отношении располагается в центральной части континуума «безопасность — развитие» и по этой причине требуются лишь косметические меры, заключающиеся в смягчении режима на внешнем контуре региона при условии одновременного его ужесточения на его внутренних границах.

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что все предложенные программы исходят из базового положения, в соответствии с которым основной задачей государства является обеспечение невмешательства внешних сил в дела приграничного региона и одновременно с этим обеспечение его внутренней автономности. Подобное сочетание одинаковых, но при этом разнонаправленных действий создает своеобразные «капсулы развития» и при этом гарантирует соблюдение баланса между целями устойчивого развития и потребностями безопасности как собственно России, так и Внутренней Азии в целом. Их функционирование способно предотвратить исчезновение междумирья на карте Евразии, что, в свою очередь, обеспечит стабильность и сбалансированность дальнейшего развития этого континента в будущем.

Об авторе

Максим Михалев — российский востоковед и социальный антрополог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник и руководитель Центра «Государство и религия в Азии» Института Китая и современной Азии РАН, профессор Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета. Научные интересы включают общие проблемы роли коренных и малочисленных народов во внутренней политике государств и в международных отношениях, а также вопросы истории и социальной антропологии внутренних регионов Евразии, включая восточные районы Средней Азии, Синьцзян, Тибет, Монголию и Южную Сибирь. Более десяти лет жил и работал в Китае, подготовил и провел несколько комплексных экспедиций по труднодоступным приграничным территориям этой страны, в 2019 г. осуществил уникальный исследовательский проект «Пояса и пути Евразии», проехав в одиночку на велосипеде от Москвы до Пекина. Автор многочисленных научных и научно-популярных статей по антропологической и геополитической проблематике, публиковавшихся в России, Китае, Болгарии, Таджикистане, Германии и Италии, а также нескольких монографий на английском, русском и китайском языках.

About the Author

Maxim MIKHALEV, Dr. Sci. (History). Russian anthropologist and orientalist. Leading researcher, Head of the Research center “State and Religion in Asia”, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, professor at the Russian State University for the Humanities. Research interests include theoretical understanding of the role that national minorities play in the policies of modern states and the social history and anthropology of Inner Asia, including eastern part of Central Asia, China’s Xinjiang and Tibet, as well as Mongolia and Southern Siberia. He lived for more than decade in China where he mounted several comprehensive expeditions to the remote borderland areas of the country. In 2019, Maxim Mikhalev completed a unique fieldwork project “Belts and Roads of Eurasia” making a solo bicycle trip from Moscow to Beijing. With academic papers and popular science articles on anthropology and international policy in Inner Asia published in Russia, China, Bulgaria, Tajikistan, Germany and Italy, Mikhalev also authored several books in English, Russian and Chinese.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1.	
Внутренняя Азия. Междумирье.....	5
<i>Прошлое: «тигель Евразии».....</i>	<i>5</i>
<i>Настоящее: экономическая интеграция как угроза</i>	<i>23</i>
<i>Будущее: пояса против путей.....</i>	<i>39</i>
Список литературы.....	57
Глава 2.	
Республика Алтай.	
Особо охраняемая культурная территория	62
<i>Прошлое: цивилизационный амортизатор</i>	<i>62</i>
<i>Настоящее: туристический бум.....</i>	<i>73</i>
<i>Будущее: заповедник культуры</i>	<i>92</i>
Список литературы.....	134
Глава 3.	
Республика Тыва. Свободная этноэкономическая зона	140
<i>Прошлое: самоуправляющийся буфер.....</i>	<i>140</i>
<i>Настоящее: новый протекторат,</i> <i>или политика без экономики</i>	<i>170</i>
<i>Будущее: «иллюзная» экономика.....</i>	<i>186</i>
Список литературы.....	204
Глава 4.	
Республика Бурятия. Форпост мягкой силы	209
<i>Прошлое: Край Земли, или Баргуджин-Токум</i>	<i>209</i>
<i>Настоящее: автономный буддизм</i>	<i>239</i>
<i>Будущее: «северное возрождение».....</i>	<i>258</i>
Список литературы.....	278
Заключение.....	285
Об авторе	293

CONTENTS

Introduction	3
 Chapter 1.	
Inner Asia. The In-between and In-between World.....	5
<i>The Past: "The Crucible of Eurasia"</i>	<i>5</i>
<i>The Present: Economic Development as Menace</i>	<i>23</i>
<i>The Future: Belts vs. Roads</i>	<i>39</i>
References	57
 Chapter 2.	
The Altai Republic. Specially Protected Cultural Area.....	62
<i>The Past: Civilization Damper</i>	<i>62</i>
<i>The Present: Tourist Boom</i>	<i>73</i>
<i>The Future: Sanctuary of Culture</i>	<i>92</i>
References	134
 Chapter 3.	
The Tyva Republic. Free Ethnoeconomic Zone	140
<i>The Past: Self-ruling Buffer Zone</i>	<i>140</i>
<i>The Present: New Protectorate, or Politics without Economics</i>	<i>170</i>
<i>The Future: "Sluiceway" Economy</i>	<i>186</i>
References	204
 Chapter 4.	
The Republic of Buryatia. Soft Power Outpost.....	209
<i>The Past: The Edge of the Land, or Bargudzhin-Tokum.....</i>	<i>209</i>
<i>The Present: Autonomous Buddhism</i>	<i>239</i>
<i>The Future: "Northern Renaissance"</i>	<i>258</i>
References	278
 Conclusion	 285
About the Author.....	293

Научное издание

Михалев Максим Сергеевич

**ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА
ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

*Южная Сибирь
и евразийская интеграция*

Редакторы *В.И. Мартынюк, О.В. Мажидова*
Корректор *Н.Н. Щигорева*
Компьютерная верстка *О.В. Волкова*

Подписано в печать 07.07.2023
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 18,5. Усл. кр.-отт. 19,0. Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

ФГАУН Институт Китая и современной Азии РАН
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
тел.: +7(499) 124 02 17
<https://iccaras.ru>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО "Фотоэксперт" 109316,
Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. 6.3-23Н